

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ, ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

КАРАЧАЕВО ЧЕРКЕССКАЯ
ОБЛАСТНАЯ ТИПОГРАФИЯ
ЧЕРКЕССК — 1972 г.

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ, ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Под редакцией доктора философских наук,
профессора С. М. АРУТЮНЯНА.

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ
ОБЛАСТНАЯ ТИПОГРАФИЯ
ЧЕРКЕССК — 1972 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Вопросы национальной психологии» представляет собой первый выпуск трудов сектора социологии Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы. Выпуск посвящен рассмотрению некоторых теоретических и научно-прикладных вопросов национальной психологии на конкретных материалах автономных республик и областей Северного Кавказа.

В нем помещены: статья доктора философских наук С. М. Арутюняна «Социально-психологические факторы социалистических национальных отношений», статьи кандидата философских наук К. И. Чомаева «Дореволюционные черты этнической психологии горских народов Северного Кавказа» и «О природе этнических предубеждений». В данных статьях рассматриваются такие теоретические вопросы, как природа психического склада наций, место национальной психологии в межнациональных отношениях, формирование единых черт духовного облика социалистических наций и народностей, преодоление пережитков былой национальной неприязни, о возникновении и сущности этнических предубеждений,

к критике некоторых буржуазных теорий национальных предрассудков и др., а также предпринята попытка комплексного описания основных дореволюционных черт этнической психологии народов Северного Кавказа. Последнее служит историческим введением в исследование сдвигов, происшедших в горском этническом сознании в условиях социализма.

Несмотря на то, что затронутые здесь вопросы не новы для марксистско-ленинской теории наций и национальных отношений и имеется многочисленная литература, посвященная им, авторы исходили из представления о недостаточной еще разработанности этих вопросов и, опираясь на работы других авторов, пытались внести свой скромный вклад в их разработку. Не претендуя на полное и окончательное решение рассматриваемых вопросов, они полагают, что изложенное в этом сборнике привлечет внимание специалистов и вызовет интерес у широкого круга читателей. Авторы будут признательны всем, кто, ознакомившись с настоящим сборником, выскажет замечания, сделает предложения и поправки, поделившись своим знанием исследуемого предмета.

С. М. АРУТЮНЯН.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МЕСТО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В ПРАКТИКЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

До сих пор у нас нет работ, посвященных психологическим основам национальных отношений. Между тем, этому вопросу уделяют большое внимание буржуазные социологи. Только сравнительно недавно наши философы и историки вплотную занялись разработкой психологических проблем национальных отношений. В числе первых разработкой актуальных проблем межнациональных отношений занялся М. С. Джунусов. Отрадно, что на Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам пролетарского интернационализма ряд авторов выступили по этим вопросам (М. С. Джунусов, А. И. Горячева, Н. Джандильдин, М. А. Меликян, Н. С. Сарсенбаев, В. Н. Филатов и др.).

В среде наших историков и философов бытует мнение о том, что психология может быть лишь классовой, но не национальной, что о национальной психологии, национальном характере, национальном сознании и национальном чувстве может говорить буржуазный идеолог, во всяком случае, не марксист. Это — глубоко ошибочное представление. Многие наши социальные психологи отрицают существование национальной психологии. Как пример можно привести одно утверждение, содержащееся в очень интересной книге Б. Ф. Поршнева «Социальная психология и история». Автор, касаясь вопросов национальной психологии, говорит, что «в общем этот круг вопросов был чужд мысли В. И. Ленина»¹. Но это утверждение не соответствует действительности. В. И. Ленину вовсе не был чужд круг вопросов, связанных с национальной психологией. Он неоднократно, касаясь

¹ Б. Ф. Поршнев. «Социальная психология и история» М., 1966 г. стр. 70.

национальных признаков, в числе их указывал особенности языка, условий быта, культуры и психологии¹. В Письме С. Г. Шаумяну В. И. Ленин совершенно определенно сформулировал мысль о существовании национальной психологии, указав, что она особенно важна в национальном вопросе². Термин «национальная психология», без каких-либо оговорок, В. И. Лениным употреблен в записке «К вопросу о национальностях или об «автономизации»»³.

В. И. Ленин здесь же подчеркнул мысль о том, что национальная психология при малейшем принуждении может оказать отрицательное влияние на бесспорно прогрессивное пролетарское дело. В. И. Ленин ясно видел, что национальная психология является важным фактором, который может оказывать серьезное влияние на многие процессы и явления общественной жизни. В. И. Ленин неоднократно указывал, что партия пролетариата не может не учитывать национальной психологии как при подготовке трудящихся различных наций к революции, так и при социализме.

Многочисленные высказывания В. И. Ленина не оставляют сомнений в том, что он придавал большое значение национальной психологии, национальным чувствам и настроениям. При этом он подчеркивал важное значение социально-экономического фактора, указав, что «еще важнее экономика, чем психология»⁴.

Национальные отношения зависят от всей совокупности общественных отношений, подчинены ей и изменяются вслед за преобразованием последних.

Именно с этих позиций марксизм рассматривает национальную психологию, подчеркивая ее обусловленность социально-экономическими, политическими, культурными и другими факторами. Поскольку национальное чувство является фокусом, стержневым вопросом национальной психологии, анализ этой проблемы следует начинать с рассмотрения содержания национального чувства.

Национальная психология включает в себя национальные чувства, привычки, обычаи, традиции, этническое самосознание и т. д. «Национальные чувства, — пишет М. С. Джунусов, — это исторически сложившаяся, передающаяся из поколения в поко-

¹ В. И. Ленин, ПСС т. 8, стр. 68.

² В. И. Ленин, ПСС, т. 48, стр. 234.

³ В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 357.

⁴ В. И. Ленин, ПСС, т. 48, стр. 234.

ление устойчивая национальная эмоциональная реакция людей на явления и процессы национальной жизни». «Национальные чувства, — продолжает он, — это не мимолетные «вспышки» в эмоциональной жизни, они носят устойчивый характер. В каждый данный момент национальные чувства направлены на определенный объект в материальной и духовной жизни нации»¹.

Национальные чувства играют немаловажную роль в межнациональных отношениях, так как они представляют собой эмоциональные национальные отношения людей к своей национальной принадлежности, к своим национальным интересам, а также к другим нациям и их интересам. Национальные чувства по своей психологической основе представляют собой комплекс чувств, представлений, чаяний, иногда — иллюзий. Такие чувства, как чувство патриотизма, чувство любви к своей нации, родной природе, языку, культуре, чувство уважения к другим нациям, чувство симпатии и антипатии, исторически сложились в течение многих веков. По словам В. И. Ленина, чувство патриотизма является одним из самых глубоких чувств, закрепленных тысячелетиями обособленных отечеств.

Это чувство представляет собой комплекс любви, уважения, преданности Родине, это чувство национальной гордости за свой народ. Из поколения в поколение передается национальное чувство патриотизма. В процессе передачи, национальные чувства совершенствуются, обогащаются эмоциональным содержанием. Каждому народу, большому и малому, свойственно чувство патриотизма. Было бы неверно утверждать, что большая нация является носителем больших национальных чувств, а маленькая нация — маленьких национальных чувств. История показывает, что национальные чувства проявляются особенно обостренно именно у малых народов.

В. И. Ленин отмечал, что «...ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки»²... В. И. Ленин указывал, что русский пролетариат, русские коммунисты в своих отношениях к другим народам советской России не могут ограничиваться формальным признанием равенства наций. Для того чтобы завоевать доверие всех ранее

¹ М. С. Джунусов. «Актуальные вопросы теории и практики социалистического интернационализма» (Материалы Всесоюзной конференции, М., 1968 г., стр. 24).

² В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 360.

угнетавшихся национальностей, для того чтобы объединиться в добровольный союз равноправных наций, нужно, — говорил он, — «...возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством «великодержавной» нации»¹.

В. И. Ленин учил партию уметь воспитывать уважение к национальному достоинству народов, быть внимательными, осторожными, тактичными по отношению к ранее угнетавшимся нациям. В своих многочисленных высказываниях В. И. Ленин намечал пути управления национальными чувствами. Национальные чувства связаны не только с чувством недовольства, обиды, враждебности, но связаны также и с чувством уважения, дружбы с другими народами, и эти чувства возникали у трудящихся классов там, где имелись контакты между ними. Армяне, грузины и другие многочисленные народы Кавказа издавна относились с большой симпатией к простым русским людям, в которых они всегда ценили душевную теплоту. Такие чувства сохранились и у народов Прибалтики, Украины, Средней Азии. В процессе развития межнациональных отношений эти чувства сливаются с чувством пролетарского интернационализма и социалистического патриотизма.

В процессе строительства социализма укрепляются дружественные чувства и симпатии, чувства братства, солидарности всех народов СССР. Национальные чувства ярче всего сохраняются в духовной культуре нации, в сфере искусства, языка, быта, обычаев и традиций. Коммунисты считают более развитыми те чувства, которые объединяют людей, а не те, что их разъединяют. В условиях социализма развитие нации осуществляется на путях сближения, развития чувств дружбы и интернационализма. Сила воздействия социалистического строительства на психологию нации увеличивается тем, что социализм не находится в противоречии со здоровым чувством национальной гордости, национального сознания. По мере развития социализма исчезнет почва не только для национализма, но и для повышенной национальной чувствительности, гипертрофирования национального чувства.

Развитие национальных отношений в СССР сопровождается двумя процессами: расцветом национальных культур, возраста-

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 359.

нием чувства национальной гордости, с одной стороны, сближением и сотрудничеством наций — с другой. Сближению наций может препятствовать игнорирование психологических моментов, пренебрежение к национальным чувствам, обычаям и т. д. Поэтому в программе нашей партии, вместе с задачей вести непримиримую борьбу против проявления всякого национализма и шовинизма, поставлена задача борьбы против тенденции национальной ограниченности и исключительности. Такая постановка вопроса является глубоко научной и учитывает социальные и психологические факторы межнациональных отношений.

В практике межнациональных отношений встречаются тенденции и настроения национальной ограниченности. Они представляют собой не вражду или недоверие к другим нациям, а выражают стремление ставить на первый план свои национальные особенности, везде и всюду подчеркивать эти особенности, и это проявляется, прежде всего, не в идеологии, а в общественной психологии, в чувствах, привычках, настроениях, которые зачастую носят неосознанный характер. Такие чувства, настроения, привычки, эмоции препятствуют сплочению социалистических наций, а в известных условиях могут явиться психологической основой распространения национальных чувств в идеологии.

Сотрудничество социалистических наций в создании материально-технической базы коммунизма, расширение хозяйственных и культурных связей между республиками, организация обмена культурными достижениями — все это развивает у трудящихся многонациональной Советской страны интернационалистические чувства, чувства братства, солидарности, чувство уважения национальных обычаев и традиций. Совместный труд людей разных национальностей в производстве уничтожает национальные предрассудки трудящихся. Многонациональные коллективы промышленных предприятий всех союзных республик, многонациональные коллективы колхозов и совхозов являются подлинной школой воспитания интернациональных чувств, интернациональных традиций и обычаев. Однако социалистические преобразования в политической, экономической, культурной жизни народов не означают ликвидации национальной психологии. Поскольку существуют нации, сохраняются и специфические черты их национального характера: патриотизм, чувство национальной гордости, сохраняются их национальный язык и

традиции. Но они сохраняются не в неизменном виде, а обогащаются новым социалистическим содержанием.

Национальный характер каждого народа имеет очень много различных черт, среди которых много присущих не только данному, но и всем другим народам. Но эти общие черты психического склада нации в силу особенностей исторического пути ее развития, вследствие сложившихся веками традиций и обычаев проявляются специфически. Например, народы Кавказа живут почти в одинаковой природной среде, много общего имеется в их историческом развитии, они веками поддерживали взаимные связи, оказывали влияние друг на друга. В ряде случаев они даже живут смешанно, и все же, несмотря на все это, имеется различие в их национальном психическом складе, в их обычаях, привычках и традициях. Говоря об этих отличительных чертах, не следует забывать о том, что очень много общих черт в духовном облике и культуре этих народов. То же самое можно сказать о народах Средней Азии, Прибалтики, о народностях Сибири и Северного Кавказа. Безусловно, по мере продвижения к коммунизму удельный вес общих черт национальной психологии возрастает. Но это не позволяет игнорировать значения национальной психологии в установлении братских отношений между нациями.

Изменения в национальном характере социалистических наций и народностей свидетельствует не об исчезновении национальной психологии, а о дальнейшем развитии и обогащении ее, о новом социалистическом ее качестве. Совершенно правильно отмечает М. А. Меликян, что новые традиции, обычаи, соединяясь с давними традициями, создают новые совокупности, в которых интернациональное выражено через национальное¹. Именно это сочетание, единство интернационального и национального, является самой отличительной чертой нового национального характера. Социализм не приводит к угасанию национальных чувств, а, сочетая их с интернациональными, поднимает их на новую более высокую ступень.

В практике межнациональных отношений необходимо оберегать здоровые национальные чувства, национальные обычаи

¹ М. А. Меликян. «Некоторые вопросы соотношения интернационального и национального при социализме». Материалы всесоюзной конференции по теоретическим вопросам социалистического интернационализма, вып. 5. М., 1968 г., стр. 28.

и традиции, но вместе с тем нельзя допускать робости в борьбе с проявлениями буржуазного национализма. Не в интересах коммунизма ни ущемление национальных чувств, ни заигрывание с ними. При этом необходимо помнить, что в национальных чувствах в эмоциональной форме аккумулировано все прошлое нации, что оно может легко обостряться буржуазной пропагандой. Коммунистическая партия в своей политике отвергает всякие попытки национальной дискриминации, утверждает равные права граждан, независимо от их национальной принадлежности.

Партия учит, что для человека главным является не его национальная принадлежность, а его социальная активность, политические и моральные убеждения. Своей политикой партия оказывает громадное воздействие, воспитывает возвышенные идеалы коммунизма, прививает коммунистическую этику национальных взаимоотношений. Необходимо помнить, что национальные чувства не выражают непосредственно коренные интересы трудящихся. Только на эмоциях, без теории не может быть всестороннего коммунистического воспитания трудящихся. Как бы велико ни было значение психологических факторов в развитии национальных отношений, главную роль в них играют экономические, социальные и культурные потребности нации.

Партия всегда считала и считает, что главными средствами управления психологическими факторами национальных отношений являются социально-экономические и политические. В то же время на социально-экономические и политические факторы национальных отношений значительное влияние оказывают психологические. Поэтому учет легко ранимых национальных чувств, в особенности у народов, национальные достоинства которых в течение длительного исторического периода ущемлялись, соблюдение ленинской тактики в национальных взаимоотношениях является существенным моментом научного руководства национальными отношениями. Опыт показывает, что пренебрежительное отношение к национальному достоинству народов ухудшает национальные взаимоотношения.

Исходя из того, что в национальном психическом складе, в национальных чувствах, обычаях, традициях имеются общие, присущие всем народам и специфические для данного народа черты, в практике межнациональных отношений нельзя забывать как общие, так и специфические черты национального характера людей. Недооценка того общего, что присуще всем на-

родам нашей страны, может породить настроения национальной ограниченности. С другой стороны, забвение того, что реально существуют национальные различия людей, может привести к недооценке национальных моментов в коммунистическом строительстве.

Формы и методы учета психологических моментов национальных отношений, основанные на принципах марксизма-ленинизма, имеют не единичное региональное, а всеобщее международное значение. Нельзя не согласиться с М. С. Джунусовым, который пишет, что принципы учета национальной чувствительности ранее угнетавшихся народов в межнациональных отношениях, найденные в Советском Союзе, такие, как проявление должного такта во взаимоотношениях больших и малых наций и государств, уступчивость в вопросах, касающихся оценки явлений национальной жизни этих народов, являются ценными приобретениями теории и практики социалистического интернационализма¹.

Национальные чувства продолжают действовать в условиях социализма. Пережитки старых представлений об отечестве как об обособленном явлении, признание чувства старого досоциалистического патриотизма более ярко проявляются тогда, когда выполнение интернационального долга связано с необходимостью временно жертвовать национальными интересами. В практике межнациональных отношений нередко дает себя знать национальный эгоизм, который часто маскируется под видимое выражение национальных интересов, когда люди за текущими, временными интересами не видят коренных и длительных интересов. Проявление национального эгоизма, по сути дела, в условиях социализма является угонченной формой противопоставления наций друг другу. В проявлении национального эгоизма значительное место могут занимать нравственные психологические моменты. Процесс нравственного психологического сближения наций Н. С. Сарсенбаев справедливо называет самым трудным и затяжным процессом². Здесь исключительное значение имеет соблюдение такта к национальным чувствам.

Чувства, обычаи, традиции нельзя насильственно устранять. Принудительность, писал В. И. Ленин, обостряет вражду,

¹ См. указ, соч. стр. 26.

² Н. С. Сарсенбаев. Национальные и интернациональные традиции. Теоретические вопросы социалистического интернационализма. Выпуск IV. М., 1968 г. стр. 120 — 124.

усиливает раздражение, неприязнь и т. д.¹ История знает много случаев, когда насилие приводило лишь к укреплению национальных и религиозных чувств.

Но не только насилие, принудительность приносят вред делу взаимопонимания, взаимоуважения и сближения наций. Не меньший вред наносит делу взаимопонимания народов выдвигание на первый план национального, попытка всячески отделить и противопоставить национальные особенности друг другу.

Из сказанного видно, что необходимым условием формирования и развития чувств братской дружбы, уважения к национальному достоинству других народов является выяснение природы национальных чувств, их происхождения и условий существования. Выясняя сущность национальных чувств, их структуру и внутреннее содержание, необходимо всегда иметь в виду наличие в них чувств симпатии и антипатии, уважения и презрения, доверия и подозрительности, любви и ненависти. Это раздвоение национальных чувств является историческим продуктом, неизбежным спутником антагонистического общества, национального гнета и несправедливости². Все это не может не породить сложного комплекса национальных предрассудков.

Пролетариат освобождает людей от национальных предрассудков, развивает благородные чувства интернационализма. Интернациональное воспитание поддерживает чувство пролетарской солидарности. В этом процессе чувства обретают моральную ценность, быстрее поддаются изменениям, особенно те чувства, которые связаны с пролетарской солидарностью. На изменение этих чувств особенно благотворное влияние оказывает теоретическая зрелость людей, политическая подготовленность их практического опыта.

Чувства антипатии, неприязни очень живучи. Они, как свидетельствует история, сохраняются долго, даже после устранения причин, их порождающих. Это объясняется и тем, что национальные чувства своими корнями уходят в глубь истории и поэтому их изменение происходит медленнее. Учитывая эту особен-

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 24, стр. 295.

² Каждый класс, исходя из своих интересов, оказывает влияние на национальные чувства людей, в известной мере формирует их, при этом, опираясь на эти чувства, воспитывает представителей своей нации в желаемом направлении, формирует эмоционально-чувственные отношения к другим нациям.

ность проявления национальных чувств, В. И. Ленин говорил, что национальные антипатии, ненависть наций угнетаемых к угнетающим остаются на долгое время. Они исчезнут лишь после победы социализма и окончательного установления вполне демократических отношений между нациями¹.

Чтобы представить сложность всего этого процесса, надо иметь в виду, что представители различных наций в эмоциональном отношении по-разному воспринимают те или иные исторические события, по-разному к ним проявляют свои эмоции. Всякому наблюдателю легко бросается в глаза, что представители наших среднеазиатских национальностей свои эмоциональные чувства выражают иначе, чем представители прибалтийских национальностей. То же самое можно сказать и о других нациях. Поэтому в межнациональных отношениях не менее важное значение имеет учет эмоциональных особенностей национальных чувств. Это особенно необходимо в отношении тех, национальные чувства которых долгое время подавлялись.

Имея в виду конкретно-чувственные проявления национальных отношений одного народа к другому, А. И. Горячева пишет: «Для эстонского или латышского крестьянства, покоренного немецкими завоевателями после отчаянного сопротивления, его классовый угнетатель — немецкий помещик — и национальный враг сливались в одно. Слово «барин» по-эстонски означает немец, саксонец — «сакс». До настоящего времени «сакс» употребляется в смысле ругательного, оскорбительного слова»².

Таким образом, когда мы говорим об особенностях национальных чувств того или иного народа, мы должны иметь в виду, о каких нациях идет речь: о нациях, которые в прошлом не знали национального гнета, или о нациях, терпевших национальный гнет. У последних национальное чувство по отношению к своим угнетателям особенно обострено.

Все это говорит о том, что в межнациональных отношениях нельзя не учитывать исторических наслоений в национальной

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 30, стр. 51. К. Маркс, разоблачая национализм русского царизма, вместе с тем указывал: когда Россия начнет новую историю, отношение угнетенных царизмом народов к русским изменится, обвиняемым останется только царизм.

² Материалы Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам социалистического интернационализма, вып. 4, 1968 г., стр. 29. Такие же отношения характерны между угнетенными и угнетающими нациями во всех странах мира.

психологии. В. И. Ленин все это глубоко понимал. Он прозорливо проникал в тонкости интернациональных чувств народов, подчеркивая настойчивую необходимость систематической все-сторонней воспитательной работы среди трудящихся различных наций с учетом чувства отчужденности за прошлые обиды. Он писал, что «...ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства»...¹

В. И. Ленин особо подчеркивал значение такта, доброжелательности и уважения для установления подлинно интернациональных отношений между нациями, указывая, что лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, ибо коренной интерес пролетарской солидарности требует, чтобы коммунисты никогда не относились формально к национальному вопросу и всегда учитывали обязательно разницу в отношениях пролетариев нации угнетавшейся или малой к нации угнетавшей или большой².

В истории не раз случалось, когда буржуазии, ее идеологам и политикам удавалось завладеть национальными чувствами трудящихся и подчинить их своим классовым целям. Это и до сих пор составляет существенную сторону буржуазных межнациональных отношений.

Марксизм-ленинизм учит, что решающим условием очищения национальных чувств от наслоений прошлого является устранение частной собственности, классового и национального антагонизма. «Упразднение частной собственности, — писал К. Маркс, — означает полную эмансипацию человеческих чувств и свойств»³.

Пятидесятилетняя история многонационального советского государства полностью подтвердила правильность этих глубоких по смыслу слов. Под влиянием революционных преобразований всех сторон общественной жизни советских наций произошли глубокие качественные изменения во всем укладе их духовной жизни — в их психологии, нравах, чувствах, обычаях и традициях. Впервые в истории человек получил возможность установить свои отношения с людьми других национальностей

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 360.

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1958 г. стр. 592.

на основе полного равноправия, на основе взаимного уважения. Благодаря братской дружбе и социалистическому сотрудничеству национальные чувства советских наций в своей основе стали подлинно гуманными.

Говоря о единой основе социальной психологии, нельзя отрицать существование национальной психологии; поскольку существуют нации, постольку существуют и специфические черты их национального характера. Чувство советского патриотизма, национальной гордости, черты характера советских людей, их обычаи и традиции несут на себе печать национального своеобразия. Без учета этого своеобразия невозможно добиться взаимного уважения народов, их братского сотрудничества.

Вместе с тем необходимо учитывать, что по мере нашего продвижения к коммунизму складываются общие черты духовного облика советских народов. Таким образом, нельзя игнорировать ни то общее, что имеется в национальной психологии народов, ни те особые черты, которые продолжают оставаться одним из источников богатой и разнообразной национальной жизни.

Вполне естественным и закономерным является стремление каждой социалистической нации и народности занять в равноправной семье народов подобающее место во всех областях экономической, политической и культурной жизни страны. Социалистический строй открыл широкие возможности и создал реальные условия для того, чтобы каждая нация и народность могли практически осуществить свои заветные мечты.

Осуществляя научное руководство такой сложной областью социального процесса, какой являются национальные отношения, наша партия проявляет величайшую заботу о дальнейшем развитии передовых национальных традиций, использовании нравственного опыта всех народов в борьбе за преодоление остатков, унаследованных от прошлого: отсталых обычаев, традиций и нравов. Эти задачи можно успешно выполнить, зная природу национального психического склада, без которого не существует национальной психологии.

ПРИРОДА ПСИХИЧЕСКОГО СКЛАДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ НАЦИЙ

Ни один из вопросов теории наций и национальных отношений не вызывал столь разноречивых суждений, как понятие «психический склад нации». Одни вовсе отрицают его, другие

считают более точным говорить не о психическом складе, а о «некоторых особенностях психологии». Но почему «некоторые особенности психологии» следует считать более точным по сравнению с понятием «психический склад нации»? П. М. Рогачев и М. А. Свердлин объясняют свою точку зрения тем, что «понятие психический склад нации» таит в себе возможность преувеличения духовной общности разных классов внутри нации и одновременно отгораживания одной нации от другой¹.

Здесь существо вопроса подменено каким-то опасением преувеличения духовной общности разных классов внутри нации. Но такие опасения возможны только при неправильном объяснении самого понятия, поэтому опасения возможны при любых определениях. Научное определение общественных явлений не перестает отражать истину, несмотря на многочисленные попытки преувеличения или приуменьшения их подлинного смысла.

Известно, каким искажениям подвергают марксистское учение наши идеологические противники, но от этого марксизм не перестает быть подлинной наукой об обществе.

Любое научное определение выделяет данное явление от других, но такое выделение, необходимое для научного познания реальных процессов, вовсе не означает их отгораживания. В данном случае, когда говорят о психическом складе нации, не руководствуются желанием или опасением отгородить нации друг от друга, а лишь подчеркивают, что одним из признаков нации является ее психический склад, наряду с ее языком, территорией и экономической жизнью.

Понятие «психический склад нации» не затушевывает и классового содержания нации. Ниже увидим, что психический склад является категорией и общенациональной и классовой одновременно.

За отказ от понятия «психический склад нации» выступает ряд авторов². Но они, кроме отрицания психического склада нации, объявления его «туманом» и призыва отказаться от изучения его природы, сущности, места и роли в жизни нации, ниче-

¹ П. М. Рогачев и М. А. Свердлин. О понятии «нация» «Вопросы истории» 1966 г. № 1 стр. 41»

² С. А. Токарев. «Проблемы этнической общности». «Вопросы философии», 1964 г. № 11. С. Т. Калтахчан «О сущности нации, как исторической формы общности людей». «Философские науки», 1965 г. № 5. В. И. Козлов. «Некоторые проблемы теории наций». «Вопросы истории», 1967 г., № 1 и другие.

го другого не дают. Это по существу означает отказ от разработки важных теоретических проблем нации и национальных отношений, уход от острых вопросов идеологической борьбы, каким является проблема национального психического склада, своего рода капитуляцию перед нашими идеологическими противниками, которые паразитируют на недостаточной разработанности вопросов национальной психологии.

Но существует другая точка зрения, нашедшая свое отражение в исследованиях целого ряда советских ученых, в том числе М. С. Джунусова, А. И. Горячевой, Э. А. Баграмова, Н. Джандильдина, М. Н. Росенко и др¹.

Они противопоставляют научное материалистическое понятие психического склада реакционным буржуазным идеалистическим концепциям, дают научное определение понятие «психический склад нации». И если эти определения и нуждаются в уточнении в деталях, то в целом они правильно отражают существо вопроса.

Психический склад нации — одна из важных сторон духовного облика нации. Вряд ли можно сомневаться в необходимости изучения духовного облика нации, а это почти невозможно без глубокого и всестороннего изучения сущности психического склада. Если представить себе духовный облик нации в виде схемы, то в этой схеме можно выделить две стороны: идеологическую и психологическую. К идеологической стороне духовной жизни нации следует отнести литературу, искусство, науку, философию, религию и т. д., а к психологической стороне — психический склад, национальный характер, национальные чувства, привычки, обычаи, традиции и т. д. Между этими сторонами духовного облика нации существует диалектическое взаимопроникновение, взаимозависимость и взаимообусловленность. Во всем этом стержневое значение имеет национальный психический склад.

Какие существенные признаки и свойства содержит в себе национальный психический склад? Прежде всего он является

¹ А. Е. Мординов. «О социалистическом содержании и национальной форме советской культуры», 1959 г. М. С. Джунусов «Расцвет и сближение национальных культур — закономерность создания культуры коммунизма», М., 1963 г. С. М. Арутюнян «Нация и ее психический склад», 1956 г. Краснодар. Э. А. Багратов «Национальный вопрос и буржуазная идеология», М., 1966 г. Н. Джандильдин «Коммунизм и развитие национальных отношений», М., 1966 г. и другие.

отражением в сознании людей своеобразных особенностей естественно-материальных условий жизни каждого народа.

Напомним, что большое влияние на формирование и развитие психического склада каждого народа оказывает его история, крупные исторические события: войны, революции, политические, общественные движения и т. д. Содержание психического склада наций обуславливается также целым комплексом духовных факторов, в частности, уровнем развития национальной культуры.

Психический склад нации своими корнями уходит в глубь истории каждого народа, а затем продолжает развиваться на протяжении всего периода существования нации, как в капиталистическом, так и в социалистическом обществе, приобретая при этом новые качественные особенности. Психический склад нации — категория общенациональная и в то же время классовая.

Характер взаимодействия национальной и классовой сторон в психическом складе является различным в зависимости от типа нации, а также этапа ее развития.

И, наконец, следует отметить, что психический склад находит свое проявление в довольно широкой сфере: в формах поведения людей, их привычках, обычаях, некоторых традициях, в быту — и особенно ярко он проявляется в национальных особенностях культуры. Таковы на наш взгляд, основные признаки и основные стороны характеристики самого понятия «психический склад».

Из всего сказанного вытекает, что понятие «психический склад» очень емкое и трудно поддается краткому определению, но тем не менее можно его определить как своеобразный духовный склад нации, являющийся отражением своеобразия естественно-исторических, экономических, политических и культурных условий жизни нации. Психический склад нации — это своеобразный национальный колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий, устойчивые национальные черты, привычки и традиции, формирующиеся под влиянием условий материальной жизни, особенностей исторического пути развития данной нации и проявляющиеся в специфике ее национальной культуры и быта.

Психический склад нации, как явление историческое, изменяется, приобретая новые качества, новые оттенки, новые формы проявления на каждом новом историческом этапе развития нации. Поскольку в содержание духовного облика нации вхо-

дит вся система общественного сознания, как идеология, так и психология, то психический склад нации, относящийся к сфере общественной психологии, следует рассматривать как составную часть духовного облика нации. Далее, поскольку психический склад нации проявляется в национальных особенностях ее культуры, то прежде всего следует подчеркнуть воплощение его в особенностях национальной культуры и в ряде других сторон общественной жизни: в быту, обычаях, традициях, привычках и т. д.

В литературе ряд исследователей рассматривает национальный характер как понятие, идентичное психическому складу нации¹.

Некоторые исследователи разделяют эти понятия, отрицая правомерность применения понятия «психический склад нации», выступают за признание национального характера в качестве одного из признаков национальной общности².

Нам представляется, что здесь спор идет прежде всего по линии терминологии. Такой спор полезен для уточнения ряда понятий, связанных с изучением проблем национальной психологии.

Национальный характер есть не что иное, как совокупность некоторых психологических черт того или иного народа, возникших под влиянием условий его жизни, конкретной социальной среды и проявляющихся в чувствах, эмоциях, привычных манерах поведения. Когда мы перечисляем свойства национального характера, то этими свойствами мы так или иначе характеризуем и психический склад данной нации. Но психический склад по объему шире национального характера, хотя он отражает главное в психическом складе. Национальный характер, так же как и психический склад, представляет собой органическую составную часть духовного облика народа и включает в себя не только национальные особенности, отличающие один народ от

¹ Например, работа Н. Джандильдина «Коммунизм и нация», Э. А. Баграмов «Национальный вопрос и буржуазная идеология». И. П. Цамерян, «Вопросы истории» № 6 1967 г. Национальный характер явился предметом дискуссии, проведенной на страницах журнала «Дружба народов», см. № 5 и последующие номера за 1966 г., а также № 1 за 1967 г. Характерно, что в ходе дискуссии подавляющее большинство ее участников не подвергли сомнению наличие национального характера.

² Эта точка зрения отражена в статье Ю. Ю. Бурмистровой «Некоторые вопросы теории «нации», «Вопросы истории», 1966 г., № 12».

другого, но и общие, порожденные сходными условиями общественной жизни.

Многие авторы, подчеркивая, что психический склад проявляется в особенностях национальной культуры, односторонне истолковывают национальные особенности культуры. Они делают упор на то, что каждая нация имеет свои специфические особенности культуры, которые принадлежат только ей и которых нет у других наций, и якобы эти особенности являются главным вкладом каждой нации в общечеловеческую культуру.

При такой постановке вопроса получилось, что национальными в психическом складе и культуре следовало считать лишь те особенности, которые отличают нации друг от друга. С этих позиций не могло считаться национальным то общее, которое имеется в культуре и психическом складе каждой социалистической нации. У нас появились работы, в которых неправомерно раздувались национальные особенности культуры и психического склада, совершенно недостаточно обращалось внимание на изучение интернациональных основ культуры и психического склада народов СССР. В этих работах главное внимание обращалось на «национальную специфику» культуры, литературы, искусства, на выискивание таких национальных черт, которые отличают один народ от другого, забывая то общее, что сближает их.

Сторонники узкого понимания психического склада пытались уверить, что лишь тот, кто понимает национально-особенное как исключительное,¹ в состоянии понять и оценить значение психического склада нации в политике, искусстве, литературе. Этим они объективно сводят роль психического склада нации к мелочам и частностям, забывая главное в нем — интернациональную основу.

Нельзя отрывать национально-особенное от интернационально общего как в культуре, так и в психическом складе нации. Нельзя односторонне подчеркивать отличительные черты в психическом складе нации и не видеть то общее в нем, что сближает их. Так И. Е. Кравцев пишет, что «у каждого народа есть свой национальный характер. Для русских характерны широта и удаль, ясный ум, храбрость, для украинцев — мягкий юмор и добродушие. Прямота и радушие характеризуют бело-

¹ Обстоятельную картину этой точки зрения дает М. С. Джунусов в книге «Строительство коммунизма и духовный мир человека», гл. XVIII М., 1966 г. стр. 531 и далее.

русов, гордость и горячность — грузина, хладнокровие и прямодушие — латышей»¹.

Получается, что одни нации наделены одними чертами характера, другие лишены их. Такая точка зрения имеет довольно широкое распространение. Нередко можно встретить в литературе суждение, что национальный характер американцев отличается деловитостью, немцев — аккуратностью, французов — юмором, русских — храбростью и т. д. Это — искусственное разграничение. Сказать, что данный народ трудолюбив, храбр и т. д., еще вовсе не значит раскрыть специфику его духовного облика или психического склада. Всем народам свойственны трудолюбие, храбрость, любовь к родине, юмор и т. д. Нельзя народы делить на трудолюбивых и лентяев, храбрых и трусливых, веселых и хмурых.

Эти черты характера присущи всем народам, но проявляются у каждого из них своеобразно, так как своеобразны условия их жизни, быта, пройденного исторического пути. В силу этого у каждого народа своеобразна окраска чувств, эмоций, впечатлений, манера действия. Качества психического склада, свойства национального характера приобретаются на протяжении всей истории.

Некоторые из этих качеств не всегда проявляются с одинаковой силой. В зависимости от исторических условий, жизненных обстоятельств одни черты национального психического склада могут проявляться более ярко, другие — менее ярко. Как пример можно взять любую черту национального характера — деловитость или храбрость, прямодушие или юмор². Они

¹ И. Кравцев. «Что такое отечество и патриотизм». Изд-во «Знание» 1960 г., стр. 30.

² Здесь невольно приходят на память слова Л. Н. Толстого о своеобразии русской храбрости. Француз, который при Ватерлоо сказал: «Гвардия умирует, но не сдастся», и другие, в особенности французские герои, которые говорили достопамятные изречения, были храбры и действительно говорили достопамятные изречения, но между их храбростью и храбростью капитана есть та разница, что если бы великое слово, в каком бы то ни было случае даже шевелилось в душе моего героя, я уверен, он не сказал бы его: во-первых, потому, что, сказав великое слово, он боялся бы этим самым испортить великое дело, а, во-вторых, потому, что, когда человек чувствует в себе силы сделать великое дело, какое бы то ни было слово не нужно. Это, по моему мнению, особенная и высокая черта русской храбрости...» (Л. Н. Толстой. Собрание художественных произведений. М., 1948 г. т. I, стр. 316.

свойственны представителям трудящихся всех наций. Но, повторяем, у разных народов они проявляются по-разному, своеобразно аккумулируя в себе особенности их исторического прошлого.

Черты «национального характера» выражаются не только в содержании мыслей и чувств людей, но и в оттенках их духовного склада, в некоторых привычках, особенностях их поведения. Своеобразие психического склада нации проявляется также в эмоциональных особенностях людей, в манерах их поведения. Этим, собственно, и объясняется неповторимый национальный колорит, который мы обнаруживаем в произведениях национального искусства. Поэтому, говоря о национальных особенностях искусства, нельзя сбрасывать со счетов психический склад нации. Но было бы грубой ошибкой за национальным своеобразием психического склада не видеть то общее в нем, что имеется у всех народов, что сближает и объединяет их.

В нашей философской литературе высказываются неправильные суждения и о природе общности национального искусства и психического склада. В одних случаях косвенно, в других прямо отрицается классовая природа национального искусства и психического склада.

Но нельзя низводить роль классового антагонизма к тому, что, как пишут некоторые авторы, классовое осложняет национальное. В литературе высказывается точка зрения о неклассовости психического склада: «В отличие от психологии классов и социальных групп, — пишет В. В. Журавлев, — национальная психология не имеет классового характера»¹. Под национальной психологией автор понимает психический склад нации. Это видно из его слов: «Общественная психология включает в себя как психологию («психический склад») целых народов и наций, так и психологию различных классов и социальных групп внутри определенных наций...»²

Признав, что общественная психология имеет классовый характер, автор, однако, не объясняет, почему психический склад, который входит в социальную психологию, лишен классового характера.

Позиция автора по данному вопросу противоречива. С одной стороны, он утверждает, что «национальная психология не

¹ В. В. Журавлев. Марксизм-ленинизм об относительной самостоятельности общественного сознания. М. 1961 г., стр. 23.

² Там же.

имеет классового характера», а несколько выше совершенно правильно говорит, что «в психическом складе одних и тех же классов различных наций имеется гораздо больше общих черт, чем в национальном психическом складе различных классов одной нации. Кто станет отрицать, что у рабочего класса разных стран гораздо больше общего в его психическом складе, чем у пролетариата и буржуазии одной нации, имеющей свой специфический психический склад»¹.

Но это и означает, что психический склад нации имеет классовые черты и классовый характер.

Более определенно свои взгляды против классового характера психического склада нации высказывает И. Е. Кравцев в своей работе «Сближение наций в процессе перехода к коммунизму». Он пишет, что «национальная психика и у капиталиста и у рабочего одной нации общая, одинаковая... Не может быть, например, у французского рабочего один склад национального характера, у француза-капиталиста совершенно другой»². Кравцев считает, что изменение способов производства не приводит к коренным изменениям в национальном характере. «Ведь и при капитализме и при социализме — пишет он, — русские остаются русскими. Ни один класс не в состоянии переделать русских на армян. Класс не может лишить народ его национальных черт и дать ему совершенно другие черты»³.

Неверно, что психика рабочих и капиталистов одной и той же нации одинакова. В этом мы убедились при анализе классовых и общенациональных черт психического склада буржуазных наций.

Постановка вопроса о том, что русские остаются русскими и при капитализме и при социализме, что ни один класс не может переделать русского на армянина или наоборот, не выдерживает критики. Русские остаются русскими по своему национальному происхождению или принадлежности, но не по «национальной психике».

Что может означать вообще переделать русских на армян и наоборот? Такой задачи в природе не существует. Если это по-

¹ В. В. Журавлев. Марксизм-ленинизм об относительной самостоятельности общественного сознания, М., 1961 г., стр. 23.

² И. Е. Кравцев. Сближение социалистических наций в процессе перехода к коммунизму. Киев, 1960 г., стр. 61.

³ И. Е. Кравцев. Сближение социалистических наций в процессе перехода к коммунизму. Киев, стр. 60, 1960 г.

нимать с точки зрения их внешних признаков, например, цвета волос, формы носа, некоторых черт темперамента, то они касаются физиологии и анатомии людей, которые передаются по наследству. Эти признаки никакой роли не играют в определении национального характера. Если же И. Е. Кравцев имеет в виду характер нации, то факты реальной жизни показывают, что у советских наций сложились, а по мере перехода их к коммунизму еще больше будут складываться общие черты характера и духовного облика.

Нельзя провести аналогию между национальным языком и национальным характером в плане того, что они одинаково обслуживают разные классы.

Классовые черты национального характера, проявляющиеся в чувствах, привычках и традициях данной нации, не могут одинаково обслуживать все классы.

Разве образы художественной литературы, живописи, музыки, в особенностях которых проявляется психический склад нации, вызывают одинаковые чувства, переживания, радости и печали? Этого не было и быть не может в жизни нации, расколотой на враждебные классы. Но эти классовые черты не отменяют те общенациональные черты психического склада нации, которые также проявляются в особенностях национального искусства. Следовательно, задача состоит не в том, чтобы, подчеркивая общенациональные черты в психическом складе, вовсе отвергать имеющиеся в нем классовые черты, а в том, чтобы показать противоречивую природу национального психического склада.

Самый сильный аргумент против наличия классовых черт в психическом складе с точки зрения И. Е. Кравцева состоит в следующем: «Если бы у различных классов определенной нации был различный характер, тогда национальные различия, очевидно, уже исчезли бы, и мы вовсе не имели бы национальной проблемы. Во всемирном масштабе остались бы только классовые различия»¹.

Почему, в силу каких причин произошло бы это, к сожалению, автор не объясняет. Из приведенных выше слов автора можно лишь заключить, что различия в характере классов внутри наций несовместимы с национальным различием. Следуя такому неверному суждению, можно прийти к противополож-

¹ И. Е. Кравцев, указанная работа, стр. 60.

дому, опять-таки ошибочному выводу: если бы у различных классов внутри наций был единый характер, тогда классовые различия, очевидно, уже исчезли бы и мы вовсе не имели бы классовой проблемы. Во всемирном масштабе остались бы только национальные различия.

Но дело в том, что в жизни мы ни той, ни другой картины не наблюдаем. Нации делятся на классы, и классовое деление является самым коренным, глубоким, определяющим судьбу нации, прогресс человечества. Этот решающий в жизни нации фактор определяет общенациональные и классовые черты в характере классов данной нации.

Понятие психического склада нации предельно емкое и, как уже указывалось, имеет многогранное проявление. В этом многостороннем его проявлении необходимо выделить общие черты, присущие всей нации, и черты, присущие классам внутри нации. При этом, когда речь идет о традициях, психологии и идеологии, то более бросаются в глаза классовые черты национального характера, когда же говорим об обычаях, искусстве, рельефнее всего выступают общенациональные черты национального характера.

Точку зрения неклассовости психического склада защищает Л. Карасаев в своей статье «К вопросу о психическом складе нации»¹. Он пишет, что «психический склад для всех представителей различных классов одной нации, по существу, одинаков». (стр. 25). Он считает, что смена общественно-политического строя не приводит к коренным или существенным изменениям психического склада. Остается непонятным, почему психический склад нации не претерпевает коренных изменений, находясь при этом, как пишет Л. Карасаев, в непрерывном движении, отражая в себе особенности исторического развития данной нации. Ведь особенности исторического развития буржуазной и социалистической нации коренным образом отличаются друг от друга. Как же психический склад нации может отражать в себе эти качественно отличные друг от друга исторические эпохи, сам не подвергаясь коренным изменениям? Получается, что имеется особая область явлений (область национальной психики), где непрерывные изменения никогда не приводят к новому качеству.

Верно, что психический склад нации имеет более или менее

¹ Известия А. Н. Казахской ССР, г. Алма-Ата, 1961 г.

устойчивые черты, которые передаются от поколения к поколению, которые закрепляются культурной традицией данного народа, системой воспитания, хозяйственной деловитостью, семьей, школой и т. д.

Нельзя не учитывать эти особенности национального психического склада, но нельзя их и абсолютизировать, за их относительной устойчивостью не видеть в нем качественных изменений.

Психический склад нации — продукт исторического развития народа, продукт социальных отношений. Его содержание составляет совокупность чувств, восприятий, впечатлений, привычных черт поведения, эмоциональных особенностей людей, которые формируются под влиянием материальных условий жизни, классовых и межнациональных отношений, своеобразия исторического прошлого данного народа, которые находят свое выражение в специфике культуры и быта нации, ее различных классов и слоев.

В психическом складе социалистических наций содержатся черты, которые сложились в прошлом, и черты, возникающие в условиях социализма. Новые черты психического склада отражают новый тип социальных и национальных отношений. Старые черты в условиях социализма изменяются, наполняясь новым социальным содержанием. В результате психический склад социалистических наций качественно отличается от психического склада буржуазных наций.

Отличительная особенность психического склада социалистических наций состоит, во-первых, в том, что он формировался не в процессе обособления наций друг от друга, не в ходе утверждения господства и подчинения наций, их взаимной вражды, как это имеет место в капитализме, а в процессе их сближения и сотрудничества, в ходе строительства нового общества, исключая всякое угнетение и порабощение наций. В этих условиях складываются и входят в жизнь такие черты национального характера, как взаимное уважение, чувство дружбы, социалистическое содружество и коммунистическая деловитость, советский патриотизм и социалистический интернационализм. Во-вторых, в духовном облике и психическом складе буржуазных наций неизбежно отражаются классовые антагонизмы и межнациональная вражда, а это приводит к тому, что черты национального характера противоположных классов буржуазных наций находят свое выражение в противоположных по своему содержанию культурах, нравах, психологии и идеологии.

В противоположность этому национальный характер социалистических наций является действительно единым и проявляется в единой социалистической культуре, психологии и идеологии, отражает единые интересы дружественных классов. Социалистические нации свободны от классовых антагонизмов.

В коренных вопросах экономического, политического и культурного строительства интересы всех классов, всех членов каждой социалистической нации действительно едины. Социально-экономическая природа каждой социалистической нации в отдельности и всех социалистических наций вместе взятых характеризуется их внутренним единством и сплоченностью, что находит свое проявление также в их морально-политическом единстве, в идеологии пролетарского интернационализма.

Поэтому общность психического склада каждой социалистической нации находится в полном соответствии с единством классовых интересов, с их интернационалистской идеологией и культурой. Эта общность развивается в условиях неуклонно возрастающего морально-политического сплочения социалистического общества на путях к коммунизму. Этим и объясняется, что в общности психического склада советских наций, наряду со специфическими национальными чертами, формируются и получают свое дальнейшее развитие общие, межнациональные, вернее, интернациональные черты, удельный вес которых непрерывно возрастает¹. Повторяем, в жизни трудящихся всех наций в их духовном облике есть много общего, что их сближает и объединяет.

Социалистические нации формировались в ходе революционных преобразований старого общества под руководством Коммунистической партии. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс предвидели, что только в ходе революции коренным образом изменится духовный облик наций. «...Революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»².

И действительно, только в революции, в процессе гигантских

¹ Становление общих черт психического склада социалистических наций в условиях перехода к коммунизму рассматривается в 4-м разделе этой статьи

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 3, стр. 70.

социально-политических преобразований изменился духовный облик и психический склад социалистических наций и народностей. В бурном потоке жизни, в условиях невиданного политического пробуждения ранее угнетенных народов сложился их новый духовный облик с высокими чертами коммунистической морали. Он не мог быть создан сразу. Для этого потребовалось изменение психологии, морали, идеологии трудящихся, высвобождение их из-под влияния буржуазной психологии, морали и идеологии.

Такое высвобождение происходило прежде всего в сфере политического сознания рабочего класса, его союзника — крестьянства. Переворот в политическом сознании трудящихся масс предшествовал перевороту в их взглядах на труд и на все другие отношения. Политическое освобождение угнетенных народов, установление у них советской национальной государственности явились политической основой формирования качественно новой общности психического склада социалистических наций, их духовного облика. Природа советской национальной государственности такова, что к активному участию в политической и общественной жизни, к созданию нового общества, новой культуры и быта привлекаются не тысячи, как это было при капитализме, а миллионы и в конечном итоге все население. «Как сотни были этими созидателями в эпоху крепостного права, как тысячи и десятки тысяч строили государство в эпоху капитализма, так теперь социалистический переворот может быть сделан только при активном непосредственном практическом участии в управлении государством десятков миллионов»¹, — говорил В. И. Ленин в 1919 году, характеризуя возросшую политическую активность народных масс.

Политическая активность ранее угнетенных народов особенно ярко проявилось в создании советской национальной государственности, в воспитании трудящихся, в подготовке кадров национальной интеллигенции. Достаточно перечислить некоторые виды общественно-политической деятельности, которые выполняют советские люди всех национальностей, чтобы представить, какой взлет они совершили в своем политическом и культурном развитии. Большое число их выполняют обязанности депутатов Верховного Совета, союзных и автономных республик, облас-

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 37, стр. 451.

тей и национальных округов, краевых, областных, районных, городских и сельских Советов, членов выборных партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, председателей и членов правлений колхозов, бригадиров и звеньевых, членов центральных заводских и местных комитетов, общественных контролеров и т. д.

Социалистическая практика разбила «...старый, НЕЛЕПЫЙ, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто ведать организационным строительством социалистического общества могут только так называемые «высшие классы», только богатые или прошедшие школу богатых классов¹».

Столь бурное пробуждение масс к политической сознательности и широкое участие их в управлении делами государства не могло не породить у советских людей чувство хозяина страны. В этом чувстве воплощены замечательные черты социалистической морали и психологии: преданность коммунистическому идеалу, патриотизм и интернационализм, дружба и взаимопомощь. Этими же чертами характеризуется их психический склад.

Потребовалось известное время, мобилизация огромных усилий, чтобы избавить людей от выработанных веками старых привычек, традиций, предрассудков, воспитать в них новую психологию, новые привычки и традиции.

Единственно верным путем переделки всего старого, в том числе в области национальных отношений, в национальной психологии, явилось строительство социализма, братское сотрудничество трудящихся всех наций. И поныне на Западе «исследователи» советского характера спорят о том, в чем состоит «секрет» коммунистов, добившихся таких успехов в воспитании нового человека, новых межнациональных отношений, в переделке национальной психологии.

Этот секрет состоит в том, что трудящиеся всех наций и народностей СССР с победой социалистической революции стали хозяевами и творцами своей судьбы, своего социалистического общества. «Каждая фабрика, где выкинут вон капиталист, говорил В. И. Ленин, — ...каждая деревня, где выкурили помещика-эксплуататора и отобрали его землю, является теперь, и только теперь, поприщем, на котором может проявить

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 35, стр. 198.

себя человек труда, может разогнуть немного спину, может выпрямиться, может почувствовать себя человеком»¹.

И действительно, человек труда, безотносительно к его национальной принадлежности, стал проявлять себя, разогнул спину, встал во весь рост, развернул свои творческие способности только в условиях Советской власти. Рабочие и крестьяне сами стали строить, планировать, организовывать социалистическое хозяйство, двигать вперед техническую мысль, вносить улучшения и изменения в производство, изыскивать пути и способы поднятия производительности труда. Именно в этих изменившихся условиях труда происходила выработка новых черт характера человека, формирование психического склада социалистических наций.

В ходе социалистического строительства трудящиеся всех наций Советского Союза изо дня в день отдавали свои силы, таланты, способности производительному труду на пользу общества. Молодые отряды рабочего класса социалистических наций и народностей, формировавшиеся под руководством и идейным влиянием Коммунистической партии, увлекали за собой ранее угнетенные народы и по примеру своего старшего, русского брата создали новую дисциплину труда, новые привычки и традиции, новый быт и новую культуру.

Сознание трудового человека поднялось до понимания общенародного, государственного интереса. Все это оказало громадное влияние на формирование общности психического склада социалистических наций.

В. И. Ленин, как гениальный провидец, указывал на трудность задачи воспитания социалистической дисциплины труда, требующей «годов, если не десятилетий переходного времени». Но уже в 1919 г. он с восторгом отметил новые ростки коммунистического отношения к труду.

В ходе индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства социалистическое соревнование получило массовый характер. Оно стало коммунистическим методом строительства нового общества. Начиная от коммунистических субботников, названных В. И. Лениным великим почином, через ударничество и социалистическое соревнование, принявшие различные формы, до возникновения могучего движения за коммунистический труд — многонациональный советский народ прошел

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 35, стр. 196.

Большую школу воспитания интернационализма, школу взаимопомощи и сотрудничества, школу новой дисциплины труда и коммунистического отношения к общественной собственности.

Только в труде, братском сотрудничестве формировался новый тип межнациональных отношений, выработался советский характер, ставший основой общности психического склада социалистических наций.

Воспитание нового человека явилось сердцевинной, осью проблемы формирования нового психического склада социалистических наций. К. Маркс предвидел, что «для социалистического человека вся так называемая история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом»¹.

В предыдущих разделах отмечалось, что К. Маркс и Ф. Энгельс видели сущность человека не в индивидуальных особенностях его психики, а в совокупности общественных отношений². Примером, подтверждающим эту марксистскую истину, может служить изменение психологии мелких товаропроизводителей, огромных масс крестьянства в условиях социалистического строительства. Известно, что в течение столетий у крестьянства выработалась частнособственническая психология. В художественной литературе всех народов до мельчайших подробностей описана психология крестьян, их привязанность к частной собственности, своему клочку земли.

Советскому государству удалось изменить психологию крестьянства, переделав весь уклад его жизни. Эту самую трудную после Октябрьской революции задачу Коммунистическая партия решила на основе коренных преобразований в экономике, путем перевода крестьян на рельсы коллективного социалистического сельского хозяйства, путем перестройки условий их труда и быта. Коллективные хозяйства были оснащены новой техникой и обеспечены кадрами.

Партия проявила большую заботу о культурном росте деревни, особенно, национальной. Была создана широкая сеть научных и культурно-просветительных учреждений. Все это изменило облик советской деревни, утвердило в ней новые общественные отношения, сформировало новый духовный облик крестьянства.

Колхозный строй расширил духовный кругозор крестьянст-

К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, М., 1958 г. стр. 598.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 3, стр. 3.

ва, вывел его из состояния «идиотизма деревенской жизни». Особенно национальная деревня прозябала в неподвижности. Именно в ней больше всего сохранились старые традиции и обычаи. В противоположность этому колхозная деревня стала широкой ареной создания новых отношений, интернационалистских традиций. Колхозы стали многонациональными, особенно на целине, в районах новостроек, в Средней Азии, на Северном Кавказе. Стало хорошей традицией соревнование колхозов национальных республик, посылка делегаций друг к другу для изучения и передачи передового опыта. Все это оказывает громадное воздействие на психологию советского крестьянства, изменяет его быт.

В быту больше, чем в любой другой области, сохраняются пережитки прошлого. М. И. Калинин справедливо подчеркивал, что быт всего труднее поддается изменению.

Важнейшим мериллом переделки старого быта является положение женщины в семье и обществе. Степень общественного прогресса в быту справедливо сравнивают с положением женщины в обществе. Социализм принес подлинный расцвет творческих сил трудящихся женщин. На предприятиях и в колхозах миллионы женщин стали в равное с мужчиной положение. Колхозное движение выдвинуло на руководящие должности большую армию замечательных женщин.

Весьма разительные перемены произошли в этом отношении в национальных районах Советского Востока, Закавказья и Северного Кавказа, где особенно угнеталась женщина. В 20-х годах трудно было представить себе, чтобы в горном ауле, кишлаке или в аиле могла появиться общественная столовая, детские ясли и сады, школы и клубы, кино и телевидение. Теперь это — привычное дело.

Отошли в прошлое дикие пережитки старого мира — многоженство, калым, затворничество женщин, насильственная выдача замуж девушек. Из года в год растут межнациональные браки. Женщина ранее угнетенных наций ныне принимает самое активное участие в общественно-политической жизни страны. Она работает в качестве врача, учителя, агронома, инженера, избирается депутатом и т. д.

Во всех сферах жизни утвердились отношения взаимопомощи и сотрудничества. Трудящиеся освободились от старых предрассудков к людям других наций, от чувства национальной ограниченности и неприязни.

В психологии, морали и идеологии советских людей глубоко отразились новые, социалистические межнациональные отношения, отношения дружбы и сотрудничества, равенства и взаимопомощи. Сбылись слова В. И. Ленина о том, что только громадная внимательность к интересам различных наций устранист почву взаимного недоверия, укрепит братскую солидарность наций.

Партия не пожалела сил и энергии в налаживании нерасторжимого братства народов. Она в короткий исторический срок ликвидировала фактическое неравенство народов, обеспечила ускоренное развитие экономики и культуры ранее отсталых народов, организовала братскую взаимопомощь всех наций и народностей,

Крупнейшие стройки всех национальных республик явились плодом совместного труда представителей всех наций. В свободном труде интернациональных коллективов и утверждались новые межнациональные отношения, которые получили свое отражение в морально-политическом облике всех советских наций и народностей .

Характерно, что новые межнациональные отношения причудливо переплелись с традициями прошлого каждого народа, что обусловило своеобразие их национального психического склада. У каждого народа общие интернациональные черты национального характера выступают самобытно, национально. Общее в психическом складе не существует без особенного, так же, как интернациональное не существует без национального. Подлинно национальные идеи, подчеркивал Ф. Энгельс, одновременно являются и подлинно интернациональными¹.

Иначе и быть не может, ибо каждый народ имеет свое историческое прошлое, свои традиции, складывавшиеся веками, свой язык, свою культуру, свой психический склад. Всем этим обусловлена национальная специфика психического склада, своеобразие национальной культуры.

Движение к социализму и коммунизму не отнимает многообразия национальных форм культуры и психического склада народов, а наоборот создает условия для их всестороннего развития. Иной раз высказываются мысли о том, что раз всем социалистическим нациям присущи общие, интернациональные черты психического склада, то, может быть, следовало бы ска-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 24, стр. 233.

зять, что для всех социалистических наций и народностей существует один психический склад.

Безусловно, со временем, когда нации сольются воедино, утвердится единый для всего человечества психический склад. Но пока существуют нации, общие черты психического склада у каждой из них проявляются своеобразно, национально особенно, в соответствии с особенностями исторического прошлого каждого народа, его традиций, географической среды и т. д. Отсюда и проистекает своеобразие окраски национальных чувств, обычаев и традиций. Без этого нельзя определить понятие национального колорита, который верно передает специфику психического склада данной нации.

Национальное искусство не может существовать без того, чтобы не отражать психического склада нации в своеобразной обстановке ее жизни, быта, родной природы, обычаев и традиций. В этом можно убедиться при сравнении произведений национального искусства, посвященных, скажем, индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства или раскрепощению женщин, ликвидации вековой культурной отсталости и т. д.

Жизнь у каждого народа, входящего в великую семью равноправных наций, проявляется многогранно. Каждая национальная литература, благодаря своим самобытным особенностям, вносит свой неповторимый вклад в сокровищницу мировой культуры.

Строительство социализма и коммунизма не отнимает многообразия национальных форм искусства и национального характера народов, а создает самые благоприятные условия для их расцвета. Это проявляется во всем, как в развитии национальных литератур и искусства, так и в практических делах самих трудящихся.

Русский и узбек, украинец и осетин, белорус и кабардинец, представители всех народов СССР отдают все свои силы и знания строительству коммунизма, но они не перестают быть представителями своей нации. Более того, они обогащают свой национальный характер новыми чертами, общими для всех. Это происходит и в национальной культуре. В ходе взаимообогащения национальных культур лучшие черты психического склада одних наций, становятся достоянием всех.

Это происходит на основе расцвета национальных культур, всемерной поддержки и внедрения прогрессивных нацио-

нальных традиций в быт и культуру равноправных народов. Интернациональное в культуре, быту, психологии, традициях утверждает человека в его национальном своеобразии и поднимает его на такую высоту национального бытия, которое и возможно только в мире братского содружества народов. В свою очередь подлинно национальное во всем становится подлинно интернациональным. Эта закономерность действует в национальной культуре, психическом складе, быту и традициях. Она характеризует и природу социалистических межнациональных отношений.

Благодаря сотрудничеству во всех сферах жизни происходит сближение наций и выработка черт их психического склада. При этом становление единых черт национального характера социалистических наций неразрывно связано с утверждением у всех советских людей чувства советской национальной гордости. Это новое чувство стало могучим общественным фактором.

В программе КПСС указывается: «У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР»¹.

В национальном психическом складе своеобразно воплощаются патриотизм и интернационализм, любовь к своему народу и глубокое уважение к другим народам, трудолюбие и многие другие возвышенные нормы коммунистической морали. Наша партия проявляет постоянную заботу о развитии чувства советской национальной гордости, о том, чтобы оно было свободно от национальной ограниченности и неприязни, высокомерия и эгоизма. Победа нового типа национальных отношений в СССР еще не означает преодоления старых обычаев и традиций, национального эгоизма и национальной неприязни. Поэтому преодоление пережитков в области национальных отношений является одной из важнейших задач коммунистического строительства.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПЕРЕЖИТКОВ БЫЛОЙ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ НЕПРИЯЗНИ

Эксплуататорский строй за долгие годы своего существования подвергал нещадному угнетению трудящихся колоний и слаборазвитых стран, ущемлял права народов, третировал их

¹ Программа КПСС, М., 1961 г., стр. 113.

культуру, языки, национальное достоинство. Все это привело к повышенной, а порой болезненной восприимчивости угнетаемых наций по отношению к своим угнетателям.

В. И. Ленин указывал, что «вековое угнетение колониальных и слабых народностей империалистическими державами оставило в трудящихся массах угнетенных стран не только озлобление, но и недоверие к угнетающим нациям вообще, в том числе к пролетариату этих наций»¹.

Эксплуататорский строй неизбежно порождает неприязненные отношения между нациями, проявляющиеся как в форме великодержавного шовинизма, так и в форме местного национализма.

Национализм особенно обостряется в более отсталых странах, где сильнее мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустье. Все это неминуемо ведет к устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков — предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности. Эти предрассудки обладают огромной силой устойчивости и, как показывает история, они могут исчезнуть лишь после ликвидации эксплуататорского строя, после радикального изменения всей основы экономической жизни отсталых стран, после установления вполне демократических равноправных отношений между нациями. «Отсюда, — говорил В. И. Ленин, — обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особенной осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях, равным образом обязательность идти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков. Без добровольного стремления к союзу и единству со стороны пролетариата, а затем и всех трудящихся масс всех стран и наций всего мира, дело победы над капитализмом не может быть успешно завершено»².

Глубоко укоренившиеся пережитки буржуазного национализма давят над умами людей еще долго после того, как исчезают породившие их экономические условия. Это является одной из основных причин того, почему пережитки прошлого могут быть свойственны не только людям, выросшим в услови-

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 41, стр. 167.

² В. И. Ленин, ПСС, т. 41, стр. 168.

ях частнособственнического строя, но и тем, кто родился и живет уже после его ликвидации.

Человек, никогда не испытывавший на себе непосредственного воздействия классового антагонизма, национального гнета и национальной неприязни, сталкивается с проявлением чуждых нам взглядов и установок в семье, в быту, в поведении окружающих и в результате нередко воспринимает их через повседневные отношения, в которых эти взгляды нередко проявляются.

Сознание человека, учит марксизм-ленинизм, в конечном счете определяется материальными условиями его существования. Однако, как писал Ф. Энгельс: «Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *единственной активной причиной*, а остальные являются лишь пассивным следствием. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, *в конечном счете* всегда прокладывающей себе путь»¹.

Этим объясняется то, что социалистические преобразования всех сторон материальной жизни общества хотя и являются главной силой в преодолении пережитков прошлого, однако, сами по себе еще не приводят к автоматическому их устранению.

Одна из причин сохранения пережитков капитализма вообще и пережитков национализма, в частности, состоит в том, что сознание людей отстает от их бытия. Поскольку индивидуальное сознание формируется также под влиянием представлений, понятий, идей, взглядов, которые сложились в прошлом, постольку изменение условий материальной жизни общества не может сразу и полностью получить адекватное отражение в индивидуальном сознании всех членов общества.

Характер пережитков национальной неприязни в сознании людей и формы их проявления являются важными вопросами коммунистического воспитания трудящихся².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1948 г. стр. 470.

² За последние годы вопросам преодоления пережитков национализма в сознании людей посвящен ряд работ советских ученых: М. С. Джунусов «К вопросу о классовых и гносеологических корнях и социальных функциях идеологии национализма», Фрунзе, 1960 г.

Его же «Две идеологии и политика в национальном вопросе». «Международная жизнь» № 10, 1966 г.».

Его же «Советский опыт решения национального вопроса и его международное значение». «История СССР» № 6, 1967 г.

Его же «Преодоление пережитков прошлого, как условие сближения на-

Одним из главных итогов пятидесятилетнего опыта социалистического сотрудничества наций в СССР является торжество идеи дружбы народов. «Социализм утвердил братское единство народов нашей многонациональной Родины. Нет в мире прочнее и тверже сплава, чем дружба народов СССР. Эта дружба родилась в годы революции и гражданской войны, она окрепла в трудовых буднях пятилеток, закалилась в огне Великой Отечественной войны. Нерасторжимое братство народов СССР — ценнейшее завоевание социализма, залог наших побед»¹, — говорится в юбилейном обращении Коммунистической партии и Советского правительства. Дальнейшее продвижение многонационального советского народа к коммунизму настоятельно требует преодоления пережитков национализма, как условия дальнейшего укрепления братской дружбы наших народов.

Формы проявления национальных пережитков у части советских людей весьма разнообразны. Назовем основные из них: а) прежде всего к ним относятся национальный эгоизм и национальная ограниченность. Конкретное выражение этого пережит-

ций». В книге «строительство коммунизма и развитие общественных отношений» М., 1966 г.

И. П. Ц а м е р я н. «Воплощение и обогащение идей пролетарского интернационализма на исторически первом опыте разрешения национального вопроса в СССР». Доклад на научной конференции по теоретическим вопросам социалистического интернационализма. М., 1968 г.

Н. Д ж а н д и л ь д и н. «Коммунизм и развитие национальных отношений» М., 1964 г.

А. М. Е г н а з а р я н. «Об основных тенденциях развития социалистических наций СССР». Ереван, 1965 г.

Э. А. Б а г р а м о в. «Национальный вопрос и буржуазная идеология». М., 1966 г.

К. Н. Б р у т е н ц. «Против идеологии современного колониализма», М., 1961 г.

Э. Ю. Г а с а н о в а. «Идеология буржуазного национализма в Турции», Баку, 1966 г.

Г. О. З и м а н а с. «Дружба народов СССР и преодоление пережитков буржуазного национализма (по материалам Литовской ССР)», М., 1955 г. — кандидатская диссертация.

Его же «О борьбе против пережитков буржуазного национализма». Доклад на Всесоюзной теоретической конференции. М., 1968 г. вып. I В. Ю. Евдокименко. «Критика идейных основ украинского буржуазного национализма, Киев, 1967 г. и другие.

¹ К советскому народу, ко всем трудящимся Союза Советских Социалистических Республик, М., 1967 г. стр. 6.

ка проявляется в местнических тенденциях в хозяйственной деятельности отдельных национальных республик, в пренебрежении интересами других республик; б) чрезмерное восхваление и возвеличивание своей нации, что приводит к национальной кичливости, с одной стороны, и к высокомерному отношению к другим нациям, с другой; в) защита реакционных обычаев и традиций под маской развития национальных особенностей, что ведет к национальному обособлению, недоверию к другим нациям; г) идеализация прошлого истории народов, затушевание социальных противоречий в истории того или иного народа, своеобразная, тонко завуалированная пропаганда теории «единого потока»; д) пережитки проявляются в области подбора и расстановки кадров по национальному признаку, а не по деловым и политическим качествам, в стремлении вернуться к политике «коренизации» аппарата; в) наконец, нарушение ленинских требований о соблюдении такта по отношению к нациям и народностям, национальные права и чувства которых в прошлом ущемлялись¹. Все эти пережитки прошлого в национальном вопросе переплетаются между собою, создают психологические барьеры в межнациональных отношениях и наносят вред дружбе и сотрудничеству равноправных социалистических наций.

Эти пережитки проявляются как недооценка дружбы и союза народов нашей страны, как недоверие к братским народам, неуважение к их прогрессивным традициям, игнорирование национальной специфики других народов, недоверие в области обмена кадрами, недооценка обмена опытом с братскими республиками, раздувание специфики своих наций или проповедь ее превосходства над другими нациями и т. д.

Зачастую пережитки национализма тонко прикрываются маской защиты национальных особенностей, национальных обычаев и традиций. Пропаганда реакционных обычаев и традиций неизбежно ведет к национальному обособлению, к недоверию и неприязни к другим нациям. Националистические пережитки находят свое выражение также в области истории, в идеализации прошлого и затушевании социальных про-

¹ М. С. Джунусов и И. П. Цамерян в своих докладах на Всесоюзной конференции по теоретическим проблемам социалистического интернационализма в области национальных отношений указывали на эти пережитки,

тиворечий, имевших место в истории своего народа, в пропаганде теории «единого потока» и т. д.

В области расстановки кадров националистические пережитки проявляются в подборе их по национальному признаку, в противопоставлении кадров своей национальности кадрам других национальностей. В отдельных случаях высказывается мнение возврата к политике коренизации аппарата. Коренизация аппарата вызывалась необходимостью подготовки местных национальных кадров, когда их не было. Нынешнее же требование «коренизации» означает нарушение принципа интернационализма, ленинского принципа подбора и расстановки кадров по деловым и политическим качествам.

Наша партия ведет борьбу против проявления пережитков всякого национализма и шовинизма, как против преувеличения, раздувания национальных особенностей, так и против пренебрежительного отношения к ним.

Пережитки национализма, конечно, не порождены социалистическим строем, они являются наследием старого эксплуататорского строя. В силу ряда причин объективного и субъективного характера эти пережитки в социалистическом обществе в отдельных случаях оживляются. Нельзя согласиться с мнением, считающим, что в социалистическом обществе нет объективных причин и условий, порождающих националистические настроения.

К объективным причинам сохранения пережитков национализма в нашем обществе можно отнести противоречия, возникающие в ходе строительства социализма и коммунизма, например, трудности, связанные с развитием производительных сил, экономики и культуры одинаковыми темпами и масштабами сразу во всех национальных республиках. Советское государство не всегда располагало средствами и возможностями удовлетворить одновременно потребности всех наций и народностей Советского Союза. В конце концов постепенно эти потребности удовлетворяются. Здесь следует учитывать различия в уровнях экономики и культурного развития, различия в степени материальной обеспеченности отдельных районов страны.

Эти объективные условия при недостаточной подготовленности руководящих кадров могут вызвать и в отдельных случаях вызывают тенденции местничества, стремление как можно больше урвать для своей республики, для своей области

из общественного бюджета. Разумеется, сам по себе уровень развития экономики и культуры отдельных национальных республик и областей не может стать причиной сохранения и распространения пережитков национализма. Речь идет лишь о том, что наличие более или менее существенных различий в уровне экономического и культурного развития или материальной обеспеченности республик порождает, с одной стороны, у некоторой части людей, недостаточно сознательных, настроение национальной кичливости, высокомерия, с другой, — чувство обиды на кажущуюся несправедливость, настроения некоторой неприязни по поводу меньшей обеспеченности своей национальной области или республики.

К причинам объективного порядка следует отнести и воздействие зарубежной реакционной пропаганды. К ним следует добавить и то, что в ряде республик и районов (Прибалтика, часть Молдавии, западная часть Украины и Белоруссии) советский строй установился значительно позже и, естественно, там сильнее сказываются остатки старой идеологии, в частности, национализм.

Вместе с тем следует указать, что одной из причин сохранения пережитков национализма являются субъективные факторы. Националистические, как и всякие другие пережитки, оживляются, когда нарушается советская демократия, социалистическая законность, когда имеется бюрократизм, карьеризм в наших учреждениях. Национальную политику нашей партии претворяют в жизнь люди, а они не гарантированы от ошибок. Ошибки в национальном вопросе, как показывает опыт, более опасны. Примером такого рода может служить нарушение ленинской национальной политики на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны, проявление к чеченцам, ингушам, балкарцам и карачаевцам несправедливости, выселение их в другие районы. Следует учитывать и то обстоятельство, что пережитки буржуазного национализма тесно связаны и переплетаются со всеми другими пережитками капитализма и в отдельных случаях подвержены их влиянию; они могут быть усилены и оживлены ими.

Националистические пережитки у людей могут проявляться бессознательно, поэтому необходимо в каждом конкретном случае разбираться в том, кто является носителем национа-

дистических предрассудков. Наша борьба с буржуазной идеологией, в том числе и с идеологией национализма, является классовой борьбой. Что же касается нашей борьбы против пережитков буржуазного национализма, сохранившихся у некоторой части советских людей, то эту борьбу нельзя считать классовой.

В практике деятельности наших учреждений нередко случается, когда национальные чувства людей задеваются теми или иными официальными работниками, и не по злому умыслу, а вследствие их бестактности, по политическому невежеству, вследствие забвения ленинских указаний о необходимости соблюдения такта по отношению к представителям бывших угнетенных наций¹.

В практике международных отношений ни на йоту нельзя забывать указания В. И. Ленина о том, что ничто так не задерживает развитие и упрочение пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки².

В борьбе за преодоление пережитков национализма необходимо учитывать и другое указание В. И. Ленина о необходимости строгого учета исторического прошлого во взаимоотношениях тех или иных национальностей. Известно, что в дореволюционной России подвергались национальному гнету все нерусские национальности, что в каждой нации культивировались вражда и недоверие. Это тяжелое историческое прошлое народов оставило много неприятных воспоминаний и чувство обиды. И все это дает о себе знать, в какой-то мере нарушаются ленинские принципы национальной политики. Антисоветская, враждебная пропаганда играет на этих чувствах народов, стремится подорвать дружбу и братское сотрудничество народов нашей страны. Не случайно, что в период господства националистических партий в Закавказье, Средней Азии, Прибалтике, на Украине, Северном Кавказе

¹ Об этом справедливо говорили участники Всесоюзной научной конференции по теоретическим вопросам социалистического интернационализма в Москве (май 1968 г.) в частности, П. И. Цамерян и Г. О. Зиманас.

² В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 360.

велась усиленная идеологическая обработка масс. В первые годы Советской власти в национальных районах нашей страны тяжелое историческое прошлое сильно сказывалось на их националистических предрассудках. Наша партия вела неустанную борьбу против буржуазных националистов. После ликвидации всех эксплуататорских классов и социальных групп, после разгрома буржуазных националистических партий, которые являлись социальной базой распространения национализма, положение в нашей стране коренным образом изменилось. Ленинская национальная политика Коммунистической партии обеспечила нерасторжимую дружбу между всеми народами советских республик.

Успехи коммунизма, ленинской национальной политики не означают автоматического краха пережитков национализма. Опыт показывает, что достаточно даже незначительных ошибок, иногда простой бестактности, как возбуждаются, оживляются национальные обиды, недоверие и националистические предрассудки и взгляды. Приведем некоторые примеры.

В нашей стране происходит процесс добровольного слияния некоторых этнографических групп, малых народностей с социалистическими нациями. В целом этот процесс имеет прогрессивный характер. Однако там, где этот процесс пытаются форсировать искусственно, возникают национальные трения, национальные обиды и т. д. Такое чувство подогревается ошибочными утверждениями об ассимиляции нации, о взаимном их поглощении.

Очень серьезный ущерб дружбе народов наносят извращения в области языковой политики. Малейшее проявление административного нажима, игнорирование желаний и мнения представителей тех или иных наций при решении вопросов языка обучения детей в школе, издания книг и газет, ведения делопроизводства в местных Советах и т. д. могут привести к национальным обидам, вызывать националистические чувства недоверия, неприязни, даже в отдельных случаях вражду к представителям той или иной нации. Только ленинское последовательное отстаивание принципа добровольности при решении всех подобных вопросов может устранить недоверие и подозрительность.

«Область языка, — пишет К. Х. Ханазаров, — это та область, где национальные чувства людей могут быть задеты чаще, быстрее, ибо язык пронизывает повседневную жизнь

людей; преимущественно в языке и через язык находит выражение история, гений, национальный характер, национальная гордость данного народа. Поэтому в области языков требуется исключительная осторожность, не только глубокое знание сути коммунистических решений языковой проблемы, но и умение и практическая гибкость в проведении в жизнь этих общих принципов»¹.

Пережитки национализма находят свое проявление в работах отдельных представителей интеллигенции. Они выражаются в чрезмерном восхвалении своей нации, в забвении классового подхода при исследовании исторического прошлого своего народа, его культуры и т. д. В послевоенный период ЦК нашей партии уделял этому вопросу исключительно большое внимание. Такая же работа проводилась во всех советских национальных республиках. Так, в постановлении пленума ЦК КП Армении от 5—6 июля 1960 г. отмечалось, что «в республике имеются еще факты некритического отношения к культурному наследию, приводящего в отдельных случаях к идеализации прошлого, к проявлениям национальной ограниченности». В другом решении ЦК КП Армении от 26-II-1963 г. снова отмечалось, что «в произведениях отдельных историков, литераторов, искусствоведов классовый, социальный подход к историческим событиям подменяется подходом с национальных позиций, а отдельные ученые под видом борьбы с вульгарным социологизмом фактически пытаются выхолостить классовую сущность марксистско-ленинской идеологии»².

Наши враги за рубежом хватаются за любое проявление идейной незрелости и шатания у отдельных представителей интеллигенции, они раздувают националистические страсти, стараются сеять недоверие между народами СССР.

Националистические пережитки иногда могут возбуждаться неправильными высказываниями со стороны отдельных историков, экономистов, философов, художников, писателей и т. д. Так, национальные чувства абхазцев были сильно задеты высказыванием грузинского писателя П. Ингоракова в книге «Гергий Мерчуле». В этой книге высказывалась мысль о том, что

¹ См. К. Х. Ханазаров, «Национальное воспитание и равноправие национального языка» (Материалы Всесоюзной конференции, вып. 4, М., 1968 г., стр. 43.

² См. книгу Ст. Степанян «Интернационализм — основа национальной политики КПСС». Ереван, 1967 г., стр. 156 — 157.

абхазцы представляют собой лишь ветвь грузинского народа. Эта точка зрения была поддержана некоторыми грузинскими историками. По этому вопросу проводилась дискуссия в журнале «Манатоби». Результатом всего этого явилась болезненная реакция среди многих абхазцев, особенно интеллигенции. Это не могло не вызвать чувства национальной обиды. В апреле 1957 года бюро ЦК КП Грузии приняло по этому поводу специальное решение: «Об ошибочной дискуссии, организованной журналом «Манатоби».

Подобные факты не могут не возбуждать националистических предрассудков, взаимных обид и т. д. К сожалению, подобные факты имеют место и в других республиках. Они говорят о серьезных недостатках идеологической работы в области национального вопроса.

Питательной почвой для националистических пережитков могут быть неправильно поняты местные интересы. Интересы всех советских республик в главном и существенном совпадают с общегосударственными интересами. Национализм проявляется в том, что интересы республик противопоставляются общегосударственным. Коренные интересы советских республик не могут противоречить общим интересам СССР, но если эти интересы противопоставлять общесоюзным, насаждать стремление «урвать» побольше ассигнований «для себя, для своей республики или области» в ущерб общегосударственным интересам, то это может привести к оживлению националистических настроений. Местничество не может не породить национального эгоизма.

В национальных автономиях и областях Северного Кавказа в послевоенный период оживилось местничество — корыстное выдвижение интересов «своей» республики и области в ущерб интересам других республик. Оживление пережитков старого проявлялось и в недоверии к братским народам и их представителям, в пренебрежении к кадрам других национальностей, в недооценке роли и значения дружбы и братства народов СССР, в неправильной оценке исторических событий прошлого и т. д.

Националистические предрассудки здесь проявляются и в области морально-бытовых отношений. В области морально-бытовых отношений особенно живучи националистические предрассудки. В некоторых районах, и особенно в высокогорных и отдаленных аулах, сильны остатки адата и шариата, религиозные и сословные предрассудки. Последние являются питатель-

ной почвой для проявления пережитков национализма. Вредные для социалистического общества пережитки прошлого до конца еще не преодолены. Сохранились еще отдельные элементы неравноправного положения мужчин и женщин в быту, остатки слепого преклонения перед стариками. Имеют место извращения ряда прогрессивных народных традиций и обычаев. Эти старые моральные правила конкретно проявляются в чрезвычайно разнообразных бытовых традициях и религиозных обрядах, в семейных и родственных отношениях и т. д. Сохраняется калым — реакционный обычай выкупа невесты, берне — одаривание невестой многочисленных родичей жениха, умыкание невест, унижающее человеческое достоинство. В отдельных случаях встречаются остатки кровной мести.

Само собой разумеется, что не эти пережитки определяют морально-политический облик народов Северного Кавказа, но они оказывают свое вредное влияние на сознание людей, влияют на их национальные чувства. Эти пережитки в определенных условиях способны вызвать нездоровые настроения в межнациональном общении людей.

К. И. Чомаев правильно пишет, что применительно к условиям автономных республик и областей Северного Кавказа национальные предрассудки в области морально-бытовых отношений приводят к преувеличению прогрессивной роли некоторых положительных сторон местных обычаев и традиций, например, слепое преклонение перед старцами¹.

Не менее вредно и огульное охаивание народных обычаев и традиций, непонимание или отрицание их положительного значения.

Трудности преодоления пережитков прошлого особенно усилились в национальных районах Северного Кавказа в послевоенный период. Нарушение принципов ленинской национальной политики привело здесь к значительному оживлению пережитков прошлого. Перед местными партийными организациями

¹ К. И. Чомаев. «Преодоление национальных пережитков—одна из задач интернационального воспитания трудящихся». Материалы Всесоюзной конференции, вып. 4, 1968 г., стр. 112—113. К. И. Чомаев приводит такой пример: Один из опрошенных нами лиц заявил: «Старик — это гордость народа, он должен командовать всеми, ругать и наказывать молодых, распоряжаться хозяйством. Без отца сын ничего не решает, например, не женится или не разводится, не делает ничего по хозяйству для своей семьи и т. д.»

стоит задача: опираясь на передовые национальные обычаи и традиции, вести терпеливую работу по преодолению пережитков реакционных обычаев и традиций в быту и межнациональных отношениях.

Известно, что почти у всех народностей Северного Кавказа издавна существует обычай почитания стариков. Этот обычай своими корнями уходит в глубь истории. В нем имеется хорошее, положительное начало, уважение к старшим по возрасту, к их жизненному опыту, советам, поучениям. Но этот обычай, вместе с тем, означает непререкаемый авторитет старших, слепое преклонение перед ними.

Сила влияния старших особенно велика на молодежь. В этих условиях трудно вести борьбу с пережитками прошлого без четкого определения своего отношения к старикам. Если молодежь попадет под влияние реакционно настроенной части старшего поколения, то в этом случае традиция почитания старших служит серьезной помехой в воспитании молодого поколения и широких слоев населения.

«У нас много хороших стариков,—говорил в январе 1962 г. на пленуме обкома Кабардино-Балкарской парторганизации первый секретарь обкома партии Т. К. Мальбахов,— но есть и такие, которые не могут не остановиться перед идеализацией старины. Послушаешь их, и кажется, что в прежние времена и солнце ярче светило, и луна полнее была, и радости в жизни гораздо больше было.

Молодежь слушает стариков и начинает верить в то, что прошлое было интереснее... Но современность, конечно, неизмеримо лучше прошлого, поэтому столь много вреда в том, что молодежь обольщается этими рассказами некоторых отсталых стариков¹».

В послевоенный период участились рецидивы проявления национализма, воскрешения многих забытых реакционных традиций, культа старины и идеализации национальных особенностей. Активизировали свою деятельность мусульманские секты, муллы, шейхи и другие религиозные авторитеты. Опорой их

¹ Текущий архив Кабардино-Балкарского обкома КПСС, протокол пленума от 24 января 1962 года.

деятельности, как и прежде, стало старшее поколение и старики.

В этой обстановке партийным организациям пришлось, с пользой для дела, опираться на национальную традицию почитания стариков и вести борьбу против реакционных обычаев и традиций в быту. Главную роль в выполнении этой задачи играло приобщение молодежи к труду, к общественно-политической деятельности, культурной жизни. Немаловажное значение имело и использование авторитета старших в борьбе с пережитками прошлого.

По инициативе партийных органов Шалинского района Чечено-Ингушетии старики — чеченцы выступили с обращением ко всем трудящимся республики с призывом отказываться от пережитков, мешающих культурному и социально-политическому прогрессу. Это обращение стало предметом обсуждения на бюро райкомов и обкома КПСС¹.

Аналогичная работа была развернута и в Северной Осетии, и в других автономных республиках и областях Северного Кавказа. Общие сходы стариков прошли в Орджоникидзевском, Алагирском, Ардонском районах Северной Осетии. Здесь проводилось республиканское совещание наиболее уважаемых старейших жителей сел и аулов. Работа эта, как отмечала XX партконференция Северной Осетии, дала весьма положительные результаты².

Исключительно большое значение имело привлечение стариков к искоренению такого дикого обычая, каким является кровная месть. Формой борьбы с ним партийные организации Чечено-Ингушетии избрали примирительные комиссии. Известно, что подобные комиссии создавались по решению Советского правительства еще в 1928 году. В первые годы восстановления Чечено-Ингушской автономной республики перед партийной организацией республики очень остро стала проблема прекращения действия адатских судов, которые освящали обычай кровной мести. По решению партийных и советских органов республики были созданы примирительные районные и республиканская комиссии. Эти комиссии приняли обращение к населению, призвали его покончить с реакционными пережитками прошлого, прекратить незаконные действия адатских судов.³

¹ Партархив Чечено-Ингушского обкома КПСС, ф. 1, оп. 13, ед. хр. 15 л. 76.

² Партархив Северо-Осетинского обкома КПСС ф. 1, оп. 36, д. 1, л. 46.

³ Партархив Чечено-Ингушского обкома КПСС, ф. 1, оп. 13, ед. хр. 8, л. 49.

Большое воспитательное значение имело широкое обсуждение этих решений на сельских сходах.

Во всей этой работе было проявлено внимательное отношение к национальным чувствам и обычаям. Сама идея создания примирительных комиссий, в которые вошли представители народа, в том числе старшего поколения, имела большое психологическое значение. Это определило авторитетность примирительных комиссий, которые уже с начала 1960 г. приступили к своей работе. В состав первой республиканской примирительной комиссии, утвержденной на заседании бюро обкома партии 20 апреля 1960г., вошли заместитель председателя Президиума Верховного Совета ЧИ АССР А.-В. Т. Тожаев, редактор газеты «Сердало» М. К. Льянов, прокурор республики А. Я. Романов, старики-пенсионеры: из Курчаловского района М. Ш. Шотаев, из Назрановского района И. С. Шадышев¹, т. е. два чеченца, два ингуша, один русский.

Главная задача таких комиссий — примирять кровников, покончить с реакционным обычаем кровной мести. Вот как описывает примирение кровников М. А. Абазатов². Много лет разделяла кровная вражда семьи Дашаевых и Касаевых, жителей бывшего Ачхой-Мартановского района. И вот в парке при Ачхой-Мартановском Дворце культуры собрался многолюдный сход, созданный Центральной примирительной комиссией при Верховном Совете ЧИ АССР. На сход съехались старики и молодые, женщины и дети. Выступили представители Центральной и районной примирительных комиссий, почтенные старики и молодые. Со словами уважения к Советской власти и почтенным старикам глава рода Дашаевых Умар Дашаев заявил на сходе о том, что прощает Омара Касаева навсегда за себя и за все свое потомство, «а равно и за родственников своих, членов родовой фамилии, как прямой, восходящей и нисходящей, так и боковых линий». Умар и Омар пожали друг другу руки и по-братски обнялись в знак примирения.

Во всей этой работе соблюдалась мера в использовании традиции почитания стариков, чтобы их авторитет не переходил в слепое поклонение перед ними, чтобы не подавлялась воля молодежи в свободном выборе для себя жизненного пути.

¹ Текущий архив Чечено-Ингушского обкома КПСС за 1960 г., материалы бюро ОК.

² М. А. Абазатов. «О вреде пережитков шарията и адатов в Чечено-Ингушетии и путях их преодоления», Грозный, 1963, стр. 24.

Не менее важной стороной воспитательной работы партии по преодолению пережитков прошлого явилась работа среди женщин. О сложности и трудностях этой работы не раз говорил В. И. Ленин. Он считал раскрепощение женщины в быту важным условием формирования коммунистических общественных отношений. Полное освобождение женщин «от устарелого домашнего хозяйства»,—указывал В.И. Ленин,—требует «революции нравов». Он особо отмечал, что одной из важных и больших политических задач партии является воспитательная работа среди женщин, что здесь «мы должны вытравить старую рабовладельческую точку зрения до последних мельчайших корней ее...»¹

Эти указания В. И. Ленина в еще большей мере относятся к деятельности партийных организаций национальных областей Северного Кавказа.

Дореволюционное положение женщины-горянки—это тяжелая картина унижения и бесправия. Законы шариата, касающиеся положения женщины-мусульманки, были особенно суровыми. «Господь предписывает карать свою жену ради исправления и совершенствования»². Каждый шаг женщины был регламентирован неписаными правилами адатов. Она была слугой не только мужа, но и всех его родных. В домашнем хозяйстве она выполняла самую тяжелую работу. Женщина по адатам не имела права переходить дорогу мужчине. Законы адата заковывали женщину в цепи унижения и страдания. Женщина-горянка даже не имела права брать своего ребенка на руки при родственниках мужского пола. Некоторые адаты запрещали женщинам произносить имена и своего мужа, и его родителей, и родственников.

Шариат запрещал брак мусульман с «неверными», т. е. с представителями других наций. Вот некоторые примеры. В 1962 г. была проклята и выгнана из дому Лида Бекова, ингушка, студентка Чечено-Ингушского государственного педагогического института за то, что она вышла замуж за осетина³. Чеченку М. Хабисову, вступившую в брак с русским, родственники и соседи избили палками и камнями (Урус-Мартановский

¹ Клара Цеткин. «Из записной книжки». В книге «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, М., 1957 г., стр. 490.

² Б. Х. Цавкилов. «О борьбе с пережитками прошлого в сознании людей», Нальчик, 1957, стр. 75.

³ М. А. Абазаров. «О вреде пережитков шариата и адатов в Чечено-Ингушетии и путях их преодоления», стр. 37.

район ЧИ АССР). Молодая семья Яроцких (он русский, она — чеченка) из-за инспирированных родственниками жены гонений односельчан вынуждена была не только покинуть Чечен-аул, но и выехать из республики.¹ Все это говорит о том, что работа по окончательной эмансипации женщины-горянки в настоящее время не потеряла своей актуальности.

Эта работа проводится в двух взаимосвязанных аспектах: в плане создания определенных условий для массового вовлечения женщин и девушек в сферу общественного труда и общественной деятельности, с другой стороны — очищения бытовых, нравственных принципов советской семьи от феодально-байского отношения к женщине со стороны определенной части мужчин.

Формой массовой организации женщин, их политического воспитания являются ныне съезды женщин, как республиканские, так и районные. Съезды стали доброй и прочной традицией работы среди женщин во всех национальных автономиях Северного Кавказа. Эта форма массово-политической работы среди женщин служит делу духовного, нравственного прогресса прежде всего женщин коренных национальностей. Характерной чертой всех съездов тружениц северокавказских автономий в наше время является то, что они интернациональны и по своему духу, и в структуре своей организации. На республиканские съезды трудящихся женщин собираются не только представительницы многих народов, живущих в республиках. В последнее время вошло в прочную традицию приглашать на республиканские съезды женщин-тружениц других республик, областей, краев Северного Кавказа.

Значение съездов женщин автономных республик и областей Северного Кавказа заключается прежде всего в том, что они служат росту политической сознательности тружениц. Женщины, особенно горянки, с гордостью за себя и за своих подруг, осознают свою роль в успехах республики. Это вызывает определенные стимулы нового трудового подъема и новых усилий в борьбе с пережитками прошлого.

Активной формой интернационального воспитания стал охват женщин школами и кружками сети политического просвещения, вовлечение горянок в кружки политграмоты. Только в

¹ Партархив Чечено-Ингушского обкома КПСС, ф. 1, оп. 10, ед. хр. 84, л. 7.

1960—61 учебном году в республике работало более 300 кружков политического просвещения для женщин-горняков, свыше 6000 чеченок и ингушек были охвачены учебой в них, позже число кружков и обучающихся в них горняков значительно увеличилось.¹

Так горняки освобождались от пут социальных ограничений, старых обычаев и традиций, включаясь в сферу социалистических общественных отношений, приобщаясь к новым формам жизни. Вся эта работа среди женщин способствует осознанию женщинами своей действительной роли в жизни и обществе. «А так как львиная доля реакционных обычаев, часто неотделимых от сохранившихся религиозных представлений, касается именно женщины, определяя строгую регламентацию ее общественных и семейно-бытовых отношений, то исподволь протест женщин был направлен против всего реакционного в обычаях и традициях прошлого. Борясь за новый быт и новую культуру, женщина объективно становится одной из решающих сил, уничтожающих пережитки прошлого во всех сферах общественной жизни. Говоря словами Н. А. Добролюбова, «самый сильный протест бывает тот, который поднимается, наконец, из груди самых слабых и терпеливых»².

Коммунисты никогда не разделяли взгляды социалистов-утопистов, воображавших, что социализм можно построить с людьми, свободными от пережитков старого общества. Это, писал В. И. Ленин,—детские побасенки. Строить коммунизм мы должны из обломков капитализма, и только тот класс, который закален в борьбе против капитализма, может это сделать.

Именно в национальной психологии наиболее цепко держатся пережитки в силу той инерции, которой обладают старые привычки, традиции и предрассудки. Чем успешнее преодолеваются эти пережитки, тем глубже и всестороннее становится сближение народов. Важной особенностью современного формирования общественной психологии социалистических наций является то, что ныне наше общество располагает неизмеримо более могущественными средствами организованного идейного воздействия на духовный мир дружественных классов и наций, чем когда бы то ни было раньше.

¹ «Братское сотрудничество народов Северного Кавказа в строительстве коммунизма», Краснодар, 1966.

² Там же.

История нашей партии знает много примеров успешной борьбы с пережитками национализма. Нынешний этап преодоления пережитков старых, вредных традиций, обычаев в быту, в национальных отношениях имеет свои особенности. Во-первых, наличие подготовленных кадров национальной интеллигенции, воспитанной в духе интернационализма, позволяет сравнительно быстро преодолевать вредные пережитки прошлого, в какой бы области они ни проявлялись. Во-вторых, интенсивное сотрудничество и сближение наций требует скорейшего преодоления национальной ограниченности, национального эгоизма и других пережитков. В-третьих, интернационализация населения союзных республик является не только важнейшим фактором сближения народов, но и своего рода проверкой достоинств и недостатков национальных традиций и обычаев, проверкой того, какие из них способствуют укреплению дружбы и сотрудничества наций и какие мешают их сближению. В-четвертых, всенародное движение за коммунистический труд порождает много новых традиций, привычек и норм в межнациональных отношениях. Наконец, в-пятых, претворение в жизнь ленинских принципов национальной политики создало благоприятные условия для окончательного преодоления пережитков старого. Все это означает, что национальные отношения вступили в завершающий этап борьбы с пережитками прошлого. Ликвидация пережитков прошлого ускоряет наше развитие по пути к коммунизму, к сотрудничеству и сближению социалистических наций и народностей.

На основе изучения процессов функционирования составных частей психического склада нации, психологии различных социальных слоев внутри нации можно и должно наиболее эффективно воздействовать на формирование коммунистического общественного сознания.

На основе новых потребностей социалистических наций возникают эмоции, развиваются новые социальные чувства и настроения. В условиях строительства коммунизма нет ни одного вида деятельности, которая не сопровождалась бы эмоциями, переживаниями. В характере национальных эмоций, переживаний отражаются особенности и преимущества образа жизни советских людей. В процессе развития коммунистической общественной психологии формирование ее национальной эмоциональной сферы представляет собой один из важнейших аспектов изучения проблемы межнациональных отношений.

Почему важно изучение этой проблемы? Да потому, что формирование эмоциональной стороны коммунистической общественной психологии в аспекте межнациональных отношений является не только важным условием всестороннего и гармонического развития личности представителей всех социалистических наций, но и необходимой предпосылкой преодоления разрыва между словом и делом, условием превращения научного мировоззрения во внутренние убеждения человека.

Не случайно целый ряд социально-психологических явлений представляют собой слияние взглядов и настроений, убеждений и побуждений. К числу таких сложных по своей структуре компонентов национальной психологии относятся, например, умонастроение и идеалы.

Последние формируются как на основе осознанной, осмысленной оценки социальных явлений, так и под воздействием чувств и эмоций, порожденных общественными отношениями. Например, оптимизм как преобладающая черта в умонастроениях социалистических наций выражает собой отчетливое сознание светлых перспектив развития.

Формирование эмоциональной сферы коммунистической общественной, в том числе и национальной психологии осуществляется в нескольких направлениях. Идет процесс отмирания старых чувств, характерных для классово-антагонистических формаций. Уходят в прошлое чувства национальной неприязни и замкнутости, национального эгоизма. Получают дальнейшее развитие и наполняются новым содержанием те благородные чувства, которые складывались на протяжении всей истории общества, — чувства национальной гордости и достоинства, патриотизма и гуманизма, чувства долга и товарищества, коллективизма и коммунистической деловитости и т. д.

Обогащение эмоционального мира социалистических наций идет не только за счет развития нравственных и нравственно-политических, но и эстетических чувств и вкусов. Это требует всемерного развития национального искусства.

К числу побудительных начал как общественной, так и национальной психологии относятся настроения, которые характеризуются особенно большой динамичностью и массовостью. Настроение может выступать как настроение личности (национального поэта, художника, композитора, общественного деятеля) и как настроение класса или целой нации. При этом настроение может проявляться всюду: на производстве и в быту,

на демонстрации и митинге, в реакции театральной публики, в аудитории, на спортивных состязаниях и т. д.

Настроение различных социальных групп, слоев и классов общества, а также наций и народностей обладают огромной побудительной силой, являются мощным источником их творческой активности. А это значит, что всестороннее изучение природы, динамики и механизма формирования общественного настроения может открыть и неизбежно откроет перед обществом новые пути и средства управления теми запасами колоссальной, но во многом еще не использованной, скрытой энергии, которая заложена в побуждениях людей и которая должна быть целиком поставлена на службу социального прогресса. Это и понятно, ибо формирование оптимистических, жизнеутверждающих общественных настроений у советских людей—необходимое условие их политической и трудовой активности.

Большая побудительная сила настроения, его исключительная подвижность и способность захватить всего человека позволяют использовать его как наиболее подвижный компонент психики, через который можно перестраивать социальные чувства, привычки, убеждения, а также национальные обычаи и традиции. Другими словами, общественное настроение может быть использовано как мощный рычаг для эффективного формирования всех сторон психологии как отдельной личности, так и класса, и наций. Все это составляет одну из существенных сторон социалистических национальных отношений и лежит в основе формирования единых черт духовного облика социалистических наций.

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНЫХ ЧЕРТ ДУХОВНОГО ОБЛИКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ НАЦИЙ

В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс отмечал, что духовные явления легче свести к их земной основе, чем вывести из этой основы сложную сеть духовных отношений, являющих собой многообразную и иногда причудливую и даже фантастическую картину.

Это указание К. Маркса полностью относится и к проблемам становления единых черт духовной жизни социалистических наций. Именно, как указывал К. Маркс, путем выделения

явлений духовной жизни из ее материальных основ нужно идти, чтобы выявить закономерности духовного развития социалистических наций.

Активное участие масс в строительстве социализма и коммунизма является главной линией формирования нового человека. Формирование духовного облика советского человека происходит под влиянием общественного труда при активной идеологической борьбе партии против буржуазной идеологии и пережитков прошлого в сознании людей. К. Маркс и В. И. Ленин не раз говорили о силе старых традиций как тормозе социального прогресса. Эта сила старых традиций сказывается и в социалистическом обществе.

Традиции, выросшие на почве частной собственности, укоренились в общественной психологии веками. Для их преодоления требуется известное время, требуется также упорная борьба против отживших традиций, на консервативную силу которых опирается империализм в своих идеологических диверсиях.

Говоря о формировании единых черт духовного облика социалистических наций, следует учитывать известные противоречия между быстрым ростом общественного производства, политическим и трудовым подъемом советского народа, с одной стороны, и отставанием сознания у части населения— с другой. Это противоречие, как было уже указано, находит свое конкретное проявление в пережитках капитализма в сознании и быту. Преодоление этого противоречия и подъем коммунистической сознательности всех масс населения является необходимым условием успешного строительства коммунизма.

Чтобы устранить влияние пережитков прошлого, наша партия выдвинула в качестве важнейшей задачи коммунистическое воспитание всего народа. В Программе КПСС говорится: «Партия считает главным в идеологической работе на современном этапе—воспитание всех трудящихся в духе высокой идейности и преданности коммунизму, коммунистического отношения к труду и общественному хозяйству, полное преодоление пережитков буржуазных взглядов и нравов, всестороннее, гармоничное развитие личности, создание подлинного богатства духовной культуры. Особое значение партия придает воспитанию подрастающего поколения».¹

¹ Программа КПСС, Материалы XXII съезда КПСС, М., Госполитиздаг, 1961, стр. 408.

Воспитание нового человека, свободного от пережитков прошлого, буржуазные идеологи считают несбыточной мечтой. Они уверяют, что человек по своей сущности—индивидуалист, эгоист, анархист, мистик, склонен к суевериям и т. д., а коммунизм требует утверждения коллективизма, высокой нравственности, оптимизма и т. д. Сущность человека, по их мнению, исключает возможность осуществления идеалов коммунизма. Опираясь на эту концепцию, наши идейные враги пытаются доказать, что коммунисты не справятся с задачей воспитания человека нового типа, гармонически сочетающего духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство. Характерно, что они соглашались с тем, что коммунисты могут создать изобилие материальных благ, поднять уровень жизни народов, но никогда не смогут воспитать нового человека, ибо человек по своей природе неизменен. Эту мысль на различные лады повторяют идеологи современного антикоммунизма. Об извечности человеческих пороков говорят ватиканские «ученые», западно-европейские и американские идеологи антикоммунизма, которые твердят, что переход к коммунизму останется утопией, поскольку не удастся воспитать нового человека. Этот взгляд основан на том факте, что во всех антагонистических формациях не ставилась подобная задача и не было достигнуто коренного преобразования человеческих отношений. Это укрепляло веру в неизменность духовной сущности человека. Аналогичные концепции они выдвигают и в национальном вопросе, указывая на невозможность изменить национальную психологию, национальный характер, национальные чувства, обычаи и традиции. Но эти пророчества опровергнуты более чем пятидесятилетней практикой братского сотрудничества социалистических наций.

На основе формирования социалистических и коммунистических общественных отношений и благодаря воспитательным усилиям Коммунистической партии, происходит полное преодоление всех исторически сложившихся отрицательных наклонностей людей, унаследованных от прошлых формаций, с одновременным приобретением новых качеств. Входят в плоть и кровь каждого человека такие качества, как трудолюбие, коллективизм, подлинный гуманизм, интернационализм и т. д., происходят глубокие изменения в отношениях между нациями, развивается социалистическое сотрудничество, равноправие наций и народностей.

Победа социализма и переход к коммунизму укрепляют интернациональную общность народов. Эта интернациональная общность на современном этапе не исключает национальных особенностей народов. Советский многонациональный народ представляет собою единство национальной и интернациональной общностей, единство национальных и интернациональных связей и интересов всех социалистических наций и народностей.

Интернациональная общность экономической и политической жизни социалистических наций неизбежно ведет к выработке единых черт их культуры и духовного облика, а также единых революционных традиций в быту и культуре.

Дальнейшее развитие интернациональной общности советского народа связано с процессом формирования коммунистических общественных отношений. Последние включают в себя экономические, социально-политические, классовые, национальные, идеологические, психологические, бытовые отношения. Национальные отношения так или иначе связаны со всеми указанными общественными отношениями.

Между всеми сторонами общественных отношений существуют диалектическая взаимозависимость, взаимообусловленность и взаимодействие. Национальные отношения определяются экономическими, классовыми отношениями и зависят от них. Они включают в себя как материальные, так и идеологические отношения. Их дальнейшее развитие на пути к коммунизму основывается на прочных завоеваниях социализма.

В нашей стране ликвидированы эксплуататорские классы, утвердилась социалистическая собственность в двух ее формах, уничтожен социальный и национальный гнет, решена труднейшая после Октябрьской социалистической революции задача перевода единоличных крестьянских хозяйств на рельсы коллективного хозяйства. На месте старых буржуазных наций возникли новые социалистические нации. Утвердились между ними равноправные братские отношения. XXII съезд КПСС внес новое в постановку вопроса о дальнейшем развитии национальных отношений. И указал, что развернутое строительство коммунизма, вплоть до его победы во всем мире, является периодом сближения наций, за которым последует период слияния наций. Сближение и слияние наций—два разных процесса, которые охватывают различные исторические периоды.

«Стирание граней между классами и развитие коммунистических общественных отношений,—указывается в Программе

КПСС,—усиливают социальную однородность наций, способствуют развитию общих коммунистических черт культуры, морали и быта, дальнейшему укреплению взаимного доверия и дружбы между ними».¹

Классовые различия в нашем обществе коренятся в наличии двух форм социалистической собственности. С установлением единой коммунистической собственности исчезнут классы и классовые различия.

Как известно, до революции многие народности не имели своего рабочего класса. В социальной структуре нации преобладали крестьяне. За годы Советской власти у всех советских наций и народностей были созданы национальные отряды советского рабочего класса.

Статистические данные показывают, что социалистическое общество состоит из двух дружественных классов: рабочего класса и колхозного крестьянства. Одну пятую часть населения составляет советская интеллигенция. С ростом производительности сельскохозяйственного труда удельный вес колхозного крестьянства, по данным переписи 1959 г., уменьшился с 44,9% до 31,4%, в то время как удельный вес рабочего класса в социальной структуре населения вместе с интеллигенцией и служащими, с их семьями увеличился с 52,5 до 68,8%.

В национальных республиках и областях произошли большие изменения в соотношении городского и сельского населения. До революции население отсталых национальностей было сплошь сельским. За годы социалистического строительства картина в корне изменилась:

	Все население в млн. человек	В том числе		В процентах ко всему населению	
		город- ское	сель- ское	город- ское	сель- ское
1	2	3	4	5	6
1913 г.					
а) в современных границах	159,2	28,1	131,1	18	82
б) в границах СССР до 17 сентября 1939 г.	139,3	24,7	114,6	18	82

¹ Программа КПСС, М., 1961, стр. 113.

	1	2	3	4	5	6
1939 г.						
а) границах СССР до 17 сентября 1939 года		170,6	56,1	114,5	33	67
б) включая западные области Украины, Белоруссии, Молдавию, Литву, Латвию и Эстонию		190,7	60,4	130,3	32	68
1959 г.						
По переписи на 17 января						
1959 г.		208,8	99,8	109,9	48	52
1965 г.		229,3	121,7	107,6	53	47
1966 г.						
на 1 января		231,9	124,8	107,1	54*	46 ¹

Столь бурное развитие городского населения произошло как за счет естественного прироста, так и за счет притока значительного числа сельских жителей на работу в города и рабочие поселки.

Особенно заметно выросла численность городского населения в союзных республиках в послевоенный период. Рост городского населения в послевоенные годы составил: в Армянской ССР—241%, Эстонской ССР—190%, Латвийской ССР—177%, Грузинской ССР—161%, Литовской ССР—159%, Азербайджанской ССР—155%, Украинской ССР—143%, Белорусской ССР—137% и Молдавской ССР—96%.²

В еще более крупных масштабах увеличился удельный вес городского населения в автономных республиках и областях. В Карельской АССР удельный вес городского населения поднялся с 21% в 1926 году до 64% в 1959 г., или в 3 раза, соответственно Татарской АССР— с 11 до 42, или в 3,8 раза, в Удмуртской АССР— с 13 до 45, или 3,5 раза, в Башкирской АССР— с 9 до 39, или 4,3 раза, в Бурятской АССР— с 5 до 49, или в 9,8 раза, в Коми АССР— с 9 до 59, или в 6,5 раза, в Хакасской автономной области с 5 до 56, или в 11 раз. В Ненецком национальном округе городское население составляет 47 процентов к общему числу населения округа, в Ханты-Мансийском национальном округе—23 процента, в Ямало-Ненецком—38 процентов.³

¹ Справочник агитатора, М., 1961, стр. 439.

² Журнал «Истории СССР» № 6, 1967 г., стр. 48.

³ Народное хозяйство СССР в 1960 г., М., 1961 г., стр. 44—45 (подсчеты автора).

В национальных автономиях Северного Кавказа процент городского населения был самым низким в стране. По переписи 1959 года городское население составило: в Чечено-Ингушетии—41,3%, в Кабардино-Балкарии—39,5%, в Северной Осетии—52,8%. К пятидесятилетию Советской власти процент городского населения поднялся до 43,5 в Чечено-Ингушетии, 45— в Кабардино-Балкарии, и почти до 60— в Северной Осетии.

Характерен рост численности рабочих и служащих национальных автономий и областей Северного Кавказа (в тыс. чел.)¹

	1940	1958	1961
Дагестанская АССР	100,3	162,5	202,9
Кабардино-Балкарская АССР	48,4	79,5	108,1
Северо-Осетинская АССР	56,5	101,5	130,1
Чечено-Ингушская АССР	100,0	170,6	212,4
Адыгейская АССР	—	57,8	65,0
Карачаево-Черкесская АО	—	57,6	75,0

Столь бурное развитие городского населения свидетельствует о росте промышленности наших республик. Рост городского населения в национальных республиках происходит как за счет местного, коренного, так и за счет приезжего из других районов страны населения.

Благодаря заботам нашей партии колхозное крестьянство из года в год улучшает свое материальное благосостояние. В ходе создания материально-технической базы коммунизма будут преодолены существенные различия между городом и деревней. Новое социалистическое село будет отличаться от старых сел своей величиной, наличием в нем культурных очагов, новым городским типом жилищ, асфальтированными улицами, наличием радио, телевизоров, культурных учреждений. Уже сейчас появляются такие села, которые по своим культурно-бытовым условиям приближаются к городу.

В деревне растет новый тип крестьянина со средним образованием, который разбирается в литературе, музыке, технике и т. д. Колхозные поселки приобретают все удобства городской

¹ Таблица составлена на основе статистических сборников, изданных местными издательствами и текущих материалов республиканских и областных статистических управлений национальных автономий Северного Кавказа.

жизни. В них строятся школы, клубы, кинотеатры, спортплощадки, больницы, детские сады и другие культурно-просветительные учреждения.

Наглядным подтверждением того, как изменился облик колхозной деревни, являются сотни сел национальных республик.

В национальных районах Северного Кавказа сейчас трудно найти семью, где бы не было человека со средним или высшим образованием. За годы Советской власти только одно селение Дигора Северной Осетии дало нашей стране 10 профессоров, 15 кандидатов наук, трех лауреатов государственной премии, 6 Героев Советского Союза, трех генералов, более 800 инженеров, врачей, агрономов и учителей.¹

Это типичное явление для национальной деревни не только Северного Кавказа, но и для всей страны.

Писатели Киргизии рассказали об облике колхозной деревни им. К. Маркса Балыкчинского района, который является типичным для республики. Дома колхозного села вытянулись по обе стороны асфальтированного шоссе, возле каждого дома высокие тополя, раскидистые яблони и вишни. Многие дома покрыты шиферной крышей. Колхоз построил собственную электростанцию, провел водопровод, выстроил два клуба, один—на 550 мест, три школы, одна средняя, две начальные, больницу на 16 коек, родильный дом. В колхозе работает много людей с высшим образованием: 38 учителей, 3 агронома, ветврач, зоотехник, инженер и два врача. Многие молодые колхозники учатся в институтах заочно. Из колхозного села 82 человека получили высшее образование².

Облик национальной деревни изменяется, все более приближаясь по своим культурно-бытовым условиям к городу.

Этому процессу в значительной мере содействует рост образовательного уровня колхозных крестьян. По данным переписи 1959 г. на тысячу человек имели среднее и высшее образование: рабочие—336 человек, колхозники, не считая руководителей и специалистов, — 212 человек³. Уже теперь уровень образования механизаторов и других квалифицированных кадров колхозников вплотную приблизился к уровню образования промышленных рабочих.

¹ С. Т. Дедогкаев. «Культурное строительство в Северной Осетии», Орджоникидзе, 1964 г. стр. 15.

² Журнал «Дружба народов»,—№ 9, 1961 г.

³ «Народное хозяйство СССР в 1960 г.», стр. 38.

В сельском хозяйстве из года в год возрастают общественные производственные фонды, увеличивается число тракторов, комбайнов и других машин, растет энергетическая мощность колхозов, внедряются комплексная механизация, достижения науки и техники. Все это ведет к сближению умственного и физического труда, к преодолению существенного различия между ними. Многие рабочие становятся техниками, инженерами, повышают свою квалификацию¹.

Пятидесятилетний опыт строительства нового общества с несомненной очевидностью подтвердил жизненность ленинских слов о том, что революция разбудит народную инициативу, что освобожденный от оков угнетения народ выдвинет из своей среды таланты, которые капитализм мял, давил, глушил, что рабочие и крестьяне в сравнительно короткий срок овладеют достижениями современной науки и техники. Все это подтверждается социалистической действительностью. На 1.000 человек населения в 1959 году приходилось 281 человек со средним и высшим образованием, а на 1.000 человек работающих имели среднее и высшее образование 433 человека, на 1.000 человек, занятых преимущественно физическим трудом, приходилось со средним и высшим образованием 316 человек, а занятых преимущественно умственным трудом — 884 человека².

Некоторые данные об уровне образования работников физического труда на 1000 человек, занятых в народном хозяйстве национальных республик и областей Северного Кавказа в 1959 г.³

	Высшее н/высш. сред /спец	Среднее общее	Семи- летние	Началь- ное
Краснодарский край	14	45	249	394
Ставропольский край	14	40	225	401
Ростовская область	18	56	280	385
Дагестанская АССР	6	21	190	354
Кабардино-Балкарская АССР	12	52	258	349
Северо-Осетинская АССР	20	83	275	350
Чечено-Ингушская АССР	14	36	200	333
Северный Кавказ	14	36	246	383

¹ Об этом подробно см. А. К. Курылев, Преодоление существенных различий между умственным и физическим трудом, М., 1964 г.

² «Народное хозяйство СССР в 1960 г.», стр. 38.

³ Таблицы составлены на основе статистических сборников, изданных местными издательствами национальных автономий Северного Кавказа.

Уровень образования работников умственного труда города и села в 1959 г. на 1000 чел. занятых в народном хозяйстве по данным переписи 1959 г.

	Высшее и высшее среднее спец.	Сред- нее	Семи- летние	На- чаль- ное	Грамотные, не имеющие образования
Краснодарский кр.	468	142	272	99	19
Ставропольск. кр.	492	140	258	93	19
Ростовская обл.	482	143	264	92	19
Дагестанская АССР	457	140	271	103	29
Каб.-Балк. АССР	503	173	234	71	19
Сев. Осетин. АССР	564	169	192	59	16
Чеч.-Ингуш. АССР	454	148	274	99	25
Северный Кавказ	479	144	463	94	20

Приведенные данные показывают, что в нашей стране успешно решаются задачи формирования коммунистических общественных отношений, преодолеваются существенные различия между классами, городом и деревней, умственным и физическим трудом. Главной сферой решения этих задач является производство, где создаются материальные блага, где труд и учение соединяются в едином материальном производстве, где наука превращается в непосредственную производительную силу.

Эта главная сфера формирования коммунистических общественных отношений вместе с тем является сферой выработки общих черт духовного облика и единых революционных традиций социалистических наций. На этой основе необычайно выросла духовная жизнь социалистических наций.

Духовная жизнь, как правильно пишет Ц. А. Степанян, — широкое понятие, охватывающее все формы сознательного, чувственного и психического отражения действительности, закрепленное в научных, эстетических, культурных и моральных ценностях, в нравах, обычаях и традициях.

Существо духовной жизни составляет общественное и индивидуальное сознание, хотя им не исчерпывается.¹

Коммунистические общественные отношения невозможны без всестороннего развития наций, укрепления их дружбы и со-

¹ Журн. «Вопросы философии» за 1964 г., № 4, стр. 61.

трудничества, без выработки общих черт их духовного облика и единых революционных традиций.

Наша многонациональная страна—это единая гигантская стройка, в которой социалистическая республика, национальная область и округ принимают активное участие.

Они коллективными усилиями возводят величественное здание коммунизма. Именно в совместном труде складываются общие черты характера строителей коммунизма, формируются их единые привычки и традиции.

На основе складывающихся коммунистических общественных отношений у строителей коммунизма возникают новые чувства, эмоции, настроения, привычки, которые составляют общественную психологию. Психология людей, их чувства, настроения, привычки приспосабливаются к новым экономическим отношениям и на их основе развиваются, видоизменяются, наполняются новым содержанием. Стержнем социалистической психологии является воспитание у людей коммунистического отношения к общественной собственности, как основе основ нашего общества.

Под влиянием роста общественного производства происходят дальнейшие изменения в экономических отношениях, которые, в свою очередь, приводят к соответствующим изменениям в общественной психологии. Всякая данная ступень развития производительных сил, подчеркивал Г. В. Плеханов, необходимо определяет структуру всего общества. «А раз дана структура общества, нетрудно понять, что ее характер отразится вообще на всей психологии людей, на всех их привычках, нравах, чувствах, взглядах, стремлениях и идеалах. Привычки, взгляды, нравы, стремления и идеалы необходимо должны приспособиться к образу жизни людей, к их способу добывания себе пропитания... Психология общества всегда соответствует ей, всегда определяется ею»¹. И это верно. Общественная психология всегда оказывала и теперь оказывает огромное воздействие на социальные чувства и настроения трудящихся масс, целых классов и наций. Если бы общественная психология, привычки, нравы людей не соответствовали экономическим отношениям, то они мешали бы общественному прогрессу. В. И. Ленин указывал, что с развитием капитализма, с появлением крупного

¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 664.

машинного производства возникла материальная и психологическая база борьбы пролетариата за социализм.

В период перехода к коммунизму формируются психологические предпосылки новых общественных отношений. Марксистско-ленинская идеология оказывает громадное воздействие на психологию, на выработку единых черт духовного облика и революционных традиций социалистических наций. Ведущая роль в этом принадлежит многонациональному советскому рабочему классу. Его национальные отряды созданы за годы Советской власти. Они прошли большую школу интернационального воспитания, проникнуты духом беззаветной любви и преданности к социалистической отчизне, духом советского патриотизма и нерасторжимого братства народов.

Создавая самое справедливое общество, общество высокой идейности и нравственной чистоты, рабочий класс утверждает самые гуманные, подлинно братские отношения между нациями. В рабочем классе, его мыслях, чувствах, поступках, в его труде, образе жизни воплощаются прогрессивные национальные традиции всех народов.

Рабочий класс прошел большую школу фабрично-заводского труда, школу революционной борьбы за свободу всех народов. Ему чужды консерватизм, косность, национальная ограниченность.

В ходе коренных преобразований экономики и старых общественных отношений в нем закрепились такие черты характера, как революционный размах, большевистская деловитость, революционный оптимизм и гуманизм. По своей природе, социально-политическим целям и устремлениям рабочий класс своеобразно аккумулирует все ценное, что имеется в традициях, морали и культуре всех народов. Его черты характера близки и понятны трудящимся всех наций. В силу этого рабочему классу принадлежит ведущее место не только в руководстве хозяйством, в преобразовании общественных отношений, но и в воспитании новой морали, выработке общих черт духовного облика людей всех национальностей.

Положение В. И. Ленина о том, что рабочий класс способен развернуть огромную силу, которая неизмеримо больше, чем доля в населении, полностью относится к национальным взаимоотношениям и сохраняет свою силу на весь период перехода к коммунизму.

Коренные изменения, происшедшие в положении рабочего класса, привели к росту его организаторских способностей, изменению его психологии, выработке коммунистических черт характера и традиций, ставших достоянием всех социалистических наций. У рабочего класса всех социалистических наций сформировались новые качества характера и психологии—чувство хозяина страны, новое социалистическое отношение к труду. Для него труд стал делом чести, доблести и геройства. В его чувствах ведущее место занимает оптимизм, радостное восприятие перспектив коммунистического строительства. Он проникнут благородным стремлением по отношению к трудящимся всех наций, исполнен благородным чувством интернационального долга к своим инонациональным братьям.

В трудовых буднях советских людей, прежде всего в коллективах коммунистического труда, формируются единые черты духовного облика, единые революционные традиции представителей всех наций.

Не случайно, что именно зачинатели движения за коммунистический труд, рабочие депо Москва-Сортировочная, где в 1919 г. зародились первые субботники, взяв на себя обязательства трудиться по-коммунистически, вместе с тем, по- существу, сформулировали основные требования морального кодекса строителя коммунизма. В своей стенгазете они писали: «Представим себе, что наша мечта осуществилась и завтра мы вступаем в коммунизм. Это значит: не отказываться ни от какой работы, выгодна она или невыгодна, тяжела или легка, браться за нее с охотой, относиться к труду, как к потребности и радости. Добиваться высокой производительности труда — вот наш девиз. Во всяком деле проявлять смекалку. Один за всех — все за одного. Свои знания и опыт не держать в кубышке, а делить на всех. Видишь, сосед отстает, — помоги. Сам не можешь сделать — не гордись, обратись к товарищу. Отработал—не теряй время зря. Тебя ждут школа, техникум, институт. Есть свободная минута—бери в руки книгу. Учись так, чтобы принести еще больше пользы своему народу. Заботься о своей культуре. Покончить со сквернословием, грубостью, выпивками. Никогда не проходить мимо фактов хулиганства, пьянства, бескультурья. Обидели на твоих глазах человека— и ты виноват. Уважать старость на улице, в семье, быть вежливым, при-

ветливым, тактичным. Нарушил эти правила—не место тебе в бригаде коммунистического труда»¹.

Этот моральный кодекс написан кадровыми рабочими, прошедшими большую школу жизни, проникнутыми огромной заботой о своих товарищах, о процветании Родины. Перефразируя известные слова К. Маркса о душевной красоте рабочих, можно сказать, что сквозь призму морального кодекса рабочих мы ощущаем всю красоту человечества.

В дружной и многонациональной семье советских людей рождаются и утверждаются коммунистические черты характера. У подавляющего большинства их давно исчезло чувство национальной неприязни, развилось чувство братства и дружбы. Советский человек, в какой бы республике он ни работал, чувствует себя равноправным членом данного коллектива, ему близки и дороги интересы всех республик, составляющих великое содружество равноправных наций. Он с большим уважением относится к прогрессивным национальным традициям всех народов. Эти общие черты духовного облика советских людей одновременно характеризуют их новую общественную психологию и новые моральные нормы.

Объективный процесс духовного сближения советских социалистических наций находит свое яркое выражение в социалистическом соревновании между предприятиями, колхозами, совхозами и научными учреждениями национальных республик, которые все более становятся многонациональными.

Широко развернулось социалистическое соревнование между республиками и областями Северного Кавказа. Каждая автономная республика имеет своих «впереди идущих», своих знаменосцев коммунистического труда.

В многонациональных коллективах всякие добрые начинания носят интернациональный характер. Трудовая инициатива этих коллективов—не только средство мобилизации тружеников на выполнение производственных заданий, но и средство воспитания новой морали и психологии.

Чеченка Марет Шахсаитова призывает всех телятниц республики добиться килограммового суточного привеса телят², до-

¹ Цитирую по стенгазете «Первый субботник» от 28 ноября 1958 г. (Орган парткома депо Москва-Сортировочная, Московско-Рязанской ж. д.).

² Текущий архив Чечено-Ингушского обкома КПСС, 1960 г. материалы бюро ОК (за апрель месяц).

ярки В. С. Авилова и Л. Барахоева, русская и ингушка, призывают своих товарищей вступить в соревнование за получение пудовых суточных надоев молока от каждой коровы¹, и сотни других патриотов самоотверженным трудом добиваются высоких показателей.

В 1963—1964 гг. в Северной Осетии был широко известен благородный почин молодых свердловщиц автоматного-механического цеха ОЗАТЭ² Лидии Сахно и Валентины Балановской. Девушки обратились ко всем рабочим промышленных предприятий с предложением развернуть движение за пересмотр устаревших норм выработки на отдельных операциях, за повышение производительности труда на каждом рабочем месте. Их начинание нашло отклик в сердцах тысяч рабочих СО АССР, людей различных национальностей, но объединенных единими производственными заботами³.

Охватывая широкие слои трудящихся нашей страны, социалистическое соревнование повсюду выступает как форма развития сознательного творчества масс, проявления их талантов, способностей. В то же время социалистическое соревнование становится формой интернационального воспитания трудящихся. Оно сближает между собою народы-братья, укрепляет узы их дружбы.

Соревнование связывает, например, Кабардино-Балкарию с ее соседями, Северной Осетией и Адыгейской автономной областью Краснодарского края⁴, Карачаево-Черкесию с Адыгеей. Чечено-Ингушская АССР соревнуется и дружит с трудящимися Херсонской области Украинской ССР⁵. Соревнуются между собой труженики сельского хозяйства Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Дагестана⁶.

Договорными обязательствами о социалистическом соревновании связаны между собой нефтяники Грозного (ЧИ АССР) и Дрогобыча (Украинская ССР), отдельные города, сельскохозяйственные районы, колхозы. Так, один из передовых районов

¹ Там же, материалы бюро ОК за июнь 1960 г.

² Орджоникидзевский завод авто-тракторного электрооборудования.

³ Текущий архив Северо-Осетинского обкома КПСС за 1963 г. материалы VIII пленума ОК от 5.VII-63 г.

⁴ Партархив Кабардино-Балкарского обкома КПСС, ф. 1, оп. 74, д. 1, л. 59.

⁵ Партархив Чечено-Ингушского обкома КПСС, ф. 1, оп. 10, ед. хр. 15, л. 234.

⁶ Там же, ф. 1, оп. 10, ед. хр. 2, л. 34.

Кабардино-Балкарии —Чегемский район—соревновался с Семилукским районом Воронежской области, Терский— с Кировским районом Северной Осетии, а Зольский— с Буйнакским районом Дагестанской АССР¹. Узы дружбы сблизили сельхозартель им. Н. К. Крупской Усть-Лабинского района Краснодарского края и прославленный в стране Аргуданский колхоз им В. И. Ленина Кабардино-Балкарии, которым руководит Герой Социалистического Труда депутат Верховного Совета СССР К. К. Тарчоков. С 1962 г. аргуданцы соревнуются и с известным украинским колхозом имени XXII съезда КПСС Винницкой области².

Не нужно перечислять все примеры, их — великое множество. Какую бы конкретную форму ни приобретало соревнование, оно прежде всего является средством повышения трудовой активности масс, вливается в дружбу между соревнующимися. Люди предпочитают заочным связям личные контакты, поездки друг к другу на правах делегатов или гостей.

Здесь прежде всего следует выделить такую форму межнациональных связей, как непосредственная производственная помощь одних республик другим или организованный набор рабочих на ударные стройки страны, обмен кадрами или помощь техникой. Со времени освоения целинных земель в Казахстане из краев, автономных республик и областей Северного Кавказа, как и из других уголков нашей страны, ежегодно тысячи молодых патриотов, юношей и девушек, студентов и рабочих, направлялись туда, где развернулся огромный фронт борьбы за урожай. Подобные ежегодные поездки—это не только воспитание чувства гражданского долга, патриотизма, не только выработка у молодежи прочного понимания общенародных задач, поставленных партией, это также многочисленные и разнообразные личные контакты молодых людей советской многонациональной семьи.

В сближении советских народов огромное значение приобрели направление молодежи по комсомольским путевкам на ударные стройки страны. Недаром эти стройки превращались в средоточие молодых энтузиастов из многих союзных и автономных республик.

¹ Царта́рхив Кабардино-Балкарского обкома КПСС, ф. 1, оп. 74, д. 1, л. 59.

² К. К. Тарчоков. «Карусель» в нашем колхозе». Нальчик, 1963 г. стр. 20.

Такие крупные промышленные центры, возникшие в 50-х — начале 60-х годов, как Братск, Ангарск, Назарово, Дивногорск и др. в Сибири, Сумгаит в Азербайджане, Рустави в Грузии, Ангрен, Алмалык и Беговат в Узбекистане, Невинномыск на Ставрополье, Тырныауз в Кабардино-Балкарии, Урупский медно-обогатительный комбинат в Карачаево-Черкесии, многие другие промышленные районы Чечено-Ингушетии и Дагестана, создавались совместными усилиями многих братских народов Советского Союза.

Юноши и девушки автономных республик Северного Кавказа горячо откликнулись на призыв партии оказать всестороннюю помощь новостройкам коммунизма. В 1958 году более 1000 молодых патриотов Северной Осетии выехало на стройки Сибири, Дальнего Востока, на сооружение шахт в Донбассе.¹ В следующем, 1959 году обком комсомола СО АССР по своим путевкам направил более 300 юношей и девушек на строительство Соколовско-Сарбайского горнообогатительного комбината и на постоянную работу в совхозы Казахстана². Это один из типичных примеров, характерных для всех автономных республик Северного Кавказа. Героические трудовые будни крупных промышленных центров, желание работать в больших рабочих коллективах привлекают молодежь не только в Сибирь или Дальний Восток, но и на крупные стройки Северного Кавказа. Так, например, в последние годы многие молодые ингуши и чеченцы переехали трудиться в Садонские рудники Северной Осетии и на Тырныаузский комбинат Кабардино-Балкарии, на крупные промышленные стройки Карачаево-Черкесии, Ставропольского и Краснодарского краев.

Интернациональному сближению молодежи способствует система распределения специалистов, окончивших высшие и средние специальные учебные заведения. Государственный университет Кабардино-Балкарской АССР готовит кадры по пятнадцати специальностям, среди них — учителя школ, агрономы, инженеры-строители и инженеры механики, зоотехники, инженеры по механизации процессов сельскохозяйственного производства и многие другие. Выпускники университета работают в школах и на промышленных предприятиях Ставрополья и Краснодарского края, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии, Карачаево-Черкес-

¹ Партархив Северо-Осетинского обкома КПСС, ф. 1, оп. 31, д. 25, л. 62.

² См. там же, ф.1, оп. 33, д. 1, л. 44.

ской и Адыгейской автономных областей, Дагестанской АССР, Приморского, Алтайского и Краснодарского краев, Свердловской, Челябинской, Читинской, Кемеровской, Новосибирской областей¹.

Среди студентов Грозненского нефтяного института—юноши и девушки более чем 30 национальностей; большими группами в институте представлены коренные народы Дагестана и Кабардино-Балкарии.² Многие из них получают направление на работу в Сибирь, Закавказье, на нефтяные разработки и нефтеперерагонные заводы Поволжья и т. д. В Армении и Грузии, в Азербайджане и на Украине, в Ленинграде и Москве можно встретить выпускников Северо-Осетинского медицинского института, и в числе их—осетины, кабардинцы, аварцы, даргинцы, адыгейцы и другие представители кавказских народов.

С другой стороны, кадры научных работников, кадры специалистов для многих отраслей хозяйства и культуры автономных республик Северного Кавказа готовят для себя и в учебных заведениях вне республик. В Московском университете и ленинградских вузах, среди студенчества Ростова-на-Дону, Новочеркасска, Еревана, Тбилиси и Баку мы можем встретить чеченцев, осетин, карачаевцев, даргинцев и других представителей северокавказской многонациональной семьи.

С новым идейным багажом, обогащенные новыми представлениями, привычками, традициями возвращаются на Северный Кавказ бывшие студенты и аспиранты. И многие из них не теряют уже дружеских связей со своими коллегами по учебе и работе.

Эти связи сохраняются в различных формах повышения квалификации работников народного хозяйства, культуры, науки и т. д., которые стали неотъемлемой частью нашей действительности. Здесь—и научные командировки, и обмен опытом, и встречи делегатов, и курсы повышения квалификации, и многие другие формы контактов. И все эти формы способствуют сближению людей разных национальностей на всю жизнь.

Одной из массовых и распространенных форм связей между представителями разных наций, стали массовые форумы труженников: республиканские съезды, слеты, совещания передови-

¹ Текущий архив Кабардино-Балкарского обкома КПСС за 1961 г. материалы XXVII партконференции.

² Партархив Чечено-Ингушского обкома КПСС, ф. 1, оп. 10, ед. хр. 4, л. 236.

ков производства, научные конференции, декады национальных культур и т. д.

Эти формы массово-политической работы имеют глубокие корни в народе и выражают демократизм широких слоев населения, их концентрированную волю стать действительными хозяевами жизни и властелинами своей судьбы.

Хорошей традицией последних лет стало приглашение на те или иные торжества в республику гостей из других республик и областей. Так, первый съезд ударников коммунистического труда Кабардино-Балкарии приветствовали делегации Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, Карачаево-Черкесской и Адыгейской автономных областей, Северо-Осетинской АССР. Традиционным стало и то, что встречи хозяев с делегациями от соседних и дальних районов не ограничиваются присутствием последних на торжественной части съезда или официальных приемах. Хозяева оказывают гостям знаки известного кавказского гостеприимства, стремятся показать делегатам то, чем может гордиться республика или область, организуют встречи с производственными коллективами. Все это рождает не только дружеские связи между трудящимися разных уголков Северного Кавказа, но и повышенный добрый интерес одних народов к другим, к их традициям и нравам, к их культуре и истории и т. д., формируя и питая то прочное чувство глубокого уважения к большим и малым народам, без которого немыслимо социалистическое сближение наций.

В этом проявляется одна сторона интернационалистической и воспитательной сущности рассматриваемых форм массовых производственных связей людей труда.

На съездах, слетах, активах и т. п. между людьми, связанными едиными производственными интересами, устанавливаются еще более тесные связи, они еще ближе узнают друг друга.

Одним из важных факторов сближения народов является рост многонациональности трудовых коллективов национальных республик и областей. Это усиливает процесс интернационализации хозяйственно-политической, идеологической и культурной жизни социалистических наций. Все это оказывает сильное влияние на мировоззрение людей, расширяет их социальный кругозор и общественные интересы. Члены многонациональных коллективов самой жизнью приучаются заботиться друг о друге, и у них формируется чувство интернационального уважения к культуре и традициям других народов. «Только в коллективе,— от-

мечали К. Маркс и Ф. Энгельс, — индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода».¹

В многонациональных коллективах быстро распространяется двуязычие и расширяются возможности общения с людьми иной национальности, познание и усвоение их культуры и традиций. Объективный процесс духовного сближения советских наций находит свое выражение и в семейно-бытовых отношениях людей, в частности, в росте числа межнациональных браков, создания семей из представителей различных национальностей. По подсчетам Б. А. Мартыненко² во всех союзных республиках из года в год растет число межнациональных браков: в г. Грозном в 1940 г. составило 18%, а в 1962 г. этот процент поднялся до 20,8%; в 1948 году в г. Нальчике из общего числа зарегистрированных браков смешанные браки составили 20,4%, а в 1962 г. — 25,5%; если в 1930 г. в г. Орджоникидзе межнациональные браки составляли 11%, то в 1962 г. этот процент поднялся до 24,8%.

Вступление в межнациональный брак является показателем действительного освобождения людей от националистических пережитков. Напомним, что по законам Российской империи вступление в брак православных с иноверцами считалось уголовным преступлением. Религиозные обычаи и традиции многих народов развивали у людей национальную неприязнь и исключали межнациональные браки. В условиях социалистического строительства коренным образом изменилось отношение к национальным обычаям и традициям. Показательно, что еще в 1937 г. среди городского населения Узбекской ССР из 13.147 браков, заключенных узбеками, около 4% составили браки узбеков с женщинами другой национальности, а в 1939 г. — уже 12% узбеков-мужчин вступили в брак с женщинами других наций, в 1959 г. в городах Ташкенте и Самарканде межнациональных браков было более 20%³. В 1962 г. в гг. Душамбе и Ленинабаде межнациональные браки по отношению к общему количеству браков составили 30%; в 1964 г. в центральном районе

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. III, стр. 75.

² Братское сотрудничество народов Северного Кавказа в строительстве коммунизма, Пятигорск, 1966 г.

³ Данные взяты из материалов Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам социалистического интернационализма, вып. 2, 1968 г., стр. 88.

г. Душамбе Таджикской ССР было зарегистрировано 933 брака, из них 343 межнациональных, т. е. около 35%¹. Если в горных селениях Дагестана до революции обычаи запрещали брать невест даже из соседних аулов, то теперь там можно нередко встретить межнациональные браки.

Приведенные данные свидетельствуют о разрушении былой национальной замкнутости. Межнациональные браки имеют большое прогрессивное значение в духовном сближении социалистических наций и народностей. Смешанные браки по своей природе интернациональны. В духовной жизни таких семей переплетается национальное и интернациональное, что в конечном счете выражает утверждение интернациональных черт. Такие браки вносят много нового в быт. Такие семьи положительно влияют как на духовную, так и на материальную культуру, на домашнюю обстановку, характер внутреннего убранства, одежду и т. д.

Интернационализация быта протекает медленнее, чем в сфере производительных сил и культур. Это объясняется относительной самостоятельностью быта. Но по мере технического прогресса и в этой области осуществляется выравнивание уровня потребления важнейших видов бытовых предметов. Образно говоря, уровень культуры интернационального быта достигает такого совершенства, когда представители различных наций охотнее открывают друг другу двери своего быта, обогащенного культурно-бытовым опытом за счет других народов, что также способствует сближению наций.

В смешанных семьях воспитывается уважение к национальным традициям других народов. Однако нельзя забывать, что еще существуют национальные различия и специфические особенности наций, и эти различия должны учитываться как в быту, так и в общественной жизни. Это особенно относится к сфере духовной жизни, ибо здесь больше всего существуют языковые, бытовые и другие барьеры.

В процессе коммунистического строительства все больше вырабатываются общие духовные черты и традиции, характерные для всех социалистических наций и народностей СССР. Такие всемерно-исторические события, как празднование Великой Октябрьской социалистической революции, 1-го Мая, дня рождения Владимира Ильича Ленина, 8-го Марта, установление

¹ Материалы всесоюзной конференции по теоретическим вопросам социалистического интернационализма, вып. 2, 1968.

Советской власти в братских республиках, юбилейные даты выдающихся деятелей науки и культуры всех народов, новые советские праздники стали традиционными, общественными. Эти праздники национальны, поскольку они вошли в плоть и кровь каждой социалистической нации, в основу ее духовного облика. Они стали одновременно и интернациональными и неотделимы от духовной жизни всех социалистических наций.

В советском обществе традициями стало не только то, что сложилось в прошлом, но и то, что возникает в процессе строительства социализма и коммунизма. Новые советские традиции не являются механической совокупностью национальных традиций. Новыми интернациональными становятся лишь такие национальные традиции, которые прошли испытание временем и вошли в повседневный быт других народов, в которых отражаются нормы общечеловеческой справедливости. Характерной особенностью становления новых интернациональных традиций является то, что национальные традиции приобретают новое содержание, новое звучание. Между национальными и интернациональными традициями, — пишет Н. С. Сарсенбаев, — существует органическое, неразрывное единство. Интернациональные традиции не возникают на чистом месте, они формируются из лучших достижений национальных традиций рабочего класса различных наций. Гимн парижского пролетариата стал интернациональным гимном международного пролетариата, революционный праздник международной солидарности американского рабочего класса со временем стал интернациональной традицией трудящихся всех стран, памятная дата Великой Октябрьской революции стала революционным праздником не только русского рабочего класса, но и всего международного пролетариата.¹ Нечто аналогичное происходит и с бытовыми традициями народов.

Под национальными традициями подразумевается сложный комплекс исторически повторяющихся элементов общественных отношений, обычаев, психологических черт, характерных для определенной нации. Традиции входят в качестве составной части в психический склад нации. Главной сферой формирования новых советских традиций, как уже отмечалось, является трудовая жизнь народных масс.

¹ Материалы Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам социалистического интернационализма, вып. 4, М., 1968 г. стр. 120—122.

Существуют патриотические традиции, складывавшиеся в борьбе трудящихся за свободу и независимость. Партия поддерживает и пропагандирует такие прогрессивные традиции. Наряду с этим имеются и передовые национально-культурные семейно-бытовые, спортивные и другие традиции.

Одной из замечательных традиций является соревнование коллективов промышленных предприятий, колхозов и совхозов в честь съездов и пленумов партии, встреча трудовыми подарками Октябрьского и Первомайского праздников. Традиционным стало празднование дней шахтера, нефтяника, строителя, железнодорожника, хлебороба, хлопкороба, животновода, космонавта, учителя и т. д.

На этих праздниках демонстрируются достижения колхозов, широко пропагандируется опыт передовых, организуется культурный отдых и развлечения. Эти праздники обычно сопровождаются песнями и плясками. Народ берет из сокровищницы своего национального искусства все, что отвечает требованиям жизни. В Белоруссии, например, на праздниках хлебороба используют песни и пляски «доженки». В прошлом на «доженках» жнецы связывали последний сноп, женщины плели из колосьев венки на голову, затем все вместе возвращались с песнями и плясками в деревню, где их встречали с хлебом и солью. В этих песнях и плясках участвовали молодежь и старшие.

Шефская помощь города деревне породила много новых традиций, в том числе праздник «Серпа и Молота». Газета «Правда» писала об этой традиции: «Ежегодно во второе воскресенье января в городах, на предприятиях и стройках, в колхозах Донецкой области проводятся встречи трудящихся города с тружениками сел. Многочисленные делегации приезжают друг к другу, подводят итоги минувшего и обсуждают планы настоящего года.»¹ Праздник «Серпа и Молота» получил широкое распространение в нашей стране и стал традиционным. Подобных примеров многое множество.

Наша эпоха отличается необычайно бурным развитием традиций. Возникает много новых традиций, творчески используются старые. В честь успешного освоения космоса установлен День космонавта. Это — праздник в честь нашей науки и техники, ученых и рабочих, отважных космонавтов, открывших эру освоения космоса.

¹ «Правда» от 15 января 1962 г.

Как революционные традиции прошлого, так и новые, рожденные самой жизнью, играют большую роль в интернациональном воспитании трудящихся, в выработке общих черт духовного облика наций.

В Программе КПСС подчеркивается: «Поддерживая прогрессивные традиции каждого народа, делая их достоянием всех советских людей, партия будет всемерно развивать новые, единые для всех наций революционные традиции строителей коммунизма»¹.

Партия исходит из того положения, что национальные традиции, обычаи, нравы у каждого народа специфичны и так или иначе влияют на формирование норм поведения людей.

Коммунистическое воспитание трудящихся происходит в конкретных условиях жизни многонационального советского народа, в обстановке возрастающего сотрудничества и сближения наций во всех сферах жизни. Поэтому естественно возникает необходимость правильно определить свое отношение к национальным традициям. У каждого народа имеются не только прогрессивные, но и реакционные традиции, связанные с жизнью отживших классов. Если передовые национальные традиции способствуют воспитанию нового человека, то отсталые традиции, напротив, держат людей в плену старых обычаев и нравов, тормозят наше победоносное движение к коммунизму.

Жизнь требует выявлять и поддерживать новые традиции, общие черты, которые складываются во взаимоотношениях социалистических наций в ходе коммунистического строительства. Еще ни одна историческая эпоха не создавала столько замечательных традиций, сколько создает эпоха коммунистического строительства.

Здесь действует новая закономерность. В отличие от прошлых эпох, когда национальные традиции, национальное сознание и национальный облик складывались стихийно, под влиянием господствующих классов и церкви, в период строительства коммунизма они формируются сознательно, под руководством Коммунистической партии, строго учитывающей в своей деятельности объективные законы развития наций.

Коммунистические общественные отношения, возникающие в процессе перерастания социализма в коммунизм, определяют собой как характер и направление развития межнациональных

¹ Программа КПСС, материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 407.

отношений, так и становление единых традиций, общих черт духовного облика социалистических наций.

Коммунистическая мораль не отвергает простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались. Коммунизм делает их нерушимыми жизненными правилами как в отношении между лицами, так и в отношениях между народами¹. Нет ни одного народа, в прогрессивных традициях, обычаях, нравах и привычках которого не содержались бы простые нормы нравственности и справедливости, выработанные веками. Коммунистическая мораль вбирает в себя эти простые общечеловеческие моральные нормы. Процесс унаследования моральных норм прошлого, как и традиций, имеет свою специфику. Здесь следует учесть устойчивый характер национальных традиций и обычаев и относительную их самостоятельность. Но как бы ни сложен был этот процесс, нельзя фетишизировать национальные традиции.

Вместе с развитием общества, с социально-экономическими преобразованиями содержание традиций, обычаев меняется. Одни традиции меняются в связи с изменениями хозяйственной деятельности, другие— в связи с изменениями в быту, третьи— в связи с установлением новых межнациональных отношений и т. д.

Подлинно национальными традициями являются те, которые объединяют, роднят сплавляют народы. Наша эпоха в этом отношении отличается тем, что происходит своего рода испытание национальных традиций, проверка, насколько они способны обеспечить основную линию развития наций—линию сближения и сплочения. В этих условиях происходит отмирание старых, реакционных традиций и обычаев, особенно церковных обрядов, и возникновение новых, прогрессивных национальных традиций, которые обогащают жизнь народов, делают людей жизнерадостными украшают их быт, выковывают их характер, способствуют взаимообогащению национальных культур.

В прошлом темп истории, особенно у отсталых народов, был чрезвычайно медленным. Жизнь народных масс протекала сравнительно долгое время почти в одних и тех же социальных условиях. Крайняя забитость масс превращала их в слепое ору-

¹ Программа КПСС, материалы XXII съезда КПСС, М., Госполитиздат, 1961, стр. 411.

дие старых традиций. В этих условиях прежде всего бросалось в глаза то, что отличало один народ от другого. Историки прошлого в большинстве случаев видели в национальных традициях, нравах и обычаях прежде всего то, что отличало одну национальную культуру от другой. При таком подходе к национальной специфике господствовал старый предрассудок, будто бы специфику национальных традиций следует искать в чем-то чисто национальном, за пределами которого, якобы, они теряют всякий смысл.

Но подлинно национальное—интернационально. История народов, их культуры показывает, что прогрессивные национальные традиции содержат в себе не только национальное, но и общечеловеческое и интернациональное, то, что роднит и сближает народы.

В своей национальной политике наша партия всегда строго учитывала это обстоятельство, поддерживала и поддерживает в национальной специфике культуры и традиций то, что сближает народы, помогает им освободиться от вредных традиций и обычаев прошлого.

Если обратить внимание на характер подхода к этим вопросам в 20-х годах и теперь, то можно заметить, казалось бы, не очень большое отличие. Тогда партия акцентировала внимание главным образом на учете национально-особенного в культуре, традициях, быту и нравах. В условиях же перехода к коммунизму партия призывает при учете национальных особенностей особое внимание обратить на сближение наций, на то общее в их духовном облике, которое выработано практикой коммунистического строительства. Такая гибкость в политике учета национальных особенностей объясняется, во-первых, тем, что социализм, который только выходит из недр капитализма, несет на себе «родимые пятна» старого мира, народные массы пока еще находятся в плену старых традиций и обычаев, поэтому только через их терпеливый учет можно было привлечь массы к формам социалистического общежития, постепенно избавить от влияния реакционных традиций. Во-вторых, в ходе выравнивания общей линии экономического, политического и культурного развития народов влияние национальных особенностей на ход исторического развития все более уступает место более общим интернациональным традициям, обычаям, нравам.

Из сказанного вытекает, что на формирование единых черт духовного облика социалистических наций оказывают влияние

Разные факторы: экономические, социально-политические, культурно-идеологические, морально-этические, исторические, межнациональные, психологические, бытовые и другие.

Эти факторы лежат и в основе формирования единого советского характера строителей коммунизма. Изменения в духовном облике советских людей, в их характере являются конкретным выражением происходящих перемен в духовном облике и в конечном счете и в психическом складе социалистических наций. Новый, советский характер строителей коммунизма выступает как синтез интернационального и национального, как воплощение общих социалистических черт духовного облика наций, возникших на незыблемой основе их экономической и политической жизни, единства их интересов и целей, идейных взглядов и убеждений.

Советский характер и национален, так как он впитывает в себя лучшие, прогрессивные черты национальной психологии каждого народа, его лучшие народные обычаи и традиции.

Он национален и потому, что вошел в плоть и кровь каждой социалистической нации.

Как в новом, советском характере, так и в новом духовном облике социалистических наций имеются общие, интернациональные и особые, национальные качества (свойства), которые находятся в диалектической связи и взаимодействии.

Общее обогащается национальным своеобразием, последнее только в общем получает глубокое социальное звучание и в силу этого приобретает огромную жизненную силу. В этом также проявляется диалектика общего и особенного духовной жизни наций. Партия учитывает все это в своей деятельности, подчеркивая, что использование национального колорита в искусстве вполне естественно.

В этом колорите все большее и большее место занимают именно общие для всех советских народов духовные ценности. Эти общие черты входят в сокровищницу духовной культуры всего человечества.

Как указывалось ранее, каждое новое поколение людей воспитывается в определенной социальной среде и, как говорится, с молоком матери усваивает новые традиции, привычки, нормы поведения, усваивает культурные традиции под углом зрения мировоззрения своего класса. Деятельность каждого поколения отражается в произведениях литературы и искусства. В результате воспитания и всего общественного развития старшее

поколение передает новому поколению определенные привычки, чувства, эмоции, переживания, черты характера. Новое поколение воспринимает от старого все это не механически, а критически. И здесь действует диалектический закон преемственности, закон диалектического отрицания. Развитие духовной культуры многонационального советского народа в условиях перехода к коммунизму также подчинено этому диалектическому закону, где возникновение нового и отмирание старого основывается на отбрасывании старого, отжившего и, вместе с тем, на удержании положительного и обогащении его.

Так как духовная жизнь нации проявляется во многих сферах жизни—в производственной и общественной деятельности людей, в межнациональных отношениях, в специфических особенностях национальной культуры, в чувствах, эмоциях, привычках людей, а также в их быту и традициях, — необходимо поэтому дифференцированно подходить к решению проблемы формирования единого духовного облика коммунистического общества, так как в каждой указанной области закон преемственности и отрицания имеет свои особенности. Эта тема требует особого исследования. Но несомненно, что единый духовный облик социалистических наций формируется прежде всего в сфере производственной и общественной деятельности. Поэтому главной сферой выработки новых чувств и привычек, обычаев и традиций людей, безотносительно к их национальному происхождению, является производство, коммунистический труд, создание материально-технической базы коммунизма. Результаты трудовой деятельности людей сказываются в их психологии, морали и идеологии.

Таким образом, здесь рассмотрена роль психологических факторов в межнациональных отношениях. В. И. Ленин придавал им исключительно важное значение. Он разработал научные основы учета психологического фактора в управлении национальными отношениями: соблюдение известного такта к чувствам ранее угнетенных наций, учет того, что эти чувства легко ранимы, умение идти на известные уступки, воспитание доброжелательности и уважения к национальным традициям и ценностям, умение отличать прогрессивные национальные чувства, способствующие сближению и сплочению наций, от отсталых и реакционных, разъединяющих и противопоставляющих народы друг другу и т. д.

В. И. Ленин дал образец диалектического решения вопроса

о необходимости, с одной стороны, учитывать, что «разные нации идут одинаковой исторической дорогой, но в высшей степени разнообразными зигзагами»¹, с другой стороны. — бороться «...против мелконациональной узости, замкнутости, обособленности, за учет целого и всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего»².

Партия в практике межнациональных отношений оберегает здоровые национальные чувства, национальные обычаи и традиции, но вместе с тем борется с проявлениями буржуазного национализма. Недооценка того общего, что присуще всем народам нашей страны, может породить настроения национальной ограниченности. С другой стороны забвение того, что реально существует национально-специфическое, может породить недооценку национальных моментов в коммунистическом строительстве. Формы и методы учета психологических моментов в национальных отношениях, основанные на принципах марксизма-ленинизма, имеют не местное, а международное значение и являются крупным завоеванием теории и практики национального вопроса.

Психологические факторы социалистических национальных отношений формируются не в процессе обособления наций друг от друга, не в ходе утверждения господства и подчинения, их взаимной вражды, как это имеет место при капитализме, а в ходе сотрудничества наций в строительстве социализма и коммунизма. В этих условиях в чувствах, настроениях, привычках и традициях социалистических наций утверждается взаимное доверие, дружба, советский патриотизм и интернационализм. Общность коренных интересов социалистических наций порождает в их психическом складе, в духовной культуре общие, всем им присущие интернациональные черты. Но у каждой социалистической нации и народности эти общие, интернациональные черты выступают самобытно, национально. Общее в психическом складе не существует вне особенного, так же как интернациональное не существует без национального. На этой основе формируется единый советский характер строителей коммунизма, являющийся синтезом интернационального и национального.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 184.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 45.

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ГОРСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КAVKAZA

*(Опыт изучения прикладных проблем
социальной психологии посредством обобщения
дореволюционной этнографической литературы
и архивных материалов)*

Социалистический строй осуществляет коренной переворот не только в материальной, но и в духовной жизни общества, в том числе и в духовной жизни наций и народностей: в их национальном самосознании, национальной культуре, национальной психологии. Это бесспорное для нас положение, доказанное грандиозным социальным опытом нашей страны и подтверждающееся повседневной практикой советских людей, оспаривается буржуазными социологами и психологами, проповедующими врожденность и неизменность национального характера, а следовательно, и невозможность преобразования его в соответствии с идеалами коммунизма.

В этой связи изучение тех сдвигов, которые произошли в национальной, этнической психологии народов на основе социализма, имеет не только большой научный интерес, но и принципиальное идеологическое значение.

Понятно, что для определения сдвигов надо установить исходное состояние любого явления или процесса, в том числе и процесса эволюции национальной психологии, установить ее характер и черты, свойственные для досоциалистических общественно-экономических формаций. Этим объясняется постановка данной темы.

Рассмотрение тех или иных качеств национального характера применительно к народам Северного Кавказа не означает, что они присущи только им. Таких качеств не бывает. Поэтому, когда мы говорим, например, о трудолюбии, свобододо-

любии, гостеприимстве и т. д., то имеем в виду, что это вообще свойственно всем народам, но в данном случае речь идет о народах Северного Кавказа.

Материалом для исследования, поскольку оно планировалось как конкретно-социологическая обработка первичной информации, послужили дореволюционная этнографическая литература и архивные документы. Конечно, всю имеющуюся этнографическую литературу и архивные материалы того периода мы привести не могли. Такая цель и не ставилась. В задачу статьи входило наметить некоторые общие дореволюционные черты горской этнической психологии. В этих пределах использованный материал нам представляется достаточным.

Поскольку этническая психология отражает социально-историческую практику народа во всех сферах его жизни и деятельности, рассматриваемые черты в наиболее общем виде сгруппированы в экономические, социальные и нравственные. Возможно, такое разделение не специфично для этнической психологии и в значительной мере условно, но по степени обобщения нам представляется правильным и целесообразным.

1. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ГОРЦЕВ

Все изученные нами дореволюционные источники свидетельствуют о трудолюбии горцев как о ярко выраженной черте их национального характера.

Об этом неоднократно сообщал в служебной переписке, например, начальник Терской области Коханов*, долгое время находившийся на этом посту и хорошо знавший горские обычаи и нравы. В своём докладе правительству он отмечал: «...все туземцы* трудолюбивы и сами обрабатывают свои поля. Туземцы настолько хорошие работники, что их везде берут предпочтительно на работу»¹.

* Мнение Коханова, как и других администраторов и военно-политических деятелей дореволюционного Кавказа, мы приводим в тех пределах, в которых оно может рассматриваться как один из источников конкретной информации по интересующему нас вопросу. Надо сказать, что за вычетом классово-ограниченности и шовинистической предубежденности, эти лица оставили весьма интересные и тонкие наблюдения о горском национальном характере.

* Руководствуясь общепринятыми правилами цитирования, мы не меняем дореволюционной терминологии, хотя воспринимаем дореволюционные термины критически.

¹ ЦГВИА, ф. 330, св. 2542, д. 72, ч. I, л. 2.

Мнение Коханова о трудолюбии горцев разделял и начальник Главного управления казачьих войск Щербов-Нефедович, в ведомстве которого находился отдел по делам горцев. Будучи хорошо осведомленным, он писал, что все горцы трудолюбивы от природы и «...при благоприятных условиях могут сделаться хорошими работниками»¹.

Трудолюбие горцев связывалось с условиями их жизни и труда. Так, Фридрих Ратцель, сравнивая этнические особенности всех народов мира, указывал, что «на Кавказе трудолюбие увеличивается вместе с высотой»². Несомненно, что здесь он подчеркивал тяжелые условия труда в высокогорной местности и связанную с этим необходимость приложения повышенных трудовых усилий для производства необходимого минимума жизненных средств.

Конкретно это показал В. М. Сысоев на примере высокогорного Карачая, где горцы за неимением пахотуодобных земель вынуждены были прилагать к своим крохотным земельным участкам огромный труд по предварительной очистке их от скальной породы, камней и т. п. «Кажется, во всем старом Карачае, — писал он, — не найдется клочка земли, хотя бы в 1/8 десятины, который был бы пригоден для земледелия без предварительной очистки его от камней. Каждое поле, даже каждый луг в Карачае обнесен стеной из камней. Почти все стенки такого рода сложены из тех самых камней, которые карачаевцы уже в течение нескольких поколений собирали именно с этого поля или луга. Иногда среди поля или луга поднимаются целые курганы из таких камней. Только благодаря упорному труду в течение нескольких поколений удалось карачаевцам очистить кое-где небольшие участки, сделать их пригодными для земледелия. Клочки пахотной земли можно иной раз встретить где-нибудь в диком ущелье или на террасе какой-нибудь высокой горы: карачаевец не ленится отыскать и возделывать такой кусочек земли»³.

Это требовало проявления не только большого трудолюбия, но и высоких хозяйственных способностей у горцев, предприимчивости и изобретательности. Достаточно сказать, что для

¹ ЦГВИА, ф. 330, св. 2542, д. 72, ч. I, л. 83.

² Ф. Ратцель. Народоведение. С-Петербург, 1903, стр. 793.

³ В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. СМОМПК, вып. 43, Тифлис, 1913, стр. 89—90.

улучшенного возделывания и, в частности, для орошения тех самых клочков земли, о которых говорит В. М. Сысоев, карачаевцы соорудили весьма сложную и искусную в инженерном отношении высокогорную оросительную систему, позволявшую перебрасывать воду на плоскости любого уклона и высоты. Характеризуя эту систему, начальник Эльбрусского округа Н. Петрусевич писал: «Все эти земли сильно уваживаются и орошаются целой системой водопроводных каналов, проведенных часто за 7 и 8 верст, и, конечно, работы эти и на плоскости, по ровным местам, заслуживали бы внимание, а в Карачае тем более, потому что каналы проходят часто по скалам, через которые вода передается целой системой полутруб...»¹. По этому же поводу, отмечая инженерные способности горцев, комиссия по исследованию землепользования карачаевцев, так называемая «Абрамовская» комиссия, указывала: «Горцы — опытные инженеры... Воду они перебрасывают на какую угодно высоту. На сооружение, а главное, на ремонт каналов, который проводится в году несколько раз, населением тратится масса труда и времени»².

Такого рода свидетельств о трудолюбии и хозяйственных способностях горцев, как и других народов, приводилось немало. Общий вывод, вытекающий из них, заключается в том, что трудолюбие являлось одной из ярких, хотя и недостаточно развитых черт горского национального характера.

Качественное преобразование и высокое развитие горское трудолюбие получило лишь на основе социализма, ликвидировавшего не только примитивизм патриархального хозяйственного быта горцев, но и классовый антагонизм и ограниченность капиталистического труда и вместе с ними неразвитость и ограниченность досоциалистических социально-этнических типов отношения к труду. На этой основе оно обогатилось новым функциональным содержанием, воплотившись в сплошную техническую вооруженность, гармоническую социальную орга-

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 144, л. 1.

² «Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования карачаевского народа Кубанской области с приложением проектов о земельных правах, о направлении поземельных споров и о размежевании земель и землеустройства жителей нагорной полосы с пояснительной запиской и указанным проектом». Владикавказ, 1908, стр. 20.

низованность и высокую идейную одухотворенность социалистического труда.

Дореволюционные источники отмечают также предприимчивость горцев как одну из экономических черт их этнической психологии. Эта черта как психологическое выражение активного отношения горских народов к экономически целесообразным и перспективным мероприятиям, отмечалась с давних времен. Например, Ф. Ратцель, ссылаясь на древние источники, писал о кавказских горцах, что «они не чуждались торговли...умели сами обрабатывать железо. В металлических работах они превосходили некогда всех своих соседей, и сырой материал для них доставлялся из рудников Кавказа»¹.

Предприимчивые и изобретательные предки современных горских народностей Северного Кавказа умело изготавливали из выплавливаемых ими металлов и их сплавов весьма прочные и совершенные по тем временам орудия производства: сошник, топор, серп, тесла, оружие — кинжалы, ножи, наконечники для копий и стрел, — различные украшения и предметы домашнего обихода. Все это в значительном количестве шло и на обмен.

Предприимчивость горцев в довольно высокой степени проявлялась и в земледелии. Так, по свидетельству русских военных и политических обозревателей начала XIX века, закубанские черкесы успешно возделывали пшеницу, рожь, ячмень, овес, просо, колбу, табак, занимались садоводством и виноградарством, лесоводством, пушным промыслом, охотой и рыболовством, разводили скот: крупнорогатый, лошадей, буйволов, овец, коз, — а также занимались горным делом, добывая железо, медь, свинец, серебро, вели соляной промысел².

С ранних времен предприимчивость горцев была обращена и к торговле. Еще древние источники свидетельствуют о том, что население северокавказских гор вело оживленную торговлю предметами земледелия и животноводства с греками, с Боспорским царством. Интенсивный обмен происходил через горные перевалы. В частности, одним из главных торговых путей из греческих городов на Черноморском побережье был Клухорский перевал, соединявший Закавказье с верховья-

¹ Ф. Ратцель. Народоведение, стр. 794.

² ЦГВИА, ф. 414, д. 300, л. 76.

ми Кубани и Теберды. В более поздний период бойкая торговля велась через морские порты с Турцией, Персией и Крымским ханством.

Надо сказать, что торговля с этими странами развивала реакционную направленность предпринимательства горцев. В связи с тем, что Турция вела с Северным Кавказом большую торговлю рабами, эта черта постепенно и все более и более порывала у наиболее воинственных народностей, и главным образом у верхних социальных слоев, свою связь с трудом и сосредоточивалась на работорговле, на охоте за людьми, как за дорогостоящим и наиболее выгодным товаром. Народные предания и письменные источники, относящиеся к периоду турецкого господства на Северном Кавказе, изобилуют свидетельствами о продаже в рабство горскими князьями и феодалами крепостных в обмен на роскошное оружие, шелк, парчу, различные украшения и безделушки, поступавшие с турецких берегов, о том, как устраивали они со своими дружинами непрерывные набеги на соседние племена с целью угона или похищения людей и продажи их в рабство.

О размерах этой работорговли впоследствии сообщало русское военное командование, составившее проект закона «О контрабанде и ее прекращении». В нем говорилось: «Порты Анатолии от Батума до Анапы имеют с давних времен торговые связи с восточными берегами Черного моря. Торговля рабами, самая выгоднейшая, обратила все капиталы анатолийского купечества. Без сомнения, прекращение оной нанесло большой урон сему купечеству, и долго еще оно не решится обратить капиталы на другой предмет и завести другие связи. Торговля с восточными берегами снабжала всю Турецкую империю: невольниками Трапезондские медные рудники, рекрутами мамелюкское войско и женами восточные гаремы. Чем более берут мер для прекращения сей торговли, тем более с увеличением риска увеличиваются и барыши; дошло до того, что турецкие контрабандисты сознают, что если из 10 судов они потеряют 9, то последнее окупит всю потерю»¹.

Вызванная работорговлей охота за людьми на Северном Кавказе превращалась в промысел. Являясь выражением экономических интересов горской знати и ее заморских по-

¹ ГАКК, ф. 260, д. 10, л. 1—2.

кровителей, она культивировалась в этническом сознании воинственных горцев как выражение доблести и предприимчивости.

В результате присоединения горских народов к России был положен решительный и бесповоротный конец работорговле на Кавказе, и тем самым был очищен горской предприимчивости путь к ее естественному и первородному источнику — к производству и обмену, хотя колониальное положение горских народов сильно ограничивало их участие в развивающихся экономических процессах России.

Тем не менее, предприимчивость горцев после вовлечения Северного Кавказа в общероссийский экономический рынок все больше находила свое естественное воплощение в труде, товарном производстве, в приобщении к новым, экономически перспективным и прогрессивным занятиям. Этому объективно способствовало проникновение на Северный Кавказ русского и вместе с ним западно-европейского капитала, который вкладывался в разработку природных богатств, в освоение сельскохозяйственных угодий, в проведение железных и шоссейных дорог и т. д. Достаточно сказать, что только на майкопской нефти в предреволюционные годы функционировало 21 российское и иностранное акционерное общество.

Все это в небывалых для Северного Кавказа масштабах оживляло экономическую жизнь, активизировало производство и обмен и в целом прогрессивно воздействовало на этническое сознание горцев, вызывая у них стремление, подобно российским и иностранным предпринимателям, к производству, к коммерции, к накоплению богатств.

Предприимчивость горцев при этом была направлена главным образом на производство и сбыт имеющегося у них скота и первичного сельскохозяйственного сырья в обмен на предметы первой необходимости: корм скоту, соль, хлеб, домашнюю утварь, ручные и редко механизированные орудия труда и т. п. — а также на приобщение к мелкой свободной торговле. Эта односторонность и ограниченность была связана с тем, что, во-первых, их коммерческие дела не выдерживали конкуренции крупных промышленных и торговых фирм, аграрных хозяйств, кредитуемых крупнейшими финансовыми учреждениями России, и, во-вторых, колониальная политика царизма, особенно на местах, чинила всяческие явные и скрытые препятствия разви-

тию местного, национального капитала. И все же природная изворотливость горцев, их предприимчивость и деловитость помогли вести весьма успешно коммерческие дела, проникать в промышленность, торговлю. Так, группа чеченских торговопредпринимателей в своей жалобе правительству на крайне стеснительные для них политические и административные действия Терского областного начальства сообщала, что несмотря на все препятствия и запреты, чеченские предприниматели имеют крупные достижения в хозяйственном развитии: в торговле, в горном промысле, в скотоводстве и полеводстве, в хлебопашестве и виноградарстве. Лучшие торговые предприятия Грозного, сообщали они, принадлежат чеченцам, и они поддерживают коммерческие связи с крупнейшими торговыми фирмами или их представителями центра России и западно-европейских стран. «И если чеченский народ, — отмечалось в жалобе, — несмотря на все свое стремление к мирному труду, до настоящего времени не достиг известного культурного развития, то причина этого заключается не в косности, а препятствиях извне. Местная администрация принимает по отношению к нам целый ряд мер, которые убивают в нас всякую энергию к честному труду, к проявлению личной инициативы»¹.

Этот и подобные ему примеры свидетельствуют о том, что если объективно проникновение российского капитализма в горные районы Северного Кавказа способствовало развитию в этническом сознании горцев их предприимчивости и хозяйственной инициативы, то субъективно, т. е. политически и административно, оно, наоборот, препятствовало ему. Так, ни одно из вполне справедливых и аргументированных требований в жалобе чеченских предпринимателей не было правительством удовлетворено.

Тем не менее, в тех сферах экономической деятельности, которые составляли традиционную хозяйственную занятость горцев, они проявляли высокую трудовую активность и предприимчивость. Такие скотоводческие народности Северного Кавказа, как карачаевцы, балкарцы и другие, осуществляли крупный товарооборот в продаже скота и животноводческого сырья. В. М. Сысоев отмечает, что «обилие скота дает карачаевцам

¹ ЦГВИА ф. 330. св. 2542, д. 72, ч. I, приложение, лл. 2—3.

возможность продавать на сторону много кож, шерсти, сала и голов самого скота. Ежегодно довольно большие партии скота перегоняются из Карачая в Кутаисскую губернию, за главный хребет, в Баталпашинск, в Пятигорск, Кисловодск и на ярмарки в соседних станицах»¹.

В трудах «Абрамовской» комиссии приводятся конкретные данные о продаже скота и сырья карачаевскими скотоводами. В них указывалось, что «...скотоводство и коневодство в Карачае имеет огромное хозяйственное значение, так как идет в продажу в Терскую область, Тифлисскую и Кутаисскую губернии, куда сбывают карачаевцы свой скот и знаменитых карачаевских барашек целыми стадами, а большинство казачьих полков Кубанского войска снабжается прекрасными строевыми лошадьми»². Далее указывается, что карачаевцы ежегодно продают около 10 тысяч лошадей, около 40 тыс. голов крупного рогатого скота, около 108 тыс. овец на сумму 2940660 руб., 25 тыс. пудов овечьей шерсти на 250 тыс. руб., 6600 пудов масла на 66 тыс. руб., кож и овчин на 50709 руб., а всего продукции на 3307569 руб.³.

Это еще одно свидетельство высокой предприимчивости горских народов Северного Кавказа. Она вырабатывалась в тяжелой нужде, в крайне стесненных социальных условиях и вызывалась необходимостью обеспечить свое существование. Острая нужда в земле, в выпасах, в зимнем корме для скота обращала всю полученную от продажи скота прибыль на приобретение кормов, на аренду выпасных земель и покосных участков, захваченных казной, казачьей верхушкой и горской знатью. Н. Иваненков по этому поводу писал: «В голодные на корм годы, в годы нужды, с карачаевцев в соседних станицах за корм просто дерут, как говорится, кожу. Например, был случай, когда за скирду соломы взято 300 руб., тогда как солому, обык-

¹ В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении, стр. 87.

² Труды «Абрамовской» комиссии, стр. 29.

³ Там же. Чтобы представить себе размеры этой торговли укажем, что примерно в это же время вся Терская область продавала: лошадей 16 тыс. голов, крупного рогатого скота 49 тыс. голов, мелкого рогатого скота 175 тыс. голов и всего на сумму 2,5 млн. руб. См. «Культура и быт народов Северного Кавказа». Изд. «Наука», М., 1968 г., стр. 14.

новенно, жгут на токах, как никому ненужный навоз»¹. В переводе на скот эта сумма означает, что за указанную солому отдавалось 60 овец.

В этих условиях содержание скота и поддержание собственного существования представляло для горцев невероятную трудность. От скотовода требовалось проявление незаурядных хозяйственных способностей, немалой выдержки, изворотливости и деловитости, чтобы обеспечить сохранение и размножение скота, прибыльность скотоводческого хозяйства.

Но это не всем удавалось. Многие горцы в условиях капиталистической концентрации сельскохозяйственного производства не могли вести свое собственное хозяйство и уступали его зажиточным скотоводам, с которыми делили прибыль от своей доли на правах пайщиков по так называемому ортачному праву. Неслучайно поэтому «Абрамовская» комиссия отмечала, что 40% карачаевских дворов не имело овец, 20% — не имело лошадей, 3% — не имело крупного рогатого скота². С точки зрения социальных последствий, это означало глубокое проникновение в горскую жизнь капиталистических аграрных отношений и расслоение горского общества на аграрные классы. На одном полюсе скотоводческого общества создавался класс крупных скотопромышленников, получавших возможность приобретать и крупные участки земли, на другом — создавался класс сельскохозяйственных пролетариев, вынужденный идти к ним в услужение, батрачество. Это классовое расслоение оказывало воздействие и на горское этническое сознание, углубив и расширив его социальную противоречивость и внедрив новые этнопсихологические установки, новую социальную ориентацию.

Подлинное развитие хозяйственные способности горцев получили только в период социализма, ликвидировавшего колониальный гнет и национальную дискриминацию народов, прославившего человека труда и создавшего все необходимые условия для проявления и развития всех его лучших наклонностей. Социалистический способ производства на мощной технико-экономической базе государственного и колхозно-кооперативного хозяйства открыл широкий простор для обогащения и дальнейшего развития традиций народов, для всестороннего

¹ Н. Иваненков. Карачаевцы. Известия общества любителей изучения Кубанской области. Выпуск V, Екатеринодар, 1912, стр. 64.

² Труды «Абрамовской» комиссии, стр. 29.

проявления и роста деловых качеств людей в интересах общества.

Дореволюционные авторы отмечали также изобретательность, выработанную у горцев с давних пор как отражение в этническом сознании необходимости приспособления к окружающей среде и улучшения производственных и бытовых условий жизни.

В связи с тем, что основой производственной жизни горцев было сельское хозяйство и, главным образом, скотоводство, изобретательность естественным и необходимым образом находила свое воплощение в этой сфере производства. В целом она выражалась в системе навыков и приемов ведения сельского хозяйства применительно к данным конкретным условиям и в соответствии с трудовыми традициями народа, придающими данной черте чисто этнический характер. Конкретно же она наиболее ярко проявлялась в некоторых относительно выдающихся изобретениях горцев, выражаясь как в качественном содержании этих изобретений, так и в их широком распространении и признании другими народами.

К таковым изобретениям дореволюционные источники относят, например, выведение путем длительного и направленного отбора так называемой кабардинской породы лошадей. Эта порода выводилась в результате скрещивания степных лошадей с восточными верховыми породами (арабской, карабахской) и последующего отбора потомства в нужном направлении.

В связи с тем, что горцы занимались отгонным скотоводством, ценились и отбирались такие качества, которые отличали бы новую лошадь легкостью и выносливостью при передвижении по горным дорогам. «Велась известная племенная работа с породой; лошадей наиболее ценных табунов таврили; осуществлялся подбор производителей, были выведены мужские линии»¹. В итоге была выведена новая ценная порода лошадей с универсальными выючно-ездовыми качествами, получившая всеобщее признание и широкое распространение. Тем самым горские коневоды внесли существенный вклад в развитие коневодства, показав свои высокие селекционерские способности.

Другим аналогичным изобретением горцев дореволюционные авторы признают выведение карачаевскими овцеводами

¹ В. И. Калинин, А. А. Яковлев. Коневодство. Изд-во «Колос», М., 1966, стр. 667.

так называемой карачаевской породы овец. О том, что эта порода была выведена местными овцеводами путем сознательно-го, целенаправленного отбора, являющегося результатом длительного наблюдения за приобретением требуемых свойств, свидетельствует та особенность этой породы овец, которая отличает ее от других пород своей неприхотливостью, а также вкусовыми качествами мяса. Это объясняется тем, что карачаевская овца была выращена, во-первых, в суровых высокогорных и неразвитых зоотехнических условиях, требовавших выносливости и неприхотливости овец, во-вторых, в условиях исключительно богатого травостоя «альпийских» лугов, определявших высокое вкусовое качество мяса, в-третьих, — в условиях натурального или полунатурального хозяйства, рассчитанного на внутреннее потребление. Если, например, развитие промышленного производства и капитализма в Англии стимулировало бурное развитие и выведение главным образом шерстного овцеводства, то здесь количественные признаки и товарная ценность овцы еще не выдвинулись на передний план.

Эти признаки дали о себе знать гораздо позже, а именно в конце XIX и начале XX в., когда под влиянием российского капитализма товарное производство глубоко проникло в горские общества и требовало разведения экономически более эффективных и выгодных пород, а именно: пород, с большим выходом товарной шерсти и мяса. Неслучайно поэтому карачаевские овцеводы с этого времени стали тяготиться разведением своей местной породы и стремились к приобретению и культивированию улучшенных с точки зрения товарной ценности пород, пренебрегая вкусовыми качествами мяса карачаевской овцы, т. к. она давала меньше мяса и шерсти. Такая эволюция является результатом, в частности, отражения социальных условий жизни в этническом сознании горцев, в связи с чем рассматриваемая черта и относится к ряду экономических черт психологии горцев.

О высоких селекционных достоинствах карачаевской породы овец, свидетельствующих об изобретательности горских скотоводов, в дореволюционных источниках имеется немало сведений. «У карачаевцев выработалась также самостоятельная карачаевская порода овец, — писал В. М. Сысоев, — отличающаяся прекрасными качествами мяса; она быстро откармливается и имеет тонкую, вьющуюся, нежную шерсть. В Кисловодске и вообще на Минеральных Водах во время сезона шашлык из мо-

лодого карачаевского барашка составляет лучшее местное гастрономическое блюдо. Карачаевские молодые барашки действительно имеют особенно нежное и вкусное мясо»¹.

Высокие гастрономические и технические качества карачаевской породы овец отмечал ученый ветеринар А. А. Атманских. Он писал: «...карачаевская овца по росту и размерам своего тела небольшая, но благодаря очень вкусному мясу, прекрасному жиру в хвосте в довольно большом количестве, а также вследствие мягкой блестящей шерсти, она славится далеко за пределами Карачая»².

Он же отмечал признание достоинств карачаевской породы овец другими народами и распространение ее у соседних овецодов: «Карачай является рассадником своей местной овцы, так как все более и более распространяется она за пределами Карачая. Теперь в некоторых предгорных станицах, расположенных недалеко от Карачая, русская жирнохвостая овца вследствие метизации ее с карачаевской исчезает совсем; распространена карачаевская овца также и среди других горных местностей как в Кубанской, так и в Терской области. Предпочитается карачаевская овца перед другими породами за свою более мягкую шерсть и, кроме того, за вкусное мясо и тот жир, который в большом количестве получается от жирового запаса в хвосте, причем казачье население отзывается не только хорошо о вкусном мясе, но и сале, называя его «маслом» вследствие его прекрасного вкуса»³.

Изобретательность горских скотоводов ярко проявилась и в создании пищевых, молочных продуктов, в частности, кефира. Дореволюционные источники родиной кефира признают Карачай.

Первые сведения об этом сообщили: доктор Джогин, давший о кефире первоначальное извещение в Кавказском медицинском обществе в 1876 г., ессентукский врач П. М. Борисов, наблюдавший применение его горцами в лечебных целях и рекомендовавший больным как лечебный, диетический продукт, английский альпинист Граве бывший в горах Карачая в 70-х го-

¹ В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях, стр. 84.

² А. А. Атманских. Животноводство в Карачае Кубанской области, стр. 33.

³ Там же, стр. 51.

дах прошлого века и сделавший о нем сообщение, как о весьма ценном пищевом продукте и жароутоляющем напитке.

По этим и другим сведениям, из Москвы в Карачай в 1881 году была направлена научная экспедиция в составе профессоров Керна, Линдемана и доктора Дмитриева. Первое научное описание кефира в связи с этим сделал профессор Керн. Изучая микроприроду карачаевских кефирных зерен, он обнаружил, как известил, неизвестную до того времени бактерию, которую назвал «*Dispora Caucasica*». Эта бактерия и составила, якобы, основу карачаевского кефирного бродила.

Таким образом, родиной кефира, этого сейчас уже всемирно распространенного промышленно-пищевого продукта, является Северный Кавказ, и в частности, Карачай. Это зафиксировано в энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона и в Большой советской энциклопедии.

Изобретательность в горском этническом сознании проявилась в выработке определенных этнических форм духовной и материальной культуры, прикладного национального искусства. Кому не известны темпераментные горские танцы, такие, как лезгинка, кабардинка и др. с красочным и гармоничным рисунком танца, с оригинальной манерой исполнения на пальцах ног, изделия знаменитых кубачинских ювелиров и мастеров, изящные и удобные костюмы — черкесска, бурка и др., ставшие достоянием всех народов Кавказа. В них нашли выражение изобретательность и одухотворенность национально-го характера горцев.

Многие исследователи указывали, что народное искусство, национальные костюмы горских народов как нельзя правильно и лучше отражали их дух, условия жизни. Горские танцы, танцевальная музыка мастерски воспроизводили в искусстве воинственную жизнь горцев, их мужественные нравы. Черкесска и бурка будто специально были придуманы для того, чтобы слить горца в неразрывное единство с его воинственным бытом, приспособить его к походной жизни. Неслучайно этот костюм без каких-либо изменений был воспринят Кубанским и Терским казачьими войсками в качестве военного обмундирования, а самим казачеством — в качестве парадной одежды. Легкая, изящно и удобно скроенная черкесска, снабженная газырями-патронташами, а также поясом с многочисленными

подвесками для крепления холодного и огнестрельного оружия, являлась красивым и универсальным костюмом. Бурка же, эффектно оттенявшая воинственный облик горца, заменяла ему дом, одинаково как в походе, так и в скотоводческом хозяйстве.

Однако эти предметы горской изобретательности не могли стоять на одном уровне с выдающимися образцами мирового профессионального искусства и мастерства по той простой причине, что в силу социально-исторических условий горцы практически не имели своего профессионального искусства. Здесь тот же крестьянин и скотовод, обремененный заботами о поддержании своей нелегкой жизни и скудного хозяйства, на досуге, а не в силу профессиональных занятий, становился одновременно и творцом своей национальной культуры.

Высокому развитию творческих способностей горских трудящихся масс, разнообразному проявлению изобретательности в их национальном характере, расцвету их лучших задатков и наклонностей суждено было осуществиться только при социализме, открывшем широкий доступ народным массам к овладению всеми выдающимися творениями мировой культуры и цивилизации, приобщившем их к массовому процессу созидания, изобретательности и рационализаторства.

К числу экономических черт этнической психологии горских народов Северного Кавказа дореволюционные источники относили и чувство взаимопомощи вообще, трудовой взаимопомощи, в частности.

Эти чувства зарождались еще в недрах общинно-родового строя, когда в силу общественного характера производства и потребления с объективной необходимостью вырабатывались у всех народов мира, в том числе и у северокавказских горцев, чувства взаимной помощи и братского сотрудничества.

Братское сотрудничество надо понимать в буквальном смысле, ибо речь идет о сотрудничестве и взаимопомощи внутри родо-племенной организации общества, среди людей, объединенных узами кровного родства. Поэтому взаимопомощь и сотрудничество, обусловленные экономической необходимостью, скреплялись и системой социальной организации общества, в связи с чем к чувствам экономической целесообразности присоединялись и чувства родства, братских отношений в труде, в хозяйственной жизни. Отсюда и формирование их как одной из выс-

ших моральных ценностей, как нравственного закона, выражавшего жизненные интересы общества.

В рассматриваемое время эти чувства не утратили силы, и хотя в значительной степени подверглись классовой деформации, продолжали действовать как один из основных нравственных законов. Сила нравственного закона, принуждавшего людей к добровольному и неуклонному исполнению его предписаний, облегчала господствующим классам эксплуатацию этих эгнических чувств.

Горские землевладельцы, зажиточные люди под видом обращения к народным обычаям, к традиционной помощи, привлекали к труду в своих хозяйствах трудящихся горцев — родственников, соседей, аульчан, эксплуатировали их труд и извлекали из этого значительную выгоду, т. к. обычно такой труд не вознаграждался. Систематическая эксплуатация трудящихся под видом обычая, конечно, извращала народную традицию, деформировала чувства помощи и взаимопомощи и в своей классовой тенденции вела к их ослаблению, затуханию. Но этот процесс в дореволюционное время не был завершен и горские помощь и взаимопомощь сохраняли еще свою силу и широкую распространенность.

Среди дореволюционных наблюдателей и ученых известен своими описаниями горской взаимопомощи Г. Ф. Чурсин. Из всех многообразных форм взаимопомощи он выделяет «трудовую помощь среди родственников, соседей и односельчан».

Трудовая помощь, отмечал Г. Ф. Чурсин, у горских народов Северного Кавказа обычно применяется при возделывании земли, в период весенних или осенних пахотных работ. Группа родственников, соседей, товарищей собирает несколько пар быков и плугов и совместно пашет свои участки пахотной земли. Причем, в этой группе нет различных отношений к тем или иным ее членам по признаку личного вклада в совместный труд, например, признания преимущественных прав или привилегий от качества или количества тягловой силы, орудий труда, от физических способностей, производственных навыков и числа участников от отдельной семьи. Все члены такого добровольного временного производственного коллектива чувствуют себя равноправными, хотя и признают выделяющиеся заслуги тех или иных его членов. Однако для такого равноправия обязательным должен быть добросовестный труд всех участников. Каждый должен чувствовать себя обязанным вносить свой посильный

вклад в общее дело, хотя личная доля его труда по не зависящим от него причинам может быть и меньшей, чем трудовое участие других. Здесь важно не равенство в материальных долях, а равенство в сознательном отношении к труду, к своим обязанностям в коллективе. Только так обеспечивалось нормальное функционирование этой народной традиции.

Этот вид взаимопомощи, отмечал Г. Ф. Чурсин, широко распространен на Кавказе, особенно в плоскостных земледельческих поселениях, а также в других местах России.

Другим видом трудовой взаимопомощи была совместная уборка урожая, когда сжатые сроки снятия хлебов обуславливали интенсивность и масштабность труда. «У осетин, соседние дворы помогают друг другу в уборке хлеба и сена, причем нуждающийся в помощи созывает соседей и в вознаграждение за труд должен предложить им угощение. Помочи эти известны в Осетии под именем «зну»¹.

О взаимопомощи во время уборки урожая у горцев Северного Дагестана сообщал М. Амиров. Этот обычай у них известен под местным названием «вука». Хозяин, устраивающий «вуку», объявлял накануне об этом соседям и готовил угощение. Утром дня «вуки» приглашенные собирались к дому хозяина и по его указанию отправлялись в поле. При шуме, веселье молодежь, числом иногда до 100 человек, заканчивала полностью или в основном работу и обычно к полудню возвращалась в дом хозяина. Там ее ожидал пир «..при звуках зурны и стуке барабана. Пир продолжается до вечера, а вечером все расходятся по домам. Кроме угощения, хозяин не дает им ничего. Это и есть «вука»².

«Аварцы в Дагестане,—указывал Г. Ф. Чурсин,—прибегают к помощи соседей и родственников в целом ряде работ: таковы, например, уваживание полей, лущение и молотьба кукурузы, стрижка овец, мытье и расчесывание шерсти, обмазывание глиной сакли, набрасывание на их крыши земли и т. п. Такого рода трудовая помощь называется у аварцев «гой». Приглашенным на «гой» родственникам и соседям устраивалась обыкновенно более или менее роскошное угощение»³.

¹ Г. Ф. Чурсин. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, стр. 26.

² М. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана. Сб. сведений о кавказских горах. Выпуск VII, Тифлис, 1875, стр. 77.

³ Г. Ф. Чурсин. Очерки этнологии Кавказа, стр. 27.

Г. Ф. Чурсин указывал на разновидности горской взаимопомощи и у других народов. Таковы «марша» у лакхов, когда зажиточные хозяева приглашают во время летних полевых работ на 1-2 дня девушек и молодых женщин из числа родственниц или соседок для оработки в виде родственной или соседской помощи, или «булка» у кумыков, когда крестьяне в уборочную страду, не в силах справиться с полевыми работами сами, прибегают к коллективной помощи родственников и соседей.

Такого рода трудовая взаимопомощь имела место у всех горских народов. У адыгов она известна под названием «шихаху», у карачаевцев и балкарцев — под названием «мамнат», у абазин — «ацакрагара», у ногайцев — «талака» и т. д.

Взаимопомощь, как широкая этническая традиция, распространялась и на другие нужды горцев. Так, по свидетельству Чурсина, черкес, собираясь жениться, объявлял об этом как можно большему числу мужчин из числа родственников и соседей, и тогда каждый из них обязан был сделать ему подарок для покрытия обременительных свадебных расходов. То же самое в другой форме делали карачаевские женихи, которые за недостатком собственных средств для уплаты дорогого калыма объезжали родственников и собирали требуемое для этого количество голов скота или денег.

Осетины коллективными усилиями возводили дом для жениха или новобрачных. Чеченцы и ингуши делали приношения скотом, деньгами, а женщины мануфактурой в дом умершего родственника или соседа для покрытия расходов на дорого стоящие поминки. Одним словом, чувство взаимной помощи, в сильнейшей степени развитое у всех горских народов Северного Кавказа и имеющее прочную и единую нравственную установку, проявлялось внешне в разнообразных житейских формах, приходя на выручку всегда, когда требовалась коллективная помощь.

Следует отметить, что горские помощь и взаимопомощь и отражавшее их этническое чувство, с точки зрения социально-исторических условий возникновения и производственной формы не выходявшие за рамки хозяйственного быта патриархальной сельской общины, носили в известном смысле архаический характер. Однако это не принижало их нравственной ценности (как народной традиции) и экономической целесообразности.

Для их нравственной, а также экономической оценки важно

отметить не столько архаическую производственную форму, сколько саму по себе этнопсихологическую тенденцию, которая раз существует как традиция, как черта национального характера, может воплощаться и в других, более развитых производственных формах.

Такое воплощение горская взаимопомощь получила после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда социалистический способ производства, мобилизовавший на общее благо все материальные и духовные силы общества, в том числе и этническое богатство народов, возродил ее и возвысил на новой качественной основе, подняв на уровень социалистического сотрудничества, помощи и взаимопомощи людей в современных могучих производственных коллективах, социалистического соревнования, движения за коммунистическое отношение к труду.

Как одна из черт этнической психологии горских народов, касающихся их хозяйственного быта, отмечался трудовой энтузиазм, культура.

Это чувство находило свое выражение в торжественном ритуале праздников труда, которые являлись общественной формой прясвления трудового энтузиазма горцев и выступали как национальные праздники, приуроченные к началу или концу того или иного вида сельскохозяйственных работ и отмечаемые особенно торжественно и вдохновенно.

Такой праздник у горцев Северного Дагестана описал М. Амиров. «У горцев вообще, — отмечал он, — чествуются два праздника — великий байрам и курбан-байрам. Но самый торжественный из праздников нашего аула есть «андживах», празднуемый весной». Праздник «андживах» проводился в начале весенних пахотных работ и назывался праздником «первой борозды».

М. Амиров отмечает, что к этому празднику с радостным возбуждением заранее готовится весь народ. Утром праздничного дня все выходят на пашню. Самому трудолюбивому, хозяйственному и почетному землепашцу предоставляется право провести первую борозду. Как только его плуг врезается в землю и на поверхности пашни появляется черная полоса свежеспанной земли, скруга оглашается радостным и восторженным криком. Все следуют за почетным землепашцем, бросают в него комья земли, приветствуют, поздравляют друг друга, провозглашая здравицу труду и земле. Затем люди возвращаются в се-

ление и начинается пиршество. Каждая семья устраивает угощение. Организуется веселье: танцы, скачки, джигитовка и т. д.

К этому народному празднику приурочивается и важнейший торжественный акт — выбор аульных должностных лиц.

Праздник труда в описанном здесь виде является одной из форм массового выражения трудового энтузиазма, ибо процедура и атмосфера праздника свидетельствуют о том, что основным его назначением было непосредственное выражение всей массой празднующего народа этнопсихологического, эмоционального отношения к труду, вытекающего из традиционного трудолюбия горцев. На передний план здесь выступал чисто психологический момент, как эмоциональное выражение относительно свободного отношения к труду, проявляющегося в чувстве радости и вдохновения перед началом работ; предвещающих, хотя и в идеализированном виде, обильный урожай и достаток в каждый дом и семью. Именно это конкретное чувство вызывало общий подъем и энтузиазм, подготавливающие каждый раз психологическую почву праздника.

Однако это касается только тех случаев, когда в чистом виде выражались трудовая основа и народный характер праздника. В большинстве же случаев они, как и положено было тогда этому быть, оказывались под классовым влиянием и религиозным засильем.

Такие праздники уже в значительной степени отклонялись от своей трудовой основы, утрачивали народный характер, приобретали классовое содержание и религиозную идеологическую форму. Так, по свидетельству Г. Ф. Чурсина, в том же Дагестане у аварцев праздник «первой борозды» значительно отличался в этом смысле от того, который был описан М. Амировым.

Существенным отличием здесь являлось то, что почетное право проведения первой борозды принадлежало теперь не почетному землепашцу, а мулле, который и олицетворял превращение трудового праздника в религиозный культ. «В присутствии всего аула — отмечал Г. Ф. Чурсин, — мулла запрягает в плуг быков, одевается в шубу, вывернутую шерстью наружу, разбрасывает по земле горсть семян различных злаков, потом проводит плугом несколько борозд. Присутствующие хватают при этом комья вывернутой плугом земли и бросают в муллу со словами: «Дай бог пшеницы, как сыплется земля»¹.

¹ Г. Ф. Чурсин. Очерки этнологии Кавказа, стр. 52.

. Как видно, почетный землепашец здесь вытеснен муллою, а торжественные возгласы в честь труда и земли заменяются молитвой богу, что является признаком перехода этнического чувства в сферу религиозной идеологии, подчинения трудового праздника, скрепляющего духовное единство народа, классовым целям верхних социальных слоев горского общества. Под воздействием этих причин тускнеет и процедура праздника, ибо свободное проявление этнических чувств теперь сдерживается таинственно-настороженным ритуалом религиозного культа. Поэтому тут и не описывается тот всенародный подъем, энтузиазм и вдохновение, которые отмечал М. Амиров.

Религиозный культ труда в той или иной степени был присущ этническому сознанию всех горских народов. В одних случаях это чувство еще не освободилось полностью от остатков первобытной земледельческой магии, в других случаях, как в только что описанном, оно выступало в развитой религиозной форме.

Наличие признаков первобытной религии в отношении к труду объяснялось недостаточной развитостью экономической и духовной жизни горской сельской общины, не знавшей, по существу, ни развитых производительных сил, ни техники, ни промышленного производства, ни соответствующих им производственных отношений, а целиком ограниченной примитивным ручным сельскохозяйственным трудом и простейшими формами рыночных связей. Это объяснялось также низким уровнем образования, знаний, которые еще не в силах были вытеснить в этническом сознании трудящихся масс элементы архаического мировоззрения, культуры и религии. Поэтому трудовые праздники облекались в магическую форму первобытного религиозного культа, сопровождаясь различными жертвоприношениями божеству, взыванием к таинственной добродетели и заговором против злых духов.

Подробное исследование признаков религиозного земледельческого культа у горцев проводил Г. Ф. Чурсин. «Многочисленными обрядами, — отмечал он, — сопровождается начало осенней пахоты в Осетии, особенно в горной ее части. Перед началом пахоты каждая осетинская семья справляет так называемый «хары-бон», что значит «день хлеба»¹. По свидетельству

¹ Г. Ф. Чурсин. Очерки этнологии Кавказа, стр. 53.

Г. Ф. Чурсина, торжественный ритуал этого трудового праздника заключается в том, что землепашцы, будучи убежденными в магической силе божества земли, приносили ему в жертву скот и посвящали различные угощения, испрашивая при этом урожай для будущего года. Обожествляя человеческий труд, ко дню праздника они выпекали из теста человеческие фигурки, воплощая человеческий труд в хлебе, в изобилии. Старший в семье после соответствующей молитвы разбрасывал хлебные зерна и спрашивал у членов семьи: «Чего вы просите у бога?» Те подбирали эти зерна и дружно отвечали: «Хлеба, хлеба!»

В подобной ритуальной форме проводились праздники начала жатвы и завершения сельскохозяйственных работ. «Черкесы, — отмечал Г. Ф. Чурсин, — устраивали этот праздник в первый день после уборки хлеба. Праздник открывался особой молитвой, называвшейся «тхашхо-гухаш», что значит прибегать к великому богу. В этой молитве благодарили бога за прошедшее лето, за сотворение хлеба и плодов земных и проч. Затем начинался пир»¹.

Ингуши, по свидетельству Г. Ф. Чурсина, с окончанием летних сельскохозяйственных работ устраивали «марс-корр», т. е. жатвенный ужин для умерших родственников. На стол подавалось обильное угощение, которое в особой молитве посвящалось усопшим родственникам. Причем труд живых отождествлялся с трудом мертвых. В молитве говорилось: «Дай бог, чтобы благочестивые умершие так же хорошо окончили свою работу, как окончили свою мы»².

К религиозному культу труда примыкали и другие культовые обряды, связанные с земледельческим бытом горцев. Это—всевозможные обряды обращения к божествам о ниспослении плодородия почвы, дождя, об избавлении от паразитов, грызунов и т. д. У черкесов, по свидетельству того же Г. Ф. Чурсина, имелось особое божество, которое распоряжалось дождями. Это так называемая «Психогуащэ», т. е. дева вод. К ней и обращались с соответствующими молитвами, причем это сопровождалось тем, что молодые люди обливали друг друга

¹ Г. Ф. Чурсин. Очерки этнологии Кавказа, стр. 55.

² Там же, стр. 56.

водой. Раньше, принося в жертву Псыхогуаше людей, топили в реке человека.

Темиргоевцы, вызывая дождь, одевали в женское платье деревянную лопату и бросали ее в реку. Это чучело называлось «Ханцэгуашэ», т. е. лопата-княгиня. Девушки толпою в 50 человек брали ее на плечи и разносили по аулу со словами: «Ведем княгиню-лопату и просим дождя». Затем направлялись к реке и вместе с лопатой бросались в воду купаться¹.

Такого рода культы, облеченные в различные этнические формы, исповедовали все горские народы Северного Кавказа. Карачаевцы и балкарцы, например, вызывая, подобно черкесам, дождь, купали в воде осла и приносили в жертву скот.

Следовательно, горскому национальному характеру, воспитываемому прогрессивными традициями трудящихся масс, был присущ трудовой энтузиазм, выражавшийся как в производстве массовых сельскохозяйственных работ, так и в народных праздниках труда.

Однако по причине сохранения в общественном сознании горцев пережитков духовной жизни патриархального общества, а именно: остатков первобытной религии — трудовой энтузиазм во многих случаях выступал и в форме религиозного культа. Это обстоятельство облегчало дальнейшее завладевание трудовыми праздниками развитой религией, выражающей классовые интересы господствующих слоев общества, замыкания трудового энтузиазма народа в рамки эксплуататорского труда. Но трудящиеся горцы стойко оберегали трудовую основу и этнический, народный характер своих праздников от классового и религиозного засилия.

Это засилье решительным и коренным образом было снято только в условиях социализма, когда свободный труд на благо общества, одухотворенный идеалами социализма и коммунизма, вызвал подлинный трудовой энтузиазм народа, превратил его усилия на стройках социализма и коммунизма в истинные праздники труда.

Таким образом, трудящиеся горцы до Великой Октябрьской социалистической революции, несмотря на ограниченные социальным и колониальным гнетом условия материальной и духовной жизни, благодаря определенным народным традициям и нравственным принципам выработали ряд прогрессивных

¹ Г. Ф. Чурсин. Очерки этнологии Кавказа, стр. 59.

экономических черт этнической психологии. Главные и наиболее общие из них — трудолюбие, предприимчивость, изобретательность, трудовой энтузиазм, взаимопомощь и др.

Иные черты характеризовали психологию и нравы эксплуататорских классов горского общества, в частности, нарождающегося класса аграрной буржуазии. К ним относились различные проявления капиталистического частнопредпринимательского духа, психологии индивидуализма и эгоизма, буржуазный аморализм.

Противоположность традиционных черт национального характера горцев, народных обычаев и нравов психологии и нравственности нарождавшегося класса горской аграрной буржуазии ярко и образно отображена в путевых заметках группы русских путешественников, следовавших летом 1891 года из Сванетии через Главный Кавказский хребет в Баксан и Карачай. Проявляя к этому документу большой этнопсихологический интерес, мы считаем целесообразным и уместным здесь его кратко воспроизвести, чтобы наглядно показать отличие традиционных горских нравов от нравственных установок эксплуататорских классов.

Авторы путевых заметок пишут, что в долине Уллу-Кам (на территории нынешнего Карачаевского района КЧАО — К. Ч.) они встретили горца-скотовода, который настойчиво предлагал посетить его кош, пастушье жилище в горах. «Я чту обычаи моих отцов, — говорил он, — Мне будет стыдно перед людьми и моей совестью, если вы минуете мой дом. Я желаю принять вас как гостей»¹

Путники посетили его дом и были удовлетворены оказанным им гостеприимством. Через некоторое время они распрощались с щедрым и бескорыстным хозяином и под впечатлением высокого образца человеческого радушия продолжали свой путь.

К вечеру они достигли аула Хурзук и стали искать ночлега. Но здесь они столкнулись с прямо противоположным отношением к себе и к народному закону гостеприимства. В ауле они обратились к такому лицу, который оказался олицетворением новых порядков и взглядов и живым выразителем тех социальных сдвигов, которые характеризовались властным

¹ Здесь и далее по этому эпизоду: СМОМПК, выпуск XIV, Тифлис, 1892. стр. 95—102.

продвижением буржуазного образа жизни и духа в горскую среду. «Ища ночлега в Хуруке, — пишут авторы путевых заметок, — мы забрели к местному кулаку. Он уже говорит по-русски ломаным языком, в выражениях его много наглости и нахальства. За ночлег в его пыльном русском доме он запросил с нас 5 рублей, за самовар — 1 рубль, за постели — 50 коп.».

Путешественники были поражены прямо противоположным оборотом событий, выразившим явное попрание народного обычая гостеприимства. В связи с этим они делятся своими наблюдениями о резких социальных контрастах в современной им жизни горского общества, в котором, с одной стороны, еще сильны устои патриархальной старины, а с другой стороны, нарождается и распространяется дух буржуазного индивидуализма и эгоизма. «Горское общество, — отмечают они, — уже раскололось на два враждебных лагеря: в одном — приверженцы старого домостроя, в другом — «новаки», тяготеющие к тому течению, которое как язва проникло и у нас на святой Руси в деревни, разлагая своей заразой все лучшее, что оставила нам старина, — «новаки», словом, напоминают наших деревенских пиявок-кулаков».

Далее они дают характеристику экономического и нравственного образа жизни нового социального типа горских людей, представляющую большой этнопсихологический интерес: «Новак» оставил пастушество, обратил большую половину своего имущества в капитал и живет на проценты с него. Эти люди помешаны на богатстве: жажда наживы легким путем гложет их, и они не брезгают средствами для обогащения. Они уже познали искусство надувательства, хищения, запускания рук в карманы ближнего и проч. Но самое главное, что они познали, это — искусство пролезать в должности. С помощью подкупов и ухищрений разного рода они сумели-таки занять общественные должности, изловчаться и стойко держаться на своем посту. В способах наживы эти общественные воры изобретательны до виртуозности. Взятничество свило себе прочное гнездо здесь, под ледниками».

Характерен и внешний облик горских кулаков, отражающий их внутренний мир, новые взгляды и убеждения: «Карачаевский кулак постепенно меняет и наружную оболочку, рвет связь с прошлым, и злорадно топчет свое национальное. Из костюма он пока завел только русские базарные рубахи, рус-

ские сапоги и штаны на выпуск. С черкеской и лохматой шапкой пока не решается еще расстаться, но скоро, вероятно, бросит и это платье и нарядится в пиджак и картуз из подражания во всем русским кулакам, с которыми он сводит дружбу на ярмарках, в казачьих станицах и в своих похождениях вообще по торговым и иным делам».

Такова была характеристика нравственного облика эксплуататорских классов, в частности, нарождавшегося в горском обществе класса аграрной буржуазии, в отличие от традиционных взглядов горских трудящихся масс.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ГОРЦЕВ

Под социальными чертами этнической психологии горских народов Северного Кавказа мы подразумеваем обусловленные соответствующими социально-психологическими установками чувства и нравы трудящихся горцев, этнический характер которых определяется специфическими условиями их жизни и борьбы за социальное и национальное освобождение.

Содержание и характер этих черт в рассматриваемый нами период определялись, с одной стороны, внутренним общинным устройством, с другой—внешним колониальным положением этнической жизни горских народов. Поэтому они характеризовались, вообще говоря, ограниченным социальным и обостренным национальным чувством.

Внутреннее общинное устройство и патриархальный хозяйственный быт этнической жизни горцев в известной степени консервировали идеалы патриархального равенства и свободы от централизованной власти. Внешнее колониальное положение, усугублявшее и внутренний социальный гнет, было направлено на подавление этих идеалов, на утверждение классового и национального неравенства, углубление политической зависимости трудящихся масс от власти эксплуататорских классов, укрощение свободолюбивых нравов горцев. Однако, подверженные такому воздействию, идеалы свободы и равенства не только не затухали, а все больше обострялись в глубинах этнического сознания горских народов, являясь выражением социального протеста масс против эксплуатации и угнетения.

Неслучайно многие дореволюционные авторы отмечали у горцев обостренные чувства равенства, справедливости, не зависимости, свободолюбия.

Чувства свободолюбия, равенства и независимости в своеобразной манере отмечал, например, Терский областной начальник Коханов. Характеризуя горский национальный характер с этой стороны, он писал: «Все туземцы свободолюбивы и не признают каких-либо авторитетов, за исключением относящихся к религии. Все они считают себя равными друг другу, и ни один туземец не согласится признать себя в чем-либо ниже другого¹». П. Гаврилов в одном только названии чеченец усматривал символ воинствующего свободолюбия и независимости: «Кому не знакомо название чеченец, и кто не слышал бесчисленных рассказов о дикой свободе этих обитателей Кавказа!»². Свободолюбие горцев отмечал и М. Амиров: «Ни одно чувство у горца,—писал он,—не развито так сильно, как любовь к свободе»³.

Известный на Северном Кавказе декабрист А. И. Якубович отмечал свободолюбие как высшую страсть у карачаевцев и абазин. «Карачаевцы,—писал он,—народ свободный, храбрый, трудолюбивый, отличные стрелки из ружей. Самая природа своими красотами и ужасами возвышает дух сих горцев, внушает любовь к славе, презрение к жизни и порождает благороднейшие страсти, теперь омрачаемые невежеством магометанства и кровавыми обычаями». Об абазинах он писал: «Абазин свободен, не терпит ничьей власти, кроме обычаев и страстей, беден, но горд. Любовь к буйной свободе и вольности — вот наследие отца, к сыну переходящее, вот начало его независимости»⁴.

Говоря о чувствах равенства и свободолюбия как о дореволюционных чертах горского национального характера, надо иметь в виду степень их социальной зрелости. Побудительные мотивы и конечные устремления этих чувств ограничивались социальными возможностями патриархального крестьянства,

¹ ЦГВИА, ф. 330, св. 2542, д. 72, ч. I, л. 13.

² П. Гаврилов. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа, стр. 40.

³ М. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана, стр. 10.

⁴ Цитируется по книге М. О. Косвена, Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы, стр. 184.

идеалы которого горцы в основной своей массе культивировали, в связи с малочисленностью в горской этнической среде промышленного пролетариата. Поэтому рассматриваемые чувства выражали приверженность крестьянских масс к стихийной вольности и неприятию власти.

Это положение во многом определяло неукротимое свободолюбие у таких вольных и сильных духом народов, как чеченцы, устанавливало у других горских народов, подверженных более развитой системе социального принуждения, смягченные формы социальной зависимости, не допускавшие, например, культивирования права телесного наказания или грубого, унижающего человеческое достоинство обращения с зависимой личностью, а также недопущение феодального засилья и стойкое сопротивление колониальным властям.

В этой связи нельзя не прислушаться, хотя и с известными поправками, к мнению дореволюционного чеченского этнографа У. Лаудаева о причинах особо выраженного свободолюбия у чеченцев. В своей статье он указывал, что чеченцы, якобы, всю свою жизнь не знали принуждения. У них не было князей, все они были «узденями», свободными и равными. Даже иноплеменные жители «благородного» сословия теряли среди них свой сан. Собственности на землю у них не было. Земля считалась данной богом всем поровну. Они никому не платили дани. А если и начинали заселять земли на условиях подати, то потом силою эти земли присваивали. Чеченцы высмеивали тех, кто платил подать, называя их холопами. «Отсюда ясно, — писал Лаудаев, — почему они не терпели у себя никакой власти и не выбирали из своей среды предводителей»¹.

В этом, т. е. не притупившемся в горском этническом сознании чувстве относительной свободы от политического принуждения, иначе говоря, в силе традиции неприятия эксплуататорской власти, заключалась причина горского свободолюбия.

Благодатную почву для своего развития она нашла в условиях социализма, ликвидировавшего власть эксплуататорских классов и открывшего широкий простор для осуществления классовых идеалов трудящихся масс.

К социальным чертам этнической психологии северокавказ-

¹ У. Лаудаев. Чеченское племя. Сборник сказаний о кавказских горцах. Изд. Кавказского горского управления. Выпуск 6, Тифлис, 1882, стр. 24.

ских горцев относилось также чувство сословной несовместимости и классовой неприязни.

Это чувство было порождено феодальным обществом, сложившимся у горских народов в разной степени зрелости, исходило из сословного расслоения, социального гнета и классовой борьбы. В основе его лежала феодальная собственность на землю, экономическая и политическая зависимость безземельных или малоземельных крестьян от горской знати, крепостное право.

Горская знать оберегала свое господствующее положение не только экономическими и политическими мерами, но и духовными средствами. культивируя в общественном сознании горцев феодальную идеологию и мораль, чувства социальной несовместимости и превосходства. Духовное порабощение крестьян с помощью религии, адатного и шариатского права, а также посредством материального и нравственного внушения постепенно вырабатывало в этническом сознании горцев стойкие социально-психологические установки, направленные на признание и утверждение социальной несовместимости, как естественного свойства общественной жизни.

С другой стороны, это внушение, основанное на фактическом общественном положении сословий, вырабатывало обратные социальные чувства и эмоции у низших социальных групп. Эти сословия вырабатывали свою социальную психологию и мораль, противопоставленную давлению горской знати, ориентированную на борьбу с социальным гнетом. Социальные противоречия, таким образом, формировали в этническом сознании трудящихся горцев чувства сословной отчужденности, классовой неприязни к эксплуататорам, единства и сплоченности в среде трудящихся масс.

Отмена крепостного права в России, в том числе и на Северном Кавказе, конечно, подорвала политическую основу сословного строя и феодальной эксплуатации у горцев, однако, она не устранила социальных противоречий у них и тем самым не ликвидировала корней социальной неприязни. Горская знать, отстаивая свои экономические интересы и политическое преимущество перед народом, постоянно взывала к чувствам социальной несовместимости, как к непреклонному закону жизни, и стремилась всемерно удержать эти чувства в тех сферах горских общественных отношений, которые не затрагивались политической реформой и составляли традиционный горский образ

жизни. К таким сферам относились, например, брачные отношения, в которых сословный критерий еще очень сильно и долго действовал.

Сословная неприязнь, оберегая кастовую ограниченность и высокомерие горской знати, не допускала смешения сословий в общественных делах и в личной жизни. Так, совершенно недопустимым было сословное смешение браков. Князья, как правило, женились только на лицах княжеского происхождения, уздени вступали в брак только с узденями, кулы, т. е. бывшие патриархальные рабы или крепостные крестьяне, только с кулами. Исключения из этого правила встречались крайне редко, и если представители знати и свободного сословия вступали в брак с бывшими кулами, то это вызывало бурю негодования их родичей, непризнание брака, отрешение «провинившихся» от родительского дома, осуждение всем сословием и вечное проклятие «неравного» супруга. Так, В. М. Сысоев, говоря об относительной свободе сторон в выборе супруга, отмечает: «Однако смешения сословий и экономического положения избегают: так, бии выбирают невест у биев, уздени у узденей, кулы—у кулов»¹. Такой же порядок отмечает М. Ковалевский у осетин: «Постыдным считают женить сына на девушке низшего с ним общественного положения, почему алдары, как общее правило, женились только на дочерях алдаров или иноплеменных княжнах. В свою очередь и фарсалаги отнюдь не соглашались дать своим сыновьям дочерей кавдасардов, тем более девочек, прижитых кем-либо от номулус. О рабнях, разумеется, не могло быть и помину»².

Такое отношение было свойственно для всех горских народов, сохранивших пережитки относительно развитого феодально-сословного строя.

Воплощение социальных чувств горцев в бытовых, брачно-семейных отношениях было неслучайным. Дело в том, что в политической сфере эти чувства совпадали с национальными чувствами в виду совпадения социального гнета с национальным. Чувства классовой непримиримости и антагонизма у горцев никогда не угасали, они воспламенялись каждый раз, когда эксплуататоры чинили произвол, усиливали гнет и эксплуатацию. Но революционные выступления народных масс либо подавля-

¹ В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении, стр. 52.

² М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон. Том I. М., 1886, стр. 289—290.

лись войсками, либо предупреждались военно-колониальной администрацией. Так было в известном Бзюкском восстании закубанских черкесов — натухайцев, шапсугов и абадзехов, — вспыхнувшим в конце XVIII в. против засилия местных князей и феодалов, так называемый пши и урков. Это восстание, по свидетельству историков-кавказоведов, потрясло до основания весь феодальный Северный Кавказ. Горцы свергли деспотическое управление князей и установили старый демократический порядок, поручив всю власть совету старейшин, выражавшему интересы и традиции народа. Однако свергнутые князья обратились за помощью к царю, и героическое восстание закубанских черкесов было подавлено казачьими войсками¹. Точно так же был укрощен революционный порыв трудящихся кумыков. Кумыкские князья, ободренные поддержкой царских генералов на Кавказе, стали все больше закрепощать народ, чинить насилие и произвол. «Это могло бы, — писал П. Гаврилов, — привести к восстанию, как у закубанских черкесов, выгнавших из своей среды князей, если бы Ермолов не дал приказ войскам занять кумыкскую плоскость»².

Так было каждый раз, когда трудящиеся горцы пытались сбросить с себя внутренний социальный гнет. Они воочию убеждались и чувствовали, что их классовый враг взят под защиту царизмом и что борьба с ним означает борьбу с царским самодержавием. Поскольку же царизм являлся колониальным противником трудящихся горцев, постольку их классовые чувства совпадали с национальными чувствами, а революционное движение — с национально-освободительным движением. Вот почему проявление социальных чувств в политической сфере принимало форму национальных чувств. Эти чувства в виду отсутствия той социальной силы, промышленного пролетариата, которая могла бы возглавить классовую борьбу трудящихся горцев, организовать ее и направить в правильное политическое русло, носили стихийный, разрозненный, неосознанный характер и выражались, как правило, в крестьянских аграрных волнениях, в мятежных выступлениях отдельных аулов и деревень, в террористической деятельности абреков и в других актах возмущения горских трудящихся масс.

Тем не менее, революционные настроения трудящихся гор-

¹ ЦГВИА. ф. 414, д. 330, лл. 76—83.

² П. Гаврилов. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа, стр. 40.

цев достигали обычно самого высокого накала. Конечно, они не соответствовали революционным настроениям промышленного пролетариата центра России, основанным на научной пропаганде, высоком уровне классовой борьбы, политической сознательности и революционной организованности, а скорее выражал стихийное возмущение крестьянских масс, экспансивный характер и мятежный дух горцев. Но от этого решимость горских трудящихся масс сбросить с себя ярмо социального и колониального гнета не ослабевала. Неслучайно, когда горцы попадали в организованную революционную среду, они представляли собой один из самых «опасных» политических элементов. Об этом писал, например, применительно к карачаевским горцам, управляющий рудником «Эльбрус», инженер Кох: «Самыми необузданными рабочими и вообще нетерпимыми на руднике обыкновенно являлись привозные, уже распропагандированные мастера из Петрограда, а также местные карачаевцы»¹.

Действительно классовое и подлинно революционное выражение социальные чувства трудящихся горцев получили в период подготовки России партией большевиков к социалистической революции.

Подпольная работа профессиональных революционеров, большевиков в горской среде находила благодатную почву. Повсюду создавались партийные ячейки и революционные кружки. Профессиональная партийная пропаганда открывала горцам глаза на подлинные цели и задачи, пути, формы и средства революционной борьбы. Она формировала марксистско-ленинское мировоззрение, революционные настроения и политическое чутье у трудящихся горцев. Социальные чувства и классовые настроения, таким образом, преобразовывались, обогащались и развивались на новой политической основе, создавая предпосылки социалистического преобразования самого этнического сознания горских народов.

К социальным чертам этнической психологии горских народов относилось также чувство дружеского отношения к другим народам, в частности, к соседнему русскому народу.

Это чувство являлось выражением классовых идеалов трудящихся масс, утверждающих глубокое уважение ко всем людям труда, дружбу и братство в отношениях между народами. Дружелюбие являлось традиционным отношением горцев к русско-

¹ ЦГВИА, ф. 449, оп. 12, ед. хр. 4, л. 23.

му народу. Россия издавна рассматривалась горцами как дружественный сосед и могущественный союзник, помогавший им в борьбе против крымских ханов и турецких султанов и снискавший к себе за это их глубокое уважение и доверие. Эти взгляды и чувства нашли высокое воплощение в историческом событии добровольного присоединения горских народов к России.

В одном из политических обзоров Северного Кавказа отмечалось, что кабардинцы, например, считали себя подданными царя Ивана IV и уверяли составителей обзора в том, что с русскими у них всегда была дружба на началах добрососедского сожительства. Приводили факты о том, что даже капканы, расставленные русскими охотниками в горских лесах, оставались нетронутым и в знак уважения и почитания соседей¹.

Серьезные препятствия дальнейшему развитию и укреплению братских чувств горских народов к России создало столкновение на Северном Кавказе экономических и политических интересов турецкого и русского империализма. Турецкие завоеватели посредством мусульманского духовенства и протурецки ориентированной знати культивировали в сознании горских масс идеологию панисламизма и национализма.

Эта попытка не имела успеха и не создала серьезных помех дружественному отношению горских народов к России, ибо горцы никогда не связывали свою судьбу с далекими берегами Турции. Однако колониальное освоение Северного Кавказа российским империализмом, жестокие события Кавказской войны и тяжелые условия колониального гнета невольно отвращали горцев от дружественных надежд к России. Это выразилось в массовом переселении горцев в Турцию.

Тем не менее, глубокие исторические корни горско-русских дружественных отношений, прочные узы братских чувств трудящихся горцев к русскому народу определили основную тенденцию отношения горских народов к России, прокладывавшую себе путь через многие испытания.

Этому способствовала прогрессивная деятельность представителей демократических и революционных слоев русского общества на Кавказе. Даже в суровое время Кавказской войны Россия была представлена горским народам не только реакционными деятелями, утверждавшими великодержавный шовинизм, отношения вражды и неприязни. Она была представлена и дру-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, о. 482, ед. хр. 6164—33, лл. 4—5.

гими людьми — ссыльными декабристами и вольнодумцами, а затем и революционерами, большевиками, выразившими отношение к горцам истинной, демократической и революционной России. Они приобщали горцев к прогрессивной мысли и передовой культуре страны, пробуждали в их сознании гуманистические идеалы дружбы и братства между всеми народами, чувства классовой борьбы и пролетарского интернационализма. Нет необходимости приводить здесь имена и говорить о делах этих людей, ибо они хорошо известны. Скажем только, что немало прогрессивных, демократически и гуманистически настроенных людей не терпящих произвола и насилия, было и среди военно-политических и административных деятелей России на Кавказе. К таким облаченным властью деятелям относился, например, начальник Черноморской береговой линии, генерал-лейтенант Раевский.

Не разделяя враждебного, шовинистического курса царизма, насильственных и захватнических устремлений реакционных генералов, Л. Г. Раевский был сторонником мирных и дружественных связей с горцами. Он стремился к развитию хозяйственных, торговых сношений с ними, к внедрению в горскую среду ремесла, образования. Однако такое отношение не соответствовало политике правительства и не одобрялось многими другими военно-политическими деятелями, и Раевский, попав в опалу, вынужден был оставить свой пост.

В своем отставном рапорте военному министру Чернышеву Раевский с горечью и эмоциональным возбуждением писал: «Я здесь первый, и один по сие время, восстал против пагубных военных действий на Кавказе и от этого вынужден покинуть край»¹.

Противопоставляя насильственным действиям ревностных завоевателей практику мирных сношений с горцами, Раевский приводил в этом рапорте пример мирной и дружественной деятельности одного из анапских комендантов, полковника Бринка. Бринк отмечал Раевский, всеми силами пытался установить дружественные отношения с горцами, развить с ними мирные, торговые сношения. Он истратил даже свои личные сбережения на развитие торговли и мирных сношений с ними, однако, несмотря на свои старания и благородные намерения, не отмечен ни наградами, ни повышением в чине.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА: ед. хр. 6440, л. 2.

Таково было отношение к тем, кто пытался наладить с горцами мирные, равноправные связи. Иначе власти к таким людям относиться и не могли, ибо дружелюбие к горцам не соответствовало официальному курсу русско-горских отношений, политике великодержавного шовинизма.

Однако это соответствовало традиционным отношениям между русским и горскими народами, убеждениям и намерениям прогрессивных людей, которые находили истинное удовлетворение от своей миролюбивой деятельности в выражении идеалов гуманизма и демократии.

Их дружелюбные намерения не пропадали даром. Верные дружбе и долгу, горцы высоко ценили миролюбивое отношение прогрессивных деятелей, честных и справедливых чиновников, глубоко привязывались и трогательно выражали свои чувства уважения к ним.

Показательным в этом смысле примером является отношение горцев Баталпашинского отдела к памяти бывшего пристава Карачаевского округа Петрусевича, прогрессивная в общем деятельность и личные качества которого завоевали у горцев ему авторитет. Высокую оценку его деятельности давал, например, Коста Хетагуров. «При полковнике Петрусевиче, — писал он, — всем туземцам Баталпашинского уезда жилось хорошо. При нем были проложены широкие дороги, выстроены прочные мосты, школьные и правленские здания. Превосходно владея карачаевским и кабардинским языками, он без всякого переводчика беседовал с народом на его родном языке; он с удивительной энергией, идеальным бескорытием и братской любовью проводил в туземную жизнь все лучшие формы общественности и административных мер. Любовь туземцев к Петрусевичу была настолько сильна и искренна, что после безвременной кончины его в Закаспийском крае на поле брани туземцы Баталпашинского уезда на свои средства перевезли своего любимца в Баталпашинск и похоронили его в ограде церкви, увенчав могилу надгробным мраморным памятником и устраивая ежегодно в его память скачки близ нашего селения, в которых участвовали исключительно туземцы»¹.

Прогрессивная деятельность отдельных наделенных властью личностей играла важную роль, ибо она по широте полномочий

¹ ЦГВИА, ф. 330, 0,69, ед. хр. 89, лл. 8—9.

распространялась на целые народы и с известной стороны регулировала их жизнь. Поэтому она помогала укреплению дружественных отношений горских народов к России, объективно способствовала развитию чувства интернационализма в сознании трудящихся масс.

Однако подлинное развитие интернационализма происходило на классовой основе. Общение трудящихся горцев с русским рабочим классом и трудовым крестьянством приобщение к идеологии пролетариата и к его революционной борьбе составляло основу этого развития.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции интернационализм стал господствующим принципом в отношениях между народами, чувства дружбы и братства стали важнейшими чертами этнической психологии горских трудящихся масс.

К числу социальных черт этнической психологии горских народов относились чувства любви и привязанности к родным местам, к своей этнической среде.

Патриотические чувства горцев отмечал М. Амиров «Всякому также известно, — писал он, — что горец сильно привязан к родине, подразумевая под этой родиной его родной аул с его жителями. Скажу более: я не могу вообразить народ, который был бы так привязан к родине, как дагестанские горцы (я не говорю о сознательном патриотизме, а — о бессознательной привязанности)»¹.

О горском патриотизме писал П. Гаврилов. Его удивляли чувства привязанности горцев к родным местам, несмотря даже кое-где на их убогость и неприглядный вид. «Характеристикой местности горского участка Ингушского округа, — писал П. Гаврилов, — служат горные трущобы, в которых гнездится население, обнаженные скалы и скудная почва земель по боковым скатам ущелий. Население горского участка не имеет достаточного количества земель ни для пахоты, ни для пастбищ, а потому и находится в крайней бедности, хотя тем не менее глубоко привязано к своему родному убежищу»².

Эти и другие подобные замечания свидетельствуют о большой силе патриотических чувств у горцев. Однако, как видно из

¹ М. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана, стр. 58.

² П. Гаврилов. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа, стр. 62.

тех же замечаний, эти чувства нельзя признать достаточно развитыми и зрелыми. Зрелое чувство патриотизма обуславливается высоко развитым национальным, этническим самосознанием. Оно складывается на основе формирования наций, народностей, в процессе которого преодолеваются территориальная разобщенность, клановая замкнутость, многочисленные местные этнические особенности и возникает единая территориальная и этническая общность. Развитое чувство патриотизма, имея, конечно, классовое содержание, присуще всей этнической общности и основано на осознании единства ее исторического пути. В данном же случае речь идет о патриотизме, который ограничен эмпирическим созерцанием общности одного аула или одной округи, а дальнейшее распространение его на всю родину и на весь народ сдерживается обособленностью конкретных мест.

Это объясняется социальной неразвитостью самой этнической жизни горцев, связанной с вековым поработанным и угнетенным положением. Оставаясь на уровне патриархально-феодалных отношений, она не дошла на своей аборигенной основе до стадии формирования родственных племен и народностей в нации и, следовательно, не преодолела многочисленных этнических особенностей конкретных мест, как и не выработала единого национального самосознания. Не испытав процесса консолидации народностей и этнографических групп в нации, горская этническая жизнь не выдвинула и тех идей, которые питают высоко развитое чувство патриотизма.

Такие идеи вырастают из могучих национальных движений народов за образование свободных национальных государств, за свержение власти не только князей и феодалов, но и буржуазии, ежечасно и ежеминутно, по выражению В. И. Ленина, предающей истинные национальные интересы народов.

Поэтому горский патриотизм, с точки зрения внутренних социальных факторов его развития, оставался на уровне идиллической привязанности к родным местам.

Однако это не сказывалось на силе патриотического чувства. Если внутренние этнические факторы, связанные с недостаточной развитостью социальной структуры и социальной жизни горских народов, определяли ограниченность содержания горского патриотизма, то внешние этнические причины, связанные с непрерывной борьбой против посягательств на свободу и независимость горцев, обуславливали постоянный накал их патриотических чувств.

По мере социального развития горских народов, усугубления классовой борьбы и развития классовой солидарности чувство патриотизма непрерывно обогащалось и расширялось, выходя за пределы отдельных мест и за пределы одной отдельной родины.

Полное развитие горского патриотизма наступило лишь на новом качественном этапе, на этапе формирования советского патриотизма.

К социальным чертам горской этнической психологии относились чувства сплоченности и солидарности, воинской доблести, мужества и стойкости в деле защиты и отстаивания классовых и национальных интересов трудящихся масс.

Эти чувства были отражением тревожной и полной опасностей жизни горских народов и вызывались необходимостью приспособления к ней. Вся дореволюционная история Северного Кавказа, насыщенная межплеменной враждой, классовыми боями и национально-освободительными войнами, навязывала горским народам воинственный образ жизни. Весь комплекс внешнего воздействия на психику горцев, все средства внушения: от суровой природы гор до воинственного обличья, от колыбельных песен до эпических народных сказаний — были направлены на воспитание мужества и стойкости, доблести и отваги в деле отстаивания свободы и независимости народов.

Неслучайно общественное мнение возводило на высшую ступень морального престижа выражение горцами мужества и чести, патриотизма и национальной гордости и, наоборот, подвергало презрению выражение трусости и слабости. Это положение отмечалось многими авторами. А. Т. Васильев, например, применительно к кази-кумухцам писал: «Уважение у кази-кумухцев приобретается храбростью, лихим наездничеством, честностью, твердым характером. Кто не обладает этими качествами, находится в презрении»¹. В другом случае об этом писалось: «народ, населяющий кавказские горы, принадлежит к сильной расе, а потому должно действовать на них сообразно их правилам: решительно и твердо, но во всех случаях следует поступать начальникам честно и держать слово верно. Этого требует обычай народа, и более достоинство великой нации»². Высокие во-

¹ А. Т. Васильев. Кази-кумухцы. Этнографическое обозрение, № 3, 1899, стр. 65.

² ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6482, л. 3.

инские качества горцев должным образом оценивались и учитывались военным командованием на Кавказе. Граф Розен, например, в своем письме военному министру Чернышеву писал: «...по общему успокоению Кавказа край сей значительно увеличит военные силы наши возможностью употреблять против внешних врагов наших храбрых горцев»¹.

Рассматриваемые черты получали бесспорное и высокое признание. Ни один знаток или просто наблюдатель горского образа жизни, даже самый недоброжелательный, не отказывал горцам в мужестве, доблести, храбрости и т.д. Мы не будем далее распространяться на этот счет, ибо все это хорошо известно уже из художественной литературы.

Остановимся только на том, что высокую оценку и теоретическое обоснование этим чертам, в частности, воинской отваге, давали классики марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс, рассматривая известные всему миру виды горной войны, выделял такую их разновидность, как национальное восстание и партизанская война в горах. К ним он относил четыре примера: Тирольское восстание 1809 г. против французов, испанскую войну против Наполеона, Баскское карлистское восстание 1883 г. в Испании и войну кавказских горцев. Среди всех этих примеров горной войны Ф. Энгельс выделял последнюю, отличающуюся наступательным, активным, воинственным характером. «Наконец, — писал он, — в борьбе на Кавказе, которая из всех войн этого типа принесла жителям гор наибольшую славу, горцы своими относительными успехами были обязаны наступательной тактике, которой они преимущественно придерживались при обороне своей территории»². Понятно, что наступательная тактика горцев была выражением не столько их военного искусства, сколько выражением традиционной воинственности, мужества и свободолюбия.

Термин воинственность здесь применяется в особом смысле. Имеется в виду не захватнический идеал эксплуататорских классов, а прогрессивная этнопсихологическая установка горских трудящихся масс, ориентированная на классовые бои и национально-освободительные войны. Неслучайно особенностью этой «воинственности» было то, что она питалась собственной

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6322, ч. I, л. 161 .

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. изд. II, т. 12, стр. 119.

этнической средой и в полной мере проявлялась только в пределах горской территории. За пределами этой территории или в чужих интересах, т. е. с утратой народной основы, она себя не проявляла.

Это подтверждается свидетельством М. Амирова, который утверждал, что при всей воинственности горцев больше всего они не любят солдатчину. Он отмечал, что «...горец готов на все нововведения, лишь бы ему оставили право носить оружие, национальный костюм и не брали бы в солдаты. С потерей костюма он мог бы и согласиться, но страшно не любит солдатчину»¹. Казалось бы воинственность горцев, если ее понимать в определенном смысле, не должна была отвращать их от службы в армии, но в том-то и заключалась особенность этой «воинственности», что она имела народный, освободительный характер и воспитывалась на традициях вольности и свободолюбия, а не на строгой воинской дисциплине.

Характерным примером чисто этнической обусловленности горской воинственности является поведение горцев при сражении турецкого генерала Батал-Паши с русским генералом Германом близ теперешнего г. Черкесска. Горский конный отряд, на «союзнической» основе сопровождавший турецкое войско, в сражение не вступал, а сосредоточился на соседней горе и наблюдал за боем. Затем, отнесясь равнодушно к интересам «союзника», он повернул назад, напал на штаб турецкой армии, разгромил его и с захваченными трофеями умчался в горы.

Именно эту особенность так называемой горской воинственности отмечал К. Маркс, когда писал: «Они умеют сражаться только на своей собственной земле, и, кроме того, перспектива присоединения к Турции, по-видимому, отнюдь не приводит их в восторг»²

Не проявилась в должной мере горская воинственность и в русско-японской, а также в первой мировой империалистической войнах, поскольку они проходили вдали от родных мест, а главное — велись не в интересах народа. Неслучайно в песнях и воспоминаниях горских солдат, участвовавших в этих войнах, зафиксированы пессимизм, тоска по родным местам, неприверженность к войне. Это касалось и солдат «дикой дивизии», хотя

¹ М. Амиров Среди горцев Северного Дагестана, стр. 58.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. II, т. 11, стр. 522.

она наводила страх одним своим названием в первой мировой войне. Иное дело — участие горских солдат в русско-турецкой войне на Балканах, несущей болгарскому народу освобождение от турецкого ига. Среди героев Шипки есть и их имена.

Между тем, горская воинственность в полной мере проявилась в гражданской и в Великой Отечественной войнах советского народа против контрреволюции и фашизма. Здесь она воскресила героические традиции народа и обогатилась новым могучим содержанием, так как эти войны велись за свободу и независимость трудового народа, за отстаивание завоеваний революции и социализма. Это отмечал применительно к гражданской войне чрезвычайный комиссар юга России Г. К. Орджоникидзе в своем докладе Совету народных Комиссаров и лично В. И. Ленину. Он говорил, что когда командование деникинской армии предъявило ингушам ультиматум о пропуске белой армии через их территорию для захождения в тыл и окружения Владикавказа и когда верхи ингушей были согласны это сделать «...ингушские массы заявили, что они никогда не были предателями и никогда ими не будут»¹. С тем они вступили в бой с деникинской армией и героически сражались. Далее он отмечал, что несмотря на отступление XI армии и захват Северного Кавказа Деникиным, трудящиеся горцы продолжают героическую борьбу с врагами революции, формируя партизанские отряды и нанося противнику чувствительный урон. «...В горах Северного Кавказа, — указывал Г. К. Орджоникидзе, — свободолюбивые горцы бьются с деникинскими бандами в надежде, что скоро им на помощь придут полки Красной Армии... До сего времени стекаются кабардинцы — карачаевские партизанские отряды, которые борются против Деникина... Сделаем же все, чтобы осуществить надежды веками угнетенных народов Северного Кавказа, впервые увидевших себя свободными только при Советской власти»². Это достаточно яркое свидетельство проявления мужества и отваги горцев в годы гражданской войны.

Что же касается Великой Отечественной войны, то здесь они слились воедино с мужеством и отвагой всех советских воинов, показавших небывалые образцы героизма.

¹ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. т. I, Госполитиздат, М., 1956, стр. 86.

² Г. К. Орджоникидзе. Там же, стр. 90, 92.

Таким образом, социальные черты дореволюционной этнической психологии горских народов Северного Кавказа характеризовались национальным чувством равенства, независимости, свободолюбия, сословной несовместимости и классовой неприязни к эксплуататорам, единства и сплоченности трудящихся масс, мятежностью и непокорностью в отношении социального и национального гнета, глубоким уважением и почтением ко всем людям труда, дружелюбием к другим народам, патристическими чувствами любви и привязанности к родным местам к народу, сплоченностью и солидарностью в деле защиты национальных интересов, стойкостью в борьбе за свободу и независимость народов, храбростью и мужеством в классовых боях и национально-освободительных войнах. Все эти качества являлись выражением национального характера горских трудящихся масс, как и трудящихся масс всех других народов, борющихся с социальным и национальным гнетом.

ПРАВСТВЕННЫЕ ЧЕРТЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ГОРЦЕВ

Нравственные черты этнической психологии горских народов Северного Кавказа выражались в целом ряде этнических чувств, воплощенных в определенных традициях, обычаях и нравах.

К их числу относится чувство гостеприимства. Это чувство воспитывалось соответствующей этнической традицией, по которой каждый горец считал себя обязанным торжественно принимать и оказывать высокие почести гостю.

Гостеприимность горцев отмечалась всеми этнографами, путешественниками или просто наблюдателями. Таково описание А. Т. Васильевым гостеприимства у дагестанских горцев, в частности, у кази-кумухцев. «Гостеприимство у кази-кумухцев, как у всех вообще горцев, развито в сильной степени — писал он. — При входе постороннего лица в комнату хозяин и члены семьи встают. За ним все время ухаживают, угощают изысканными кушаньями и стелют лучшие пуховики»¹

¹ А. Т. Васильев. Кази-кумухцы..., стр. 67.

О гостеприимстве горцев применительно к карачаевцам писал В. М. Сысоев. «Гость у карачаевцев, как и у других горцев, считается священной и неприкосновенной особой, даже если он находится в неприязненных отношениях к хозяину. Хозяин во время пребывания гостя в доме прислуживает ему и не имеет права без приглашения сесть в его присутствии. Для угощения хозяин обязан подать лучшую еду в лучшей посуде, постель должен приготовить из лучших перин и подушек, которые у них обыкновенно обтягиваются шелковой тканью. Кушания подаются прежде всего гостю...Хозяин должен приглашать гостя кушать как можно более, употребляя самые изысканные выражения и пуская в ход свое красноречие»².

Такого рода описания горского гостеприимства многочисленны. Нет необходимости все их приводить. Общее мнение всех авторов сводится к признанию гостеприимства как одной из выразительных черт горского образа жизни и этнического сознания.

Однако это касается только горских трудящихся масс, как и трудящихся масс вообще. Что же касается верхних социальных слоев и, в частности, нарождавшегося класса горской аграрной буржуазии, то им было свойственно попрание горских нравственных законов и культивирование принципов буржуазного индивидуализма и эгоизма. Это хорошо показано в приводившихся ранее путевых заметках о гостеприимстве трудящегося скотовода и горского кулака (стр. 108—109). Если первый, являясь носителем народных традиций, совершенно бескорыстно и щедро принял гостей, то второй, развращенный буржуазным корыстолюбием и эгоизмом, запросил за свои услуги высокую плату.

К. Маркс и Ф. Энгельс еще в Манифесте Коммунистической партии указывали на разъедающую и развращающую роль буржуазной морали, говоря, что «Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения...Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод *одно* бессовестную свободу торговли»¹.

¹ В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении, стр. 57.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии», Госпартиздат, 1964 стр. 35.

Охватив товарно-денежными отношениями не только все действия, но и все помыслы людей, создав могучие производительные силы, построив города, буржуазия капитализировала и все бывшие патриархальные отношения. Распространяя свою деятельность на Северный Кавказ, построив отели, гостиницы, приезжие дома, она стала «капитализировать», в частности, и чувство горского гостеприимства.

Разумеется, с точки зрения социального прогресса это имело положительное значение. Но на пути капиталистического развития данный процесс оборачивался своей отрицательной стороной, ибо вместе с вытеснением патриархального образа жизни вытравлялся и коллективистский дух горских обычаев и нравов.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция создала условия для подлинного развития этнического богатства горских народов. Она очистила традиционный горский коллективизм от устаревших социальных форм и обеспечила его развитие на новой, социалистической основе, ведя к формированию в горском этническом сознании социалистического коллективизма.

К нравственным чертам горской этнической психологии относится также почитание и уважение старших вообще, родителей, в частности. Надо сказать, что это общеморальное свойство, как и гостеприимство, не являлось исключительной особенностью горского национального характера. Оно присуще любой этнической среде. Но применительно к горцам это свойство выделяется как ярко выраженная черта и потому как этническая особенность их образа жизни. Вот, например, как о ней писали: «В наш век, когда в «культурных странах» молодые люди так мало уважают старших, весьма приятно видеть у этих народов, с каким почетом молодежь относится к родителям и к старшим вообще. Воля родителей — для детей священный закон»¹.

Это подтверждал применительно к осетинам один из выдающихся кавказоведов дореволюционного времени М. Ковалевский. «Уважение к старшим — характерная черта всякого общества, в котором жив еще фамильный и родовой культ, — наглядно проявляется в среде осетин в том видимом почтении,

¹ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. вып. 31. Тифлис, 1902, стр. 94 (отдел II).

какое дети призваны оказывать ежечасно своему отцу, а наряду с ним всем старшим по летам родственникам. Сын не смеет сесть при отце или вкушать пищу в его присутствии иначе, как с его формального разрешения. Безусловное повиновение родителю и неограниченное право наказывать своих детей — вот те два начала, на которых построено отношение старого и молодого поколения в Осетии»¹.

При всей правильности приведенного здесь положения нельзя не отметить, что автор в угоду своей научной аргументации, т. е. сведения этого правила к фамильному и родовому культу, неправомерно ограничивал уважение и почитание старшинства только родственниками, и притом мужского пола, хотя в конце приведенной цитаты он восполняет свое ограничение тем, что распространяет данный принцип до взаимоотношения поколений. В действительности почитание старших, начиная, конечно, с почитания родителей и родственников, распространялось без видимых урезок и на всех вообще старших, в том числе и женского пола. Не делали таких исключений горцы и для негорцев. Во всяком случае, ни у одного другого автора таких ограничений мы не видим. Приведем, например, свидетельство В. М. Сысоева относительно карачаевцев. «...Семейные порядки у карачаевцев вполне сходны с порядками у других горцев, — писал он, — Старшим принадлежит всевозможный почет и уважение. Младшие в присутствии старших не имеют права сесть, пока на это не будет дано разрешение старшим, вмешиваться в разговор, принимать участие в еде. Такое уважение обязательно не только по отношению к старшим членам своей семьи, но и вообще ко всем лицам, старшим по возрасту. Старики пользуются общим почетом. При встрече со старшим карачаевец обязан сопровождать его, пока тот не позволит ему идти по своему делу. Младший должен подать лошадь старшему, держать ее под узды, подать стремя. Вообще, младший должен дать старшему место с правой стороны, идти туда, куда пошлет старший, и оказывать ему разные услуги»². Как видно, В. М. Сысоев, отмечая, что рассматриваемые порядки у карачаевцев вполне сходны с по-

¹ М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон. Том I, М., 1886, стр. 285.

² В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении, стр. 50.

рядками у других горцев, не усматривает в отношении их к старшим никаких ограничений.

Таким образом, почитание и уважение родителей, старших по возрасту отмечалось как одно из важных и ярко выраженных этнических чувств горских народов Северного Кавказа. Оно находило общее признание всех исследователей и получило высокую моральную оценку.

Однако, для правильной оценки этой особенности горского национального характера надо рассматривать ее не только с точки зрения нравственных достоинств, но с точки зрения социального содержания и исторической зрелости. В этом смысле горская почитательность к старшим по возрасту и родителям содержала не меньше недостатков, чем достоинств, ибо носила архаический, консервативный характер, являясь выражением отсталых патриархальных отношений. Горское этническое сознание еще в сильной степени сохраняло культ старшинства и семейной патриархальности. Это было отражением неразвитых социальных отношений и остатком тех времен, когда отсутствие государства и наличие родоплеменных связей вело к господству авторитарной власти старейшин, опирающейся на возникший по этому случаю нравственный закон почитания старшинства. Что же касается родительской власти в семье и соответствующего морального правила уважения и почитания родителей, то они были результатом и предписанием разделения общественной власти между старейшинами и родоначальниками, главами семей. Если допустимо такое сравнение, то можно сказать, что власть старейшин являлась как бы законодательной властью общества, исполнительная же власть со всеми ее дисциплинарными функциями возлагалась на глав семей, которые несли моральную, то есть единственно существующую ответственность перед старейшинами, или законодательной властью за действия и поступки членов общества. Поэтому власть родителя, непомерно усиленная властью общественной, имела столь большую силу.

В числе нравственных черт горского национального характера отмечались весьма сильные и широко распространенные родственные чувства. Эти чувства выделялись потому, что сверх обычных родственных отношений между людьми у горцев они отличались своей прочностью и распространенностью на весьма отдаленное родство, обычно до 7-го колена.

С точки зрения общественной им придавалось противоречи-

вое значение. С чисто этнографической и нравственной стороны родственные чувства одобрялись, поскольку они способствовали укреплению нравственности посредством почитания родителей, старших родственников и вообще путем поддержания взаимного согласия и уважения людей, хотя и в ограниченных родственными связями границах. Последние в области нравственных отношений не имели существенного значения, хотя и довольно четко обозначались. Взаимное уважение и согласие не обрывалось резко на родственных границах. Родственное чувство, являясь одним из компонентов, формирующих моральный облик вообще, на этих границах утрачивало только свою специфичность, именно только свое специальное родственное назначение. В остальном, как цельное — чувство, оно распространялось на всех вообще людей. Иначе говоря, теплота родственных чувств не охлаждалась сразу после родственника и перед неродственником. Меняя здесь свою внешнюю специфическую форму, эти чувства не меняли своего общенравственного содержания. В этом заключалось их моральное достоинство.

Родственные границы имели существенное значение в экономических и социальных отношениях. Здесь родственное чувство зримо обрывалось, и если после этого в области экономической оно оставалось по существу индифферентным, то в области социальной нередко принимало замкнутый, неприязненный и даже враждебный характер.

В сфере экономических отношений сила и распространенность родственных чувств определялись не столько нравственным законом, сколько материальными возможностями. Поскольку эти возможности никогда не бывают безграничными, то и родственное чувство имело свой предел, совпадающий больше с границами материальных возможностей, чем родственных связей. Такова была материальная помощь нуждавшимся родственникам. Она, конечно, не всегда распространялась до 7-го колена.

Более того, границы родственных чувств не всегда совпадали с границами материальных возможностей. Чувство родства во многих случаях определялось чувством экономической целесообразности. То есть не каждому родственнику в одинаковой мере оказывалась помощь. Предпочтение отдавалось более или менее состоятельным, способным и готовым оказывать взаимную помощь родственникам. Эта тенденция находила

все большее развитие с распространением капитализма на Северном Кавказе, с экономическим развитием этого края, со стремлением к накоплению капитала, с возрастающим значением чувства экономической целесообразности и, наконец, со все большим распространением психологии и морали буржуазного индивидуализма. Капитализм здесь, как и везде, очищал для себя не только экономическое поле, но и нравственное и психологическое пространство, вытесняя обычаи натурального хозяйства и психологию патриархального коллективизма. Вытеснял он, следовательно, и родственные отношения, подмывал и разрушал родственные чувства.

В области социальных отношений родственные чувства имели гораздо более деятельный характер. В условиях мало-развитой социальной дифференциации общественное разделение людей в значительной степени подпадало под форму родственных союзов. Социальная борьба, следовательно, т. е. деятельность общественных групп по обеспечению, с одной стороны, преимущественных для себя условий жизни, с другой стороны — по противодействию этому стремлению, наряду с борьбой классов и сословий происходила в виде борьбы семейных групп, родственных союзов. Поэтому родственные чувства разделяли всю остроту и значимость социальных чувств.

Всюду, где решались общественные дела, неизменно действовали родственные чувства. Касалось ли это общественного разделения труда — перспективные занятия получали лица из сильных, богатых семей; шло ли распределение угодий — лучшие участки получали они же; проводилось ли возложение общественных повинностей — влиятельные люди ограждали своих родственников; занимались ли казенные должности — проходили родственники власть имущих и т. д. Родственные отношения, связи и чувства имели серьезное значение. Но это не означало, что только они и действовали. Определяющую роль на социально-экономическом и политическом уровне безусловно играли классовые и сословные отношения и чувства. Значение родственных чувств определялось тем, что они стояли и действовали рядом с ними.

Противоречивая сущность родственных чувств вызывала и противоречивое отношение к ним. Если с точки зрения этнографической, нравственной родственные чувства, как указывалось выше, одобрялись, то с точки зрения официальной, административно-политической, они осуждались. Это было связано

с тем, что родственные чувства мешали проведению законности, гражданского правопорядка в горской среде, способствовали сплоченности, солидарности, взаимовыручке горцев в отношениях с местной администрацией, колониальными властями.

Об этом немало писало Терское областное начальство. Коханов, например, указывал, что чрезвычайно развитые родственные связи у горцев сильно затрудняют управление ими. Родственники стоят один за другого. Укрывают провинившихся, не выдают их властям, не дают против них уличающих показаний или дают ложные, отгораживающие их показания. Против этого зла нечем бороться. Более того, приходится мириться с ним. Так, писал Коханов, учитывая силу родственных связей, вынуждены назначать старшинами горских аулов обязательно из наиболее влиятельных фамилий, хотя имеются и другие, более подходящие люди. Иначе нечего рассчитывать на власть и авторитет старшины, его никто не будет слушаться и бояться. А люди из больших и сильных фамилий так или иначе уберут его с дороги¹.

Далее, Коханов отмечал, что родственные связи поддерживают вредный обычай кровной мести. За обиду или убийство должны мстить обычно все родственники до седьмого колена. Это нередко приводит к взаимному истреблению целых фамилий или к их значительному поредению. Для власти же это оборачивается тем злом, что пополняет число опаснейших преступников-абреков, т. к. большинство кровников, скрываясь от мести, уходят в горы, лес и ведут отшельнический, преступный образ жизни².

Мнение Коханова разделял и Щербов-Нефедович. Он отмечал большую силу родственных чувств у горцев и большой их общественный вред. Родственник всегда укроет преследуемого властями горца, возьмет на себя его вину, чтобы избавить от тяжелого наказания³.

Таких свидетельств имеется немало. Все они говорят о большой силе родственных чувств у горцев, отмечают их нравственные свойства, указывают на общественный вред.

¹ ЦГВИА, ф. 330, св. 2542, д. 72, ч. I, л. 10.

² Там же.

³ Там же, стр. 83.

Среди нравственных черт этнической психологии горских народов дореволюционные источники отмечали чувство пренебрежительности к женскому полу, культ мужчины.

Это чувство определялось положением женщин в обществе в целом, в быту, в браке и семье в отдельности. Женщины в горской среде не были ни равными, ни равноправными с мужчинами, закрепощались ими и вели замкнутый, затворнический образ жизни. В этом сказывалась сила патриархальных обычаев и религии.

Бесправное, зависимое положение горянок отмечал, например, В. М. Сысоев. «Положение женщины, — писал он, — вообще незавидное. Женщины не должны быть там, где находятся мужчины. При встрече с мужчиной, хотя бы то был совершенный юноша, замужняя женщина, хотя бы и старая, должна свернуть в сторону и спрятать свое лицо, повернувшись к проходящему или проезжему спиной. Замужняя женщина не может принимать в своем доме посторонних мужчин, кроме близких родственников, выходить из дому без сопровождения служанки или родственницы мужа или принимать участие в каких бы то ни было увеселениях и общественных празднествах. Единственная отрада бедных женщин заключается в том, что они, едва представится к этому возможность, сходятся втроем, вчетвером и начинают перебирать все новости, подобно мужчинам. Тут они могут простоять 2—3 часа, пока не пройдет какой-либо мужчина и не разгонит их»¹.

Женщины, как правило, не допускались к решению общественных дел. Их совета и согласия обычно не требовалось, если даже дело затрагивало их личные интересы. Все за них решали мужчины.

Это надо правильно понимать. Горцы, сколько это было в праве народных традиций и обычаев, не допускали игнорирования интересов и лишения общественных прав всех своих сограждан, в том числе и женщин. Ограничение для них состояло в форме представительства. Женщина по обычаю не должна была вступать в официальные переговоры, хлопотать о своих делах перед публичными органами или должностными лицами — все это за нее должен был делать мужчина. Если же дело каса-

¹ В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении, стр. 51.

лось одиноких женщин, то их интересы представлял ближайший родственник или иное заинтересованное лицо мужского пола.

В таком случае общественное мнение было на стороне женщин и требовало относиться с особым почтением и вниманием к интересам и нуждам матерей-одиночек, вдов, незамужних женщин. Следовательно, гражданское бесправие женщин не означало в общественных делах полного произвола над ними. Это верно уже потому, что практически каждая женщина имела своего родственника, мужа или иного покровителя. Тем не менее, эта обычная дискриминация была одним из реакционных правил горского образа жизни, ставящих в унижительное и зависимое положение половину населения.

Особо унижительным и пренебрежительным было отношение к женщинам в браке и семье. Здесь в силу действия реакционнейших обычаев выкупа и умыкания невест, грубо попиравших не только общественные, но и естественные права женщин, мужской произвол ничем не ограничивался. Правда, он действовал исключительно только в рамках официального брака. Внебрачные половые связи с точки зрения обычаев абсолютно исключались. Однако, это хотя и упорядочивало произвол мужчины, но не только не ослабляло его, а, наоборот, усугубляло, т. к. придавало ему нормативную форму. Даже половая неприкосновенность горянок, приравненная к суровому закону кровомщения, т. к. за насилие, как и за убийство, полагалась кровная месть, была в корне извращена, оберегая не свободу женщин, а честь мужчин. Обида, нанесенная женщине, считалась прежде всего как посягательство на честь и достоинство мужчин: отца, брата, мужа, родственников — они должны были мстить за поруганную честь семьи, фамилии, рода. Личные интересы женщины при этом не принимались в расчет. Это выражалось в том, что при достижении согласия и примирения между мужчинами требования женщины о дальнейшем преследовании обидчика по индивидуальным мотивам не учитывались. Таково, например, бывало соглашение мужчин выдать замуж девушку за ненавистного ей насильника, чтобы смыть позор с семьи.

Выкуп за невест («калым») был присущ всем горским народам. Несмотря на то, что этот обычай стал предписанием корана, его исполняли и христианские горцы, т. е. осетины. «У осетин существует калым — «ирад», хотя православной вере он

чужд», — писал М. Ковалевский¹. Далее он указывал размер выкупа и его материальный и моральный вред. У высшего сословия он доходил до 100 и более голов крупного рогатого скота (1000 руб. в денежном выражении), у среднего сословия — до 42, у низшего сословия — до 20—30 голов². Не меньших размеров достигал калым и у других горских народов. У карачаевцев, например, он достигал: у высшего сословия до 2000 руб., у среднего сословия — до 340—400 руб., у низшего сословия — до 50 руб.³ Оценивая величину калыма, М. Ковалевский отмечал: «Размеры его чрезвычайно велики и доводят до разорения целые семьи»⁴. Не менее велик был и моральный вред калыма, превращавшего брак в имущественную сделку, а женщину — в меновую стоимость. Имея в виду такой брак, М. Ковалевский писал «...трудно говорить о нем, как о гражданском договоре, добровольно заключаемом брачующимися. Он прежде всего — имущественная сделка, в силу которой родня невесты уступает последнюю двору жениха под условием вознаграждения. Смотри даже на ирад или плату за невесту, как на своего рода виру, как на выкуп, возносимый родней жениха за уводимую последним девушку, все же приходится сказать, что брак осетин построен на начале купли, носит характер торговой сделки, в выгоде от которой оказывается родня невесты»⁵.

Несмотря на такой имущественный характер брака, горской семье нельзя было отказать целиком и полностью во взаимном согласии, в духовной близости супругов. По этому поводу М. Ковалевский писал: «Ошибочно было бы думать, однако, что брак у осетин лишен совершенно того характера не только физического, но и нравственного союза, какой признавали за браком уже греческие и римские юристы. Если женитьба детей и происходит у них, как общее правило, не по привязанности, а по расчету, если решающим обстоятельством в этом случае является воля родителей...то из этого не следует, чтобы народу было совершенно чуждо представление о браке, как о духовном союзе мужа и жены»⁶.

¹ М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон. т. I, стр. 242.

² Там же, стр. 243.

³ В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении стр. 52.

⁴ М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон, т. I, стр. 243.

⁵ Там же, стр. 246.

⁶ Там же, стр. 251.

Горский брак, несмотря на реакционную и отсталую форму его заключения, не отрицал во всех без исключения случаях взаимной привязанности, семейного мира и согласия супругов. При прочих равных условиях горцы отдавали предпочтение браку по личному выбору супругов, по их взаимному тяготению и добровольному семейному союзу. Все это игнорировалось в том случае, когда брак заключался против воли родителей и вступал в противоречие с господствующими нравственными установлениями общества, к каковым относились, например, строгая экзогамия, сословная исключительность и т. п. Здесь отмечалось характерное противоречие между родительскими чувствами и общественным долгом горцев. Отец всегда желал своим детям счастья и на этом основании готов был согласиться с их выбором, но в то же время он нес ответственность перед обществом за поступки детей и стремился придать их выбору «благопристойную» форму. Так, нередко сам родитель мог бы и пойти на смешение сословий, т. е. на брак дочери или сына с представителями низших сословий, если бы они были привязаны друг к другу, но он думал и о том, что скажут на это люди, и в первую очередь родственники и почетные лица, которые не обременялись родительскими чувствами, а рассматривали брак только с точки зрения общественных, а по существу классовых интересов. Исходя из этих соображений, отец шел на запрещение «неравного» брака. Не последнюю роль здесь играли, конечно, и соображения о материальном и ином благополучии детей.

О признании и культивировании духовной близости молодых людей, о развитии у них чувства взаимной привязанности и личного выбора говорит относительно свободное положение девушек по сравнению с замужними горянками. Например, В. М. Сысоев, отмечая затворнический образ жизни женщин, в то же время писал: «Девушки, напротив, пользуются большей свободой. Для девушки не считается предосудительным быть в обществе холостых людей или посещать знакомых, участвовать в танцах, пении и др. публичных увеселениях, на свадьбах и т. п. Во время этих увеселений, когда девушки пользуются большей свободой, замужние женщины стоят где-либо в стороне, прижавшись друг к другу, и украдкой посматривают на веселящихся»¹. В этих условиях несмотря на строгие нравы, девушкам и юношам предоставлялась широкая возможность познавать друг

¹ В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении, стр. 51.

друга, встречаться, объясняться в чувствах, договориться о семейной жизни, т. е. создавать предпосылки духовной близости и нравственности будущей семьи. Конечно, всего этого было крайне недостаточно для эмансипации брака, для предоставления полной свободы выбора и личной независимости молодых людей, особенно девушек, в решении вопроса о брачном союзе, но большего требовать от горской среды на том уровне исторического развития было нельзя.

Горский быт еще в сильной степени был подвержен влиянию пережитков общинно-родового строя и патриархального образа жизни. Поэтому брак рассматривался, главным образом, как средство укрепления рода, патриархальной семьи, а не как форма устройства личной жизни индивидов. В связи с этим он и подпадал под безраздельное господство общества, которое осуществлялось силой общественного мнения и родительской властью.

Такое положение брака вынуждало поддерживать культ мужчины и бесправие женщины. Когда-то родовое общество принимало все меры к размножению и укреплению рода. В этих условиях важнейшая роль принадлежала женщинам, которые воспроизводили род, остро нуждавшийся в работниках, воинах, кровно преданных ему. Последнее вместе с заботой о сохранении и ограждении семейной собственности от внешнего отчуждения обуславливало соблюдение чистоты рода, недопущение чужой крови, предрасположенной к измене роду и тяготеющей к своей родовой основе. Поэтому родовое общество, вынужденное строго оберегать чистоту своей крови, предписывало женщине затворнический образ жизни, соблюдало ее целомудрие и половую неприкосновенность. О силе этого общественного предписания свидетельствует факт, приводимый М. Амировым. «Если жених, — писал он о дагестанских горцах, — найдет, что «честь невесты запятнана», то он сейчас же возвещает об этом выстрелом из пистолета. Тогда родители спешат увести свою опозоренную дочь домой, и кинжал отца или брата редко щадит ее»¹. Охрана родовой принадлежности материнства совершенно естественно возлагалась на мужчин. Это вместе с экономическим господством мужского пола сильно возвышало его над женским полом, что становилось неизбежным условием подпадения женщин под власть мужчин. Отсюда вытекало неравноправное и унижительное положение женщин, пренебрежительное отношение к ним.

¹ М. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана, стр. 32.

Пренебрежительное отношение к женщинам ярко обнаружилось, например, в том предпочтении, которое отдавалось рождению мальчика перед рождением девочки. По этому поводу М. Ковалевский отмечал, что горцы в рождении детей вообще видят величайшее счастье, но не девочек, а мальчиков они желают невестке, девять мальчиков и одну девочку¹.

Предпочтение мальчикам перед девочками отдавалось в силу той же традиции размножения и укрепления рода, которая во многом уже стала предрассудком, но прочно удерживалась ввиду хозяйственной и общественной роли мужчин. Продолжателем рода, а точнее, семьи и фамилии, хранителем семейного богатства считался сын, а не дочь. Дочь со временем уходила из семьи и отношение к ней, кроме естественных родительских чувств, определялось соображениями об использовании ее до замужества в домашнем хозяйстве и получении за нее калыма.

Сила данной традиции была столь велика, что она порождала резкие отклонения от основных правил горских брачно-семейных отношений. К ним относился, например, левират. Несмотря на то, что сноха — жена брата — рассматривалась как родная сестра и само помышление о половой связи с нею считалось смертным грехом, горцы нередко прибегали к женитьбе на овдовевшей снохе, если у нее имелись к тому же дети. Это делалось под предлогом не осиротить племянников, а действительной причиной имело заботу о неразделении семейного имущества и о сохранении членов семьи, особенно мужского пола. Кроме того, М. Ковалевский применительно к осетинам отмечает случаи ссужения жен родственникам бесплодными мужьями, чтобы не остаться без детей, без наследников и хранителей имени и памяти усопшего предка. Он же отмечает и ряд других, вынужденных этим условием извращений традиционных горских брачно-семейных отношений. «...Все средства, — писал М. Ковалевский, — считаются дозволенными для того, чтобы избежать величайшего бедствия, которое только может грозить человеку, — отсутствия потомков, а следовательно, и продолжателей семейного культа»².

Пережитком общинно-родового строя был и обычай умыкания невест. В то время этот обычай был оправдан не только господством экзогамии, но и изолированностью родов. Не каждый

¹ М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон, т. I. стр. 275.

² М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон, т. I, 301.

род выражал согласие породниться с другим родом, тогда пылким женихам не оставалось иного выхода, кроме умыкания невест. В рассматриваемый нами период этих условий уже не было, ибо невесту можно было найти не только в соседнем селеении, но и в своем, и даже не только в соседнем квартале, но и в соседнем доме. Родовая изолированность и исключительность давно были преодолены достигнутым уровнем развития экономических и социальных отношений. Но обычай умыкания невест сохранился. Он был одним из неприглядных выражений мужского произвола и бесправия женщин. Обычно женихи силой выкрадывали девушек, увозили их в неизвестные места и ставили их самих и родителей перед совершившимся фактом. После этого им ничего не оставалось, кроме как примириться со столь значительным фактом и согласиться на насильственный брак. Половая обесчещенность считалась величайшим позором не только для девушки, но и для всей семьи. А если считать, что главным было это последнее, то родственники не оказывали большого рвения в преследовании умыкателя, тем более, что он мог оказаться хорошим зятем, если не хорошим мужем, что не имело существенного значения.

Это были крайние формы умыкания, которых становилось все меньше и меньше в результате общего развития и воздействия русского гражданского правопорядка. Больше встречались случаи условного умыкания девушек. Они имели место тогда, когда родители девушки не давали согласия на брак. В этом случае жених и невеста по обоюдной договоренности устраивали формальное похищение с тем, чтобы снять с девушки ответственность заслушание родителей и представить дело так, будто она не виновата в случившемся. Нередко прибегали к такому умыканию и с молчаливого согласия родителей, чтобы снять с них ответственность перед родичами за допущенный без их, якобы, ведома поступок дочери. Так или иначе здесь имело место отмирание старого злостного обычая, а осторожные маневры его преодоления свидетельствуют об исключительной сложности стихийного отмирания пережитков прошлого, связанных сотнями нитей с живой действительностью и опирающихся на основные нравственные нормы горского общества.

Таким образом, в целом к женщине, как это отмечалось вначале, относились пренебрежительно. Но это не означает, что они не пользовались уважением. Отношение к женщинам опосредовалось всеми другими общественными и, в частности, нравст-

венными отношениями и поэтому рассматривалось с разных сторон, с противоречивых позиций. Если с точки зрения пола к женщинам относились пренебрежительно, то с точки зрения родственных связей — с уважением. Таково было отношение к женщине, с одной стороны, как к жене, с другой — как к сестре. Далее, если с точки зрения общественных дел к женщине относились с пренебрежением, то с точки зрения возраста, уважения старшинства — с почтением и уважением. Если к ней, как к женщине, относились пренебрежительно, то как к труженице — с уважением. Точно так же, если к женщине как к члену семьи относились пренебрежительно, то как к домашней хозяйке — с уважением. Или, если к женскому полу при рождении девочки относились с пренебрежением, то к женщине, как к матери, относились с уважением. Наконец, если к женщине с точки зрения ее общественного положения относились пренебрежительно, то с точки зрения личных чувств — относились с уважением и любовью и т. д. и т. п. Следовательно, отношение к женщине было противоречивым. К ней относились и с пренебрежением, и с уважением. Но поскольку главным было общественное положение женщины, т. е. степень ее участия в решении общественных дел, или, иначе говоря, политическое положение женщины, которое было несправедливым, дискриминированным, то в целом к ней относились пренебрежительно.

Однако сила такого отношения в связи с отмеченными противоречиями была неравномерной в разных условиях и у разных народов.

Степень социального развития по общему правилу определяла и степень эмансипации женщины. В связи с этим развитие капиталистических отношений в горской среде вырабатывало на объективной основе предпосылки относительной свободы женщины от патриархального закрепощения. Распространение и углубление товарно-денежных отношений, расширение спроса на изделия женского домашнего труда из шерсти и иного сельскохозяйственного сырья: бурки, башлыки, паласы, сукно, сафьян, пряжи, молочные продукты и т. д. — вело к усилению хозяйственно-экономической роли женщины, к необходимости конкретно участвовать в товарно-денежных отношениях, т. е. производить товарную продукцию, приобретать сырье, выносить товар на рынок, продавать-покупать и т. п. Все это вело к неуклонному освобождению женщины от затворнического образа жизни, к становлению ее как личности, как субъекта гражданских от-

ношений. Эти сдвиги применительно к карачаевцам отмечал, например, Н. Иваненков. Он писал: «Женщины относительно своих мужей и вообще мужчин не свободны. Но теперь женщины любят ходить на базар: судят, рядят. Мужчины по этому поводу говорят, что изменились их женщины против прежнего. Пошатнулись древние нравы»¹.

Характерной особенностью горской этнической психологии, относящейся к взаимоотношениям в семье, было суровое, сдержанное проявление родительских чувств к детям. Считалось неприличным, если отец с нежностью обращался к детям, если мать в присутствии родичей мужа или своих родителей и родственников ласкала ребенка. Родители, особенно отец, должны были вести себя с детьми так, будто они их не замечают, будто это не их дети.

Такое отношение само по себе было, конечно, несуразным. Но оно отнюдь не лишало детей человеческой ласки, хотя в значительной степени лишало их ласки родительской. Выше уже приводилось свидетельство о том, что горцы считали величайшим счастьем иметь детей, с огромной любовью относились к детям. Эту любовь проявляли внешне обычно не сами родители, а бабушки и дедушки, тети и дяди. Для них общественное мнение не предусматривало почти никаких ограничений. Эти лица могли проявлять любую нежность и ласку к своим внукам и племянникам. Отец и мать обычно стыдились присутствия своих детей, стеснялись, если их хвалили.

Об этом писал, например, М. Ковалевский. Говоря, что ласкать детей у горцев, особенно при посторонних, считается верхом неприличия, он отмечал: «Некоторые директора гимназий передавали мне на этот счет в высшей степени интересные подробности. Они приглашали подчас родителей присутствовать на раздаче наград их детям, и что же оказывалось: приглашенные не только не высказывали им за то своей признательности, но, явившись на совет, часто обнаруживали признаки нетерпения каждый раз, когда в их присутствии открыто называли того или иного ребенка их сыном»². Это же отмечал и М. Амиров. Он писал, что, возвратившись после длительной побывки на учебе в родной аул, он встретился с горячо любящим его отцом, но

¹ Н. Иваненков. Карачаевцы. Известия общества любителей изучения Кубанской области, 1912, стр. 20.

² М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон, т. I, стр. 293.

тот не показал и намека радости, не допустил никакой фамильярности при встрече, будто сын вовсе никуда не уезжал. О сдержанности семейно-родительских, а также супружеских чувств писал и В. М. Сысоев. «Супружеская нежность, — отмечал он, — в присутствии посторонних составляет верх неприличия. Точно так же считается предосудительным, если отец ласкает своих детей, так как нежность есть достояние женщин, и, следовательно, уход и любовь к детям всецело принадлежит их матери. Отец обязан давать средства для поддержания семьи, заботиться о размножении своих стад, мать — смотреть за домом ухаживать за детьми»¹.

Надо сказать, что автор, в целом правильно представив форму обычая, в то же время допустил существенные неточности и ошибки. Во-первых, сдержанность в проявлении родительских чувств была обязательной не только для мужчин, но и в такой же почти степени для женщин. Во-вторых, она вытекала не из разделения труда по полу и семейных функций мужчины и женщины, ибо в этом случае разрешалось бы ласкать, если не девочек, то по крайней мере мальчиков, а из действия пережитков общинно-родового строя, культивировавших прочность кровно-родственных связей, уважение родителей и старших, а в целом поддерживавших родовой культ. Мужчина не ласкал своих детей не потому, что это было делом женщины и, следовательно, унижительным занятием для него, а потому, что так в свое время велел роди эта традиция до того времени не была изжита. Каждый новорожденный принадлежал прежде всего роду, а потом уже семье, родителям. И если отец станет ласкать своего ребенка, то тем самым оскорбит род и противопоставит себя ему, вызывая намеком, что ребенок принадлежит ему, а не роду. Но поскольку никто не противопоставлял себя роду, то каждый родитель соблюдал его предписание как непреложный закон. Далее, отец, глава семьи, должен воспитывать своих детей преданными роду, должен сделать из них горячих патриотов своего рода, его защитников, достойных представителей и доблестных воинов. Поэтому предписывается не укреплять узко-семейные, только сыновние чувства, а всемерно развивать чувства широкого родства, а также не баловать детей — членов рода нежностью и лаской, а воспитывать сурово, готовя их к тревож-

¹ В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении, стр. 51.

ной, полной лишений и опасностей жизни. Отсюда стыдливое выражение родительских чувств перед посторонними, особенно родственниками, символизирующими волю рода. Это в равной степени касалось и матерей, а не только отцов, как отмечал В. М. Сысоев. Конечно, жене, как женщине и матери, делались уступки, но весьма незначительные. Более того, с принципиальных позиций к женщине подходили с еще большей строгостью, ибо она приходила из чужого рода и могла оказывать на детей инородное влияние. Этим объяснялась неограниченная власть свекрови над невесткой, приставленной к ней родом в виде блюстителя родовых порядков.

Одну из черт горской этнической психологии обуславливал обычай кровной мести, широко известный как пережиток общинно-родового строя.

Этот пережиток в горской среде еще сильно действовал и являлся буквально бичом этнической жизни горцев. Ни одна кровная обида не оставалась не отмщенной, за исключением тех редких случаев когда старейшины фамилий и семей ценой огромных усилий и взаимных уступок предотвращали взаимное истребление целых поколений молодых мужчин.

Несмотря на суровые меры борьбы, которые использовали против этого зла горские общества, изгоняя кровников из селений, проклиная их и подвергая другим видам наказания, кровная месть продолжала действовать и наносить свой кровавый вред.

О силе этого обычая, о его глубоких корнях свидетельствует факт, который приводил А. Г. Васильев. Говоря, что обычай кровной мести, раньше свирепствовавший у кази-кумухцев, сохранился и теперь, хотя и в ослабленном виде, А. Т. Васильев описывал весьма показательный случай. Один кази-кумух поклялся, что не вернется в родной аул, пока не найдет в Чечне оставшихся неизвестными убийц своего брата и не отомстит за него. Если ему удастся это сделать, то в благодарность богу пойдет пешком в Мекку молиться. С этой клятвой он оставил семью, сел на коня и уехал в Чечню. В бесконечных поисках, в нужде и страданиях провел он 15 лет. Наконец нашел убийцу, отомстил за брата и благополучно вернулся домой. После этого, как поклялся 15 лет назад, он пешком пошел в Мекку и там остался дожидать свои дни¹.

¹ А. Т. Васильев. Кази-Кумухцы, стр. 94—95.

Можно себе представить силу обычая кровомщения и клятводержания у горцев, если человек, одержимый одним чувством. всю свою жизнь посвятил только тому, чтобы добиться отмщения и быть верным клятве.

Возникнув в древности как обычай кровомщения и сохранив свою силу, эта черта в условиях социально-антагонистического общества развилась в широкое социально-психологическое чувство, выражавшее эмоциональную реакцию людей на социальную несправедливость и политическое насилие. В связи с этим обычай мести только за кровь расширился до нетерпимости горцев к обиде вообще. Это отмечал, например, Коханов. Говоря о распространенности обычая кровной мести у горцев Терской области, согласно которого за обиду или убийство должны мстить все родственники до седьмого колена, он писал: «Но независимо кровомщения туземцы мстительны вообще; ни один туземец не успокоится до тех пор, пока не отомстит за действительную или мнимую обиду, в особенности, если она нанесена туземцами же. Он мстит, не разбирая средств: убийством, поджогом строений, сена, хлеба в скирдах, скошением на полях хлеба и кукурузы до их зрелости, калечением скота — подрезанием жил у лошадей, обрезанием хвоста, наконец, ложными доносами и обвинениями в разных преступлениях»¹.

Мстительность непременно предполагала обиду и, являясь обычным средством ее возмещения, порождала нетерпимость к ней. Раз полагалось мстить, то, значит, полагалось не терпеть никакой обиды. Это общее правило, внушавшееся прямо и косвенно горцам с малых лет и из поколения в поколение, превращалось в неосознанную психологическую установку, в иррациональную функцию, проявляющуюся во вне, если не актом мщения, то обязательно раздражительностью, вспыльчивостью, горячностью, пылкостью и т. п. по самым мелким поводам. Эти черты горского характера применительно к кази-кумухцам отмечал А. Т. Васильев. «Казии-кумухцы, — писал он, — в высшей степени раздражительны, вспыльчивы и не могут похвалиться терпением. Всякое, даже ничтожное, оскорбление вызывает в душе кази-кумухца целую бурю негодования и желание во что бы то ни стало отомстить противнику, чтобы смыть с себя пятно позора»².

¹ ЦГВИА, ф. 330 св. 2542, д. 72, ч. I, л. 10.

² А. Т. Васильев. Казии-Кумухцы, стр. 64.

Вместе с тем, он же, как и многие другие авторы, отмечал сострадательность, благодушие, доброжелательность горцев, воспитанные лучшими народными обычаями и традициями. «При всей своей горячности темперамента, — писал А. Т. Васильев, — кази-кумухцы сострадательны. Чувство сострадания простирается у них не только на близких людей: родственников, друзей, — но и на посторонних, даже своих врагов»¹. Во многих случаях отмечались доброта и приветливость горцев. Об этом применительно к карачаевцам писал В. М. Сысоев: «Карачаевцы добры и приветливы, готовы делиться с другими всем, что есть»². Благонаравие и умиротворенность применительно к осетинам, кумыкам и особенно к кабардинцам, отмечал Щербов-Нефедович. «По заявлению местных властей, — писал он, — кабардинцы и осетины живут довольно спокойно, и у них сравнительно редко случаются преступления, в особенности у кабардинцев, которых по благонаравию ставят в пример прочему населению; мирно живут также «кумыки»³. Относительно чеченцев и ингушей, для которых Щербов-Нефедович делал исключение из этого правила, он писал: «...Но вместе с тем, они обладают бойким умом, очень гостеприимны, почтительны к старшим и весьма умеренны в жизненных требованиях»⁴. Говоря о горцах Кубанской области, Щербов-Нефедович отмечал, что они живут мирно и спокойно, все больше отказываются от своих воинственных и «хищнических» нравов, поддаются влиянию русской культуры⁵.

В большинстве случаев отмечались любознательность, восприимчивость, тяга к новому, к культуре, к знаниям, к образованию и т. д. всех горских народов. Сколько ни упрекали, например, чеченцев и ингушей в «жестокости нравов», в «отсталости и невежестве», тем не менее, многие наблюдатели оставили о них весьма лестные отзывы. «Из числа населяющих горы племен, — писал, например, Швецов, — замечательные есть по духу храбрости чеченцы... Если этот народ не соответствует сейчас нашему ожиданию, то потому только, что частные чиновники, приставленные к ним и занимающие столь важные места, не одарены нужными к тому способностями и мало или совсем не входят в

¹ А. Т. Васильев. Кази-Кумухцы, стр. 65.

² В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях, стр. 50.

³ ЦГВИА, ф. 330, св. 2542, д. 72, ч. I, л. 83.

⁴ ЦГВИА, ф. 330, св. 2542, д. 72, ч. I, л. 83.

⁵ Там же, л. 82.

подробность характера народного с тем, чтобы познавать его недостатки, искоренять дурные наклонности и направлять к полезным занятиям мерами, не противными общему порядку «Сколько горец ни прост в понятиях к снисканию лучшего, благородного средства упрочить свое состояние, но он одарен от природы чистым, здравым рассудком. Этот народ неутомим, если уверится в средствах, указанных ему существенным образом»¹.

Способность и тягу к образованию горцев применительно к кази-кумухцам отмечал и А. Т. Васильев. Он писал: «При более нормальной постановке дела обучение могло бы вообще давать хорошие результаты, потому что кази-кумухцы — народ вообще способный и, кроме того, наблюдательность и сообразительность у них довольно развита... Из всех душевных способностей у них особенно развита память. Имея в виду такие способности и качества кази-кумухцев, их терпение при изучении арабского языка, корана, шариата, астрономии и т. п. и любознательность, можно смело утверждать, что народ этот, при разумной и правильной постановке у них школьного дела, быстро двинулся бы по пути прогресса»².

Такого рода замечаний приводилось немало. Они свидетельствовали о том, что у горцев, как и у других народов, имелись достаточно сильные естественные предпосылки для проявления интеллекта и культурного развития. Но условий для этого у них почти не имелось никаких. Сколько ни стремилось горское население к образованию, сколько ни составлялось прошений об открытии достаточного количества школ, царское правительство не шло на внедрение образования в горскую среду и не выделяло для этого необходимых средств.

Так, отмечая тягу горцев к образованию, начальник Кубанской области Малама в 1902 г. писал, что «многое уже сделано по инициативе самих же горских¹ обществ, давно сознавших пользу просвещения, как средства борьбы с осложнившимися жизненными условиями, и приносящих на это дело крупные жертвы»³. Эту же мысль выражали отставные генерал-лейтенант Шипшев и полковник Куденетов, кабардинцы по национальности, когда писали, что «средства на это дело, если не от-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6457, лл. 7—15.

² А. Т. Васильев. Кази-Кумуццы, стр. 86.

³ ЦГВИА, ф. 330, о. 69, ед. хр. 93, л. 38.

пустит казна, найдут сельские общества, только разрешили бы открыть школы»¹.

Подобные прошения горцев были далеко не редкостью и заключали в себе настойчивое стремление наладить школьное образование в горской среде. Шипшев и Куденетов отмечали, что «до сего времени не имеет доступа до школьного образования даже 24-я часть одного процента всего двухмиллионного горского населения»². По этому поводу в рапорте исполняющего должность начальника штаба Кавказского округа указывалось, что на 1902 г. в 52 горских селениях Кубанской области и в 434 горских селениях Терской области еще нет школ³. Это означало, что их не было в абсолютном большинстве горских аулов.

Поэтому Кавказ, и особенно Северный Кавказ, был одним из безграмотных краев. По уровню народного образования на 1910 г., исключая Сибирь и Туркестан, Северный Кавказ занимал последнее место в России. В числе 44 Европейских стран Кавказ занимал 39 место. Он отставал от Болгарии в 5 раз, от Португалии — в 3 раза, от Турции — в 2 раза. В среднем по всему Кавказу 3/4 детей оставалось за порогом школы⁴.

Все это свидетельствует о том, что народное образование оставалось нерешенной задачей всей дореволюционной истории горских народов Северного Кавказа. Эта задача со всей глубиной и далеко идущими последствиями была решена социализмом в ходе выполнения ленинского плана культурной революции. Тем самым был сделан решительный шаг в преодолении вековой отсталости, в искоренении безграмотности, в приобщении горцев к высотам современной культуры и цивилизации.

* * *

Таким образом, мы рассмотрели дореволюционные черты этнической психологии народов Северного Кавказа. Разумеется, все многообразие элементов, весь колорит национальных чувств родственных народов целого этнического региона охватить было невозможно. Это связано, во-первых, с неисчерпаемостью свойств этнической психологии не только группы, но и одного

¹ ЦГВИА, ф. 330.

² Там же, л. 5.

³ Там же, ед. хр. 93, л. 39—40.

⁴ С. Фарфоровский. Русская школа на Кавказе. Народное образование в Кавказском учебном округе. Журнал министерства народного просвещения, 1911, стр. 168—169.

народа, во-вторых, с трудностями восстановления этнопсихологической картины прошлого, в-третьих, с недостаточной разработанностью предмета и метода этнопсихологической науки.

Как справедливо отмечал советский этнопсихолог 20-х годов Г. Шпет, «этническая психология располагает необъятным материалом, но отличается большой неясностью в определении своих задач и в установлении собственного предмета»¹.

Тем не менее, была предпринята попытка определить характерные черты горской этнической психологии, систематизировать их и обобщить в свете марксистско-ленинского понимания природы и свойств национальной психологии. Дальнейшее исследование покажет, какие сдвиги произошли в горской этнической психологии на основе социалистических преобразований в нашей стране.

О ПРИРОДЕ ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ

Задачи интернационального воспитания трудящихся неизменно стоят в центре внимания воспитательной работы партии. В отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС Л. И. Брежнев указывал: «Партия и впредь будет воспитывать всех трудящихся в духе социалистического интернационализма, неприимости к проявлениям национализма и шовинизма, национальной ограниченности и кичливости в какой бы то ни было форме, в духе глубокого уважения ко всем нациям и народам»².

Воспитательная работа требует изучения ряда актуальных вопросов. В этой связи нам представляется целесообразным рассмотреть вопрос о природе, сущности этнических предрассудков, или иначе — национальных предрассудков.

1. К МЕТОДОЛОГИИ ВОПРОСА

В основу диалектико-материалистического понимания природы национальных предрассудков положены теоретические и методологические указания классиков марксизма-ленинизма.

¹ Г. Шпет. Введение в этническую психологию. Вып. I, М., 1927, стр. 15.

² Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Материалы XXIV съезда КПСС. Изд. полит. литер., М., 1971, стр. 76.

В данном случае мы исходим из известного замечания Ф. Энгельса, сделанного им в свое время в адрес английских рабочих: «Я с величайшим удовлетворением убедился в том, что вы свободны от национальных предрассудков и национального тщеславия, этих пагубных чувств, которые являются в конце концов лишь эгоизмом в крупном масштабе»¹.

Как видно, Ф. Энгельс выделяет следующие характерные признаки национальных предрассудков: во-первых, указывает, что пролетариат способен стать свободным от национальных предрассудков; во-вторых, связывает их с национальным тщеславием; в-третьих, подчеркивает чувственный, психологический характер предрассудков; в-четвертых, отмечает их общественный вред; в-пятых, обращает внимание на то, что они в итоге являются лишь выражением индивидуальных эгоистических чувств и настроений людей.

Данное замечание имеет важное методологическое значение. Важнейшее значение имеет, в частности, замечание Ф. Энгельса о том, что рабочий класс Великобритании оказался свободным от национальных предрассудков и национального тщеславия. Рассмотрим это замечание применительно к одному из коренных, имеющих важное идеологическое и методологическое значение вопросов данной темы, а именно: к вопросу о возникновении национальных предрассудков².

Методологическая концепция диалектического материализма в вопросе о возникновении национальных предрассудков предусматривает принципиальное различие, нетождественность между понятиями возникновения и проявления предубеждений. Наоборот, методологическая позиция идеализма исходит из тождества этих понятий. С точки зрения современных буржуазных ученых, возникновение национальных предрассудков надо рассматривать как конкретное проявление отдельных фактов этих предрассудков. Так можно думать, по крайней мере, исходя из них представления о том, что

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 236.

² Важное идеологическое и методологическое значение данного вопроса объясняется тем, что вокруг него сосредотачивается теоретический спор о том, какова природа национальных предрассудков вообще и национальных предрассудков, проявляющихся в условиях социализма, в частности. Ниже будет рассмотрен пример конкретного содержания такого спора.

национальные предрассудки непрерывно возникают до тех пор, пока проявляются¹.

Однако в этом нельзя не усмотреть серьезного теоретического упущения. Подобный практицизм, свойственный позитивизму, может соответствовать действительности антагонистических национальных отношений, ибо проявление национальных предрассудков в сознании и поведении людей в условиях капитализма есть прямое отражение экономических условий жизни буржуазного общества. Но принципиально эта точка зрения не верна, ибо опыт СССР и других стран социалистического лагеря показывает, что национальные предрассудки могут не возникать, но проявляться, сохраняясь пережитками прошлого в сознании людей.

Теоретическая несостоятельность методологической позиции буржуазных авторов заключается в том, что отождествление этих разных социологических понятий уже само по себе отвлекает внимание разных исследователей от необходимости по-разному подходить к изучению национальных предрассудков, проявляющихся в неодинаковых социальных условиях. С этой точки зрения легко внушить, что предрассудки возникают сами по себе в сознании людей независимо от их общественных или, во всяком случае, от материальных условий жизни. Если они возникают каждый раз тогда, когда проявляются, а проявляются предрассудки всегда по личным психологическим мотивам, то можно думать, что возникновение последних имеет только индивидуальную обусловленность, что природа предрассудков субъективна. На этом методологическом заблуждении относительно природы и сущности, причин возникновения и проявления национальных предрассудков основан далеко идущий вывод о том, что их возникновение имеет место и в условиях социализма.

Однако в условиях социализма национальные предрассудки возникать не могут. Это положение имеет принципиальный смысл, ибо вытекает из того коренного условия, что социалистическое общество освобождается от предрассудков уже в своих исторических предпосылках, находящихся еще в лоне буржуазного общества. Вот почему замечание Ф. Энгельса имеет важное методологическое значение.

¹ Данный вывод сделан из анализа работ буржуазных авторов, помещенных в сборнике «Расовая проблема и общества», изд-во «ИЛ», М., 1957.

Разумеется, это замечание фактически распространяется на весь пролетариат вообще. Раз так, то из этого следует два важнейших вывода: если рабочий класс, являясь основным носителем политических предпосылок социализма, способен быть свободным от национальных предрассудков еще в условиях буржуазного общества, то, во-первых, возникновение этих предрассудков надо рассматривать вне места и роли в этом обществе пролетариата; во-вторых, тем более возникновение национальных предрассудков в условиях политического господства пролетариата, то есть в условиях социализма, не может иметь места. «...Пролетарии в массе,—указывают основоположники марксизма,—уже в силу своей природы свободны от национальных предрассудков, и все их духовное развитие и движение по существу гуманистично и антинационалистично. Только пролетарии способны уничтожить национальную обособленность, только пробуждающийся пролетариат может установить братство между различными нациями»¹.

Между тем национальные предрассудки проявляются и в условиях социализма. Но значит ли это, что и теперь они продолжают возникать?

Возникновение национальных предрассудков не тождественно их проявлению. Существенное различие между этими понятиями методологически усматривается в том, что если возникают предрассудки объективно, т. е. формируются на основе определенных материальных отношений как целостное, относительно самостоятельное идеологическое и этическое явление, то проявляются всегда субъективно, вызываясь индивидуальными психологическими мотивами людей. Поэтому проявление национальных предрассудков, функционирующих в социалистическом обществе, нельзя рассматривать как их возникновение и тем самым проводить знак равенства между их действительной сущностью и субъективным пережиточным свойством.

2. К КРИТИКЕ БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ ПРЕДРАССУДКОВ

Методологические заблуждения буржуазных авторов определяют научную несостоятельность их теоретических взглядов на природу предрассудков. В качестве примера таких оши-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. II, стр. 590.

бочных взглядов можно привести работу французского социолога Арнольда Роуза «Происхождение предрассудков»¹.

Наибольший интерес для нас представляет заключительный вывод Роуза, подводящий итог всему исследованию. «Если в каждой стране,— пишет он,— образуется хотя бы даже немногочисленная группа людей, которая поведет борьбу с этим страшным бичем цивилизации, поставленная цель, несомненно, будет достигнута»². Автор имеет в виду полное и окончательное преодоление национальных и расовых предрассудков. Выше отмечалось, что буржуазные социологи не видят разницы между проявлением предрассудков в странах капитализма и в странах социализма. Вывод Роуза подтверждает это замечание. Он не делает специальных исключений для СССР и других социалистических стран. А между тем обращение к опыту СССР помогло бы буржуазным ученым воздержаться от ошибочных и бесполезных рекомендаций.

В условиях СССР национальные предрассудки действительно отмирают. Об этом свидетельствует, в частности, забвение в памяти советских граждан и особенно подрастающего поколения их символических обозначений, различных прозвищ и названий³.

Однако это еще не говорит о том, что устранить национальные предрассудки из жизни общества так легко, как это представляют себе некоторые исследователи за рубежом. Напротив, история свидетельствует о том, что общество несет

¹ Расовая проблема и общество. Сборник статей. М., изд-во «ИЛ», 1957.

² Там же, стр. 298.

³ Характерны в этом отношении результаты проведенного Институтом общественного мнения при редакции газеты «Комсомольская правда» опроса детей школьного возраста на предмет изучения вопроса о сохранении и передаче новым поколениям социально-исторического смысла некоторых устаревших понятий. Среди многих слов, свое понимание которых должны были высказать ученики, были заданы и слова: «хохол» и «кацап». Ответы школьников выражены следующим образом: «Кацап — это ногти у зверей, которые все цапают»; «Кацап — это человек, который все цапает, когда никого нет»; «Хохол — это прическа, которую делают девушки» и т. д. Можно, конечно, по-разному понимать ответы школьников. Однако, на наш взгляд, возраст опрошенных несколько не снижает эффективности опроса, ибо детской наивности, которая, естественно, не могла здесь не проявиться, сопутствует детская же непосредственность. «Комсомольская правда», 1964, 2 августа.

на себе этот моральный порок неслучаной, и так просто, без революционных перемен коренных экономических и социально-политических условий жизни народов избавиться от него не может.

Социалистические преобразования условий жизни советских народов, богатейшая и чрезвычайно многообразная практика КПСС и советской общественности (не в пример, конечно, роузовским «хотя бы немногочисленным группам людей») по интернациональному воспитанию трудящихся убедительно доказывают, что предрассудки не вечны и в условиях социализма успешно могут быть преодолены.

Вывод же Роуза неубедителен, ибо он вытекает из ошибочных теорий, объясняющих природу предрассудков только с психологической стороны. Он приводит ряд таких теорий. «Согласно одной из этих теорий у нас инстинктивно возникают предубеждения по отношению к людям, не похожим на нас: иначе говоря, нам свойственно то, что можно назвать «боязную различий». «Другая теория,— указывает Роуз,— также в основном ошибочная, считает, что предрассудки формируются у тех, кто имеет основания быть недовольным людьми, принадлежащими к меньшинству»¹.

Роуз убедительно опровергает эти теории, считая, что они не выдерживают критики. Но характерно в данном случае то, что, выражая неудовлетворение по поводу этих теорий, он и сам прибегает к одной из них: «Одно из лучших объяснений природы предрассудков дает теория «агрессивности в результате неосуществленности чаяний, или в просторечии теория «козла отпущения», основывающаяся на большом количестве научных наблюдений»².

Можно соглашаться и не соглашаться с научной достоверностью подобного символического обозначения психологии предрассудков. Возможно, позитивное наблюдение конкретных фактов их проявления и дало такой результат. Однако все эти теории, несмотря на определенный интерес, до конца еще не объясняют природу предрассудков. Как можно, например, с помощью психологических теорий объяснить возникновение предрассудков у такого лица, как то, о котором пишет сам

¹ Расовая проблема и общество, стр. 287.

² Там же

Роуз: «Один молодой человек, подвергнутый испытанию с целью выявить его антисемитизм, сделал такое характерное признание: «Я ничего не имею ни за, ни против евреев (испытание показало, что он действительно не был антисемитом), но я стараюсь получить работу в банке, и поскольку мои патроны — антисемиты, я тоже стану им, чтобы преуспеть»¹.

Тут национальная неприязнь и выражающие ее предрассудки сами говорят за себя, их социальная природа настолько ярко обнаружена, что не составляет труда понять, что дело далеко не в психологии предрассудков, а в тех социальных условиях капитализма, которые с необходимостью порождают национальную неприязнь и формируют соответствующую ей психологию.

Между тем, социальная сущность национальных предрассудков невольно диктует сторонникам субъективистских теорий трезвый взгляд на свое действительное содержание. Так, читаем у Роуза: в «...экономической эксплуатации других народов и политическом господстве мы усмотрели причину предрассудков...»². Однако субъективизм берет все же верх и над этой, по существу, правильной точкой зрения. Что стоит, например, утверждение Роуза относительно возникновения расизма: «Расизм развился лишь в последние два столетия в результате ложного истолкования первоначальных выводов биологической науки. За пределами западных стран расизм и поныне почти неизвестен»³.

Ошибочность данного утверждения очевидна, ибо всем известно, что расизм имеет значительно более далекое прошлое, чем два столетия назад. И если он развился в последние два века, то уж, конечно, не по причине ложного истолкования открытий биологии, а в результате образования колониальной системы капитализма, которая, кстати говоря, имеет своих предшественников в лице колониальных систем прошлых завоевателей и совпадает по времени с указанным выше сроком.

Что же касается распространенности расизма, то достаточно, на наш взгляд, припомнить только несколько примеров известной всему миру расовой дискриминации, осуществляемой европейскими колонизаторами во всех концах света,

¹ Расовая проблема и общество, стр. 264.

² Там же, стр. 264.

³ Там же, стр. 271.

чтобы убедиться в том, что расизм не ограничивается пределами какой-то территории. «Варварство и бесстыдные жестокости так называемых христианских рас, — цитируется в «Капитале» К. Маркса, — совершавшиеся во всех частях света по отношению ко всем народам, которые им удавалось поработить, превосходят все ужасы, совершавшиеся в любую историческую эпоху любой расой, какой бы она ни была дикой и невежественной, безжалостной и бесстыдной»¹. Именно в этом надо усмотреть действительные причины возникновения и развития расизма, что же касается неправильного истолкования первоначальных открытий биологической науки, то вряд ли оно играло сколько-нибудь существенную роль. Об этом условии можно судить лишь как о средстве наукообразного оправдания расизма.

Однако мы уже видели, что позитивистская концепция национальной и расовой неприязни не придает должного значения объективным условиям возникновения и формирования предрассудков, а уделяет внимание главным образом субъективным факторам. Роуз, например, считает, что важнейшей из причин возникновения предрассудков является невежество: «Когда невежество играет значительную роль в возникновении предрассудков, эти последние могут быть совершенно преодолены посредством просвещения»².

Невежество, конечно, играет определенную роль в проявлении конкретных предрассудков. Но оно, на наш взгляд, никогда не может играть «значительной» роли в их возникновении. Это видно хотя бы из того, что первобытный человек был весьма невежественным, однако, расизм, по словам самого же Роуза, развился лишь в последние два столетия, т. е. в обществе просвещенных людей. Следовательно, ошибочно считать, что невежество является причиной возникновения предрассудков и что они могут быть «совершенно преодолены» путем просвещения.

Просвещение может иметь воспитательное значение только после устранения социальных корней предрассудков. Опыт истории показывает, что после революционного социалистического преобразования экономических и социально-политических условий жизни народов просвещение и воспитание являются

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 761.

² Расовая проблема и общество, стр. 269.

мощными факторами преодоления предрассудков. Иначе они оказываются бездейственными даже для самых цивилизованных расистов и националистов.

Эта истина дает о себе сильно знать и сторонникам позитивизма. Несмотря на то, что им свойственно чрезмерное увлечение субъективистскими теориями предрассудков, практика требует указания на действительные источники предубеждений. А. М. Роуз, в частности, среди восьми рекомендаций о предполагаемых путях устранения предубеждений помещает и такую рекомендацию: «Необходимо стремиться к разрешению больших социальных проблем, ибо это не только отвлечет, сознание людей от предрассудков, но и устранил некоторые из причин того недовольства, которые создают психологическую тенденцию, благоприятствующую развитию предрассудков. Самым важным в этой области является создание экономической устойчивости и обеспеченности»¹. Тем самым суждение А. М. Роуза косвенно перекликается с материалистическим взглядом на сущность предрассудков. Неслучайно Роуз вынужден заявить: «Таким образом, не так-то просто объяснить возникновение предрассудков»².

Наиболее оптимальное решение этого вопроса с помощью буржуазных теорий не выходит за пределы такого примерно тезиса: находятся, якобы, люди, которые в своих корыстных целях заведомо сеют национальную неприязнь, «невежественная» же публика воспринимает ее и разносит в виде предрассудков. Отсюда вытекает, будто социально-экономический строй капитализма не причем, в возникновении предрассудков, якобы, он никакого участия не принимает. Источник предрассудков будто бы заложен в самом человеке, в его естественной природе и не имеет объективного основания, порождающего предрассудки независимо от воли и желания людей.

Однако это предположение не выдерживает критики, так как содержит два крайне противоречивых вывода: с одной стороны получается, что предрассудки непреодолимы, поскольку источник их необъясним, как «необъясним» сам внутренний мир человека; с другой стороны,— что они легко устранимы, стоит только путем обычного просвещения рассеять туман временного заблуждения или преодолеть невежество.

¹ Расовая проблема и общество, стр. 298.

² Там же, стр. 287.

Различные варианты теоретических предположений о возможности и невозможности преодоления предрассудков говорят лишь о том, что с гносеологических позиций идеализма и на основе буржуазных теорий решить этот вопрос, поставить его на действительно научную основу невозможно.

3. О ВОЗНИКНОВЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕДРАССУДКОВ

Ключ к пониманию всех явлений общественной жизни, в том числе и национальных предрассудков, дает лишь диалектический материализм — революционное учение пролетариата.

¹Диалектический материализм противопоставляет идеализму и позитивизму марксистско-ленинский метод социально-исторического анализа. Без такого анализа невозможно, в частности, понять, как и когда возникли национальные предрассудки, какова их природа и сущность.

Происхождение национальных предрассудков связано с историей возникновения буржуазных наций. Само собой разумеется, что если они национальны, их возникновение должно быть обусловлено появлением наций, но это условие — не источник возникновения предрассудков, а скорее их формальная предпосылка, ибо известно, что появление социалистических наций никаких предрассудков не порождает. Отсюда формально следует, что возникновение национальных предрассудков должно быть отнесено к периоду возникновения буржуазных наций, и это верно по существу.

В той степени, в какой нации включены не только в социальную структуру общества, но и содержат известные продукты исторического развития вообще, они наследуют предыдущие формы исторических общностей людей. Но формирование буржуазных наций — не свободное слияние феодальных народностей и других этнических образований докапиталистической истории человечества. Напротив, это процесс в значи-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 329.

тельной степени насильственного и антагонистического объединения людей в новую историческую общность, осуществляемый через предварительное разложение донациональных форм и под сильным влиянием узурпаторских предпосылок восхождения капитализма из недр феодального строя¹. Поэтому буржуазные нации уже в своем зародыше подвержены разъедающей коррозии социально-этнических антагонизмов. В силу этого появление национальных предрассудков закономерно у истоков самих буржуазных наций.

Однако происхождение национальных предрассудков обусловлено не только появлением буржуазных наций. Известно, что неприязнь между народами, предрассудки относительно этнических и расовых особенностей людей существовали со времени господства частной собственности и до капитализма. Расоведы находят, например, зачатки расизма, возникшими не менее чем около четырех тысяч лет тому назад: «Первый намек на дискриминацию негров мы находим в надписи, начертанной на обелиске, воздвигнутом на втором водопаде Нила по приказанию фараона Сесостриса III (1887 — 1849 гг. до н. э.)»².

Социальная основа предрассудков, связанная с эксплуатацией трудящихся, угнетением и порабощением народов, осуществлением административного и духовного насилия людьми в интересах господствующих классов, присуща не только капитализму, но и другим предшествовавшим формациям. Извечным поводом для возникновения и проявления неприязни, доводящей нередко до вооруженных столкновений между народами, является, например, пограничный вопрос, нескончаемые политические трения относительно территориальных споров эксплуататоров. Известно, что первый пограничный столб, как символ искусственного размежевания народов, был установлен еще во времена Римской империи.

Многие социальные факторы капитализма, формирующие национальные и расовые предрассудки, в зародышевой фор-

¹ К. Маркс в «Капитале» воспроизводит, например, драматическую картину крушения кельтского клана под ударами бурно развивающегося английского капитализма. Лишенные последнего участка земли на песчаном побережье моря, члены клана частично вымерли, частично обратились в пролетариат. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 741—744.

² Расовая проблема и общество, стр. 201.

ме были известны еще древним рабовладельческим государствам. Само рабовладение оказалось возможным практически благодаря привлечению к принудительному труду невольников иноплеменного происхождения. Войны рабовладельческих государств велись с целью приобретения рабов, ограбления и обложения данью покоренных народов.

Очевидно, по своим захватническим целям, если не по историческому, социально-политическому и экономическому характеру, они мало чем отличались от буржуазных войн. Неслучайно проповедники последних в оправдание своих преступных намерений обращаются к примеру своих воинственных предков.

Господство частной собственности, эксплуатация трудящихся, классовая борьба—эти факторы одинаково определяют сущность социальных антагонизмов, в том числе национальной неприязни, национализма и расизма во всех эксплуататорских общественно-экономических формациях: в рабовладении, феодализме и капитализме, хотя по своей экономической основе и социальной структуре они и не однотипны. Неслучайно эти формации со временем отрицают свою общность по методам эксплуатации трудящихся и в то же время возвращаются к ней по цели эксплуатации. Феодализм возник на обломках рабовладельческого строя, отвергая рабскую зависимость людей. Однако феодалы стремились удержать своих подданных в не меньшей зависимости, чем рабовладельцы своих рабов. Капитализм шел к власти под знаменем буржуазных свобод, решительно отвергая крепостную зависимость людей. Однако капиталисты удерживали и удерживают пролетариев в меньшей зависимости, чем помещики своих крепостных.

Ф. Энгельс, проводя различие между социальными фигурами пролетария, крепостного и раба, указывал, что личное положение пролетария в обществе гораздо хуже положения раба или крепостного. Если раб, указывает Ф. Энгельс, продан раз и навсегда, то пролетарий продается ежедневно и ежечасно. Раб принадлежит одному господину, которому нужен, и потому его существование более или менее обеспечено. Пролетарий не принадлежит никому отдельно, и его положение неопределенно, а существование не обеспечено. Если крепостной живет тем, что отдает сам, то пролетарий живет тем, что дают ему¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. IV, стр. 325.

Прогрессирующее освобождение личности трудящегося — от раба до пролетария — фактически означает прогрессирующее закабаление его властью имущих.

Вынужденное в силу экономической необходимости послабление политического режима эксплуатации с избытком возмещается каждый раз за счет централизации и бюрократизации государственного аппарата и особенно за счет средств экономического принуждения, идеологического и морального воздействия.

В этом смысле особая роль принадлежала религии. Религия, как учит марксизм-ленинизм, с самого начала, паразитируя на нравственных идеалах трудящегося человечества, проводила в утонченном виде политику угнетения трудящихся, ослепляя и затемняя сознание народных масс, убивая в самом зародыше их волю к борьбе за социальное освобождение.

Одна из важнейших задач религиозной идеологии состоит в разжигании национальной и расовой неприязни. При этом хорошо известно, что ни одна религия открыто не провозглашает национальную или расовую неприязнь. Однако эта неприязнь проповедуется ею под видом религиозной неприязни.

Та всеобъемлющая причина возникновения неприязни между людьми, в том числе национальной, которая лежит в основе всех эксплуататорских формаций и которая как наследие прошлого до определенного периода сохраняется в сознании членов социалистического общества, заключается, как учит марксизм-ленинизм, в том, что человек, по своей природе существо общественное, в силу господства определенных социальных отношений систематически и в продолжение веков отчуждался от своей колыбели, от общества. Будучи таким, с неотвратимостью экономического принуждения отчуждался от общества, замыкался в свой внутренний мир, вынужденный противопоставлять себя своей природе, противопоставляя своей общественности свою индивидуальность. В эпоху капитализма это вопиющее социальное противоречие, обусловившее указанное отчуждение личности, дошло до своей крайности, породив индивидуализм — нравственный принцип буржуазного общества. С победой социализма это противоречие решительно преодолевается. Индивидуализм переходит в свою обратную противоположность — коллективизм, господствующий принцип социалистической морали, обеспечивающей гармоническое сочетание в личности его общественных

и индивидуальных качеств. «Лишь тогда,— указывает К. Маркс,— когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и, в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет РОДОВЫМ СУЩЕСТВОМ; лишь тогда, когда человек познает и организует свои «собственные силы» как ОБЩЕСТВЕННЫЕ силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде ПОЛИТИЧЕСКОЙ силы,— лишь тогда свершится человеческая эмансипация»¹.

По-видимому, эту эмансипацию надо понимать и как эмансипацию от национальных предрассудков.

Таким образом, предрассудки возникают исторически, являясь психологическим отражением определенных материальных и социальных условий жизни людей. Предубеждения формируется как национальные на основе капиталистических производственных и иных общественных (национальных) отношений, поскольку нации формируются в период развития капитализма. Этими отношениями и определяется их характер.

4. О ХАРАКТЕРЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕДРАССУДКОВ

Три условия или фактора определяют характер и составляют внутреннюю структуру национальных предрассудков. В наиболее общем выражении это—социальный, национальный и психологический факторы. Природа предрассудков объясняется причинами взаимосвязи и взаимообусловленности этих факторов в сознании людей. Поэтому она рассматривается в диалектическом единстве указанных причин, формирующих национальные предрассудки как целостное социально-психологическое явление.

Рассмотрим функцию каждого из этих факторов в отдельности.

а) Социальный фактор

Решающую роль в функционировании предрассудков играет социальный фактор. Он составляет объективную основу предрассудков и определяет их возникновение и развитие.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. I, стр. 406.

Этот фактор заложен в самих буржуазных нациях, поскольку каждая из них имеет присущую капиталистической общественно-экономической формации социальную структуру. Однако национальные предрассудки проявляются лишь во внешних отношениях наций. Это связано с тем, что национальные предрассудки выражают главное внутреннее противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. В сфере национальных отношений это противоречие проявляется как противоречие между националистической политикой буржуазии и интернациональной сущностью капитала.

Капитал — «...определенное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение...» — как форма экономической организации людей не зависит от их национальных особенностей¹. Его основное назначение — это организация экономически эффективной формы общественного труда, соответствующей исторически достигнутому уровню развития производительных сил и основанной на специфически определенном для этого уровня способе производства. Эффективность измеряется нормой прибавочной стоимости или нормой эксплуатации наемного труда. Это назначение, основанное на частной собственности на орудия и средства производства, на обособлении и отчуждении орудий и средств производства от непосредственных производителей, зависит от естественной способности человека к труду, которая, как известно, свойственна людям вообще, независимо от их национальности. «...Труд... — производительная деятельность человека вообще, — указывает К. Маркс, — посредством которой он осуществляет обмен веществ с природой, не только лишенная всякой общественной формы и определенного характера, но выступающая просто в ее естественном бытии, независимо от общества, отрешенно от каких бы то ни было обществ и, как выражение жизни и утверждение жизни, общая еще для общественного человека и человека, получившего какое-либо общественное определение»².

Следовательно, труд вообще, в его абстрактном выражении — это жизненная потребность, естественная способность человека обеспечивать свое существование, хотя конкретно эта спо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XXVI, ч. 2, стр. 380.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XXV, ч. II, стр. 381—382.

способность проявляется всегда в исторически определенных общественных формах, в данном случае в форме наемного труда. Поэтому капитал, рассматриваемый как форма общественно-экономической деятельности и социальной организации людей, предполагает в корне эксплуатацию именно этой способности, независимо от ее каких бы то ни было и в частности национальных проявлений.

Отсюда — ненациональная, социально-экономическая, равная для всех народов сущность капитала, капиталистических производственных отношений, которые разделяют людей не по естественно-историческому, этническому, национальному и т. д., а по социально-историческому признаку (класовому), подчиняя ему все остальные признаки общественного разделения людей. Поэтому капитал как объективное производственное отношение игнорирует национальные признаки и ведет к организации таких социально-политических общностей, как международное единство пролетариата, с одной стороны, и, противостоящий ему мировой союз буржуазии, — с другой. Национальные признаки проявляются лишь опосредованно, через социальные факторы и подчинены им. Неслучайно Ф. Энгельс указывал: «Так как положение рабочих всех стран одинаково, так как их интересы одинаковы, враги у них одни и те же, то и бороться они должны сообща и братскому союзу буржуазии всех наций они должны противопоставить братский союз рабочих всех наций»¹.

Следовательно, общественный характер капиталистического производства обуславливает интернациональный характер капиталистических отношений, которые в свою очередь обеспечивают общественное разделение людей, но не по национальному, а по социальному признаку. Национальные особенности людей в сфере капиталистического производства существенной роли не играют: капиталисту все равно, кто на него работает — белый, желтый или черный.

Однако они приобретают весьма существенную роль в сфере капиталистического потребления. Поскольку капитал принадлежит отдельным предпринимателям и каждый капиталист стремится его расширить для себя, то в целом естественное

¹ К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 373.

движение капитала сдерживается частными интересами капиталистов. Но в связи с тем, что капитал в своей «персонифицированной» форме имеет ту или иную национальную принадлежность и эта принадлежность дискретирует его в рамках определенных национальных границ, то частный интерес капиталистов на мировой арене конкурентной борьбы вырастает до уровня национального интереса, что также сдерживает естественное движение капитала, но уже на гораздо более высоком уровне. Эта роль определяется тем, что национальные особенности способны затушевывать социальные различия людей и внушать неискушенной массе иллюзии патриотической миссии национальной буржуазии. В этом применении национальные особенности служат оправданию экспансии, с одной стороны, и ограждению от вторжения чужого капитала, с другой. В связи с этим они становятся объектом столкновения жизненных интересов капиталистов и превращаются в арену ожесточенной конкурентной борьбы.

Это положение можно проиллюстрировать на примере одного из крупнейших монопольных объединений американского империализма «Кока-кола — корпорейшн». Известно, что в годы второй мировой войны после открытия второго фронта и вторжения армии США в Европу вслед за солдатами Америки шли по Европе агенты корпорации «Кока-кола». Прохладительный напиток из-за океана поглощал в конкурентной борьбе один за другим рынки европейских стран. Корпорации было оказано серьезное сопротивление в Турции. Местные предприятия, убедившись, что экономическими методами не смогут противостоять могущественному напитку, решили прибегнуть к религиозно-национальным чувствам своих сограждан. Они пустили слух, что в кока-кола добавляется свиная кровь. Турки перестали покупать напиток. Над корпорацией нависла серьезная угроза. Весь мусульманский мир мог отказаться от употребления напитка. Но не в правилах американского империализма отказываться от миллионов. Корпорация решила во что бы то ни стало сломить сопротивление конкурентов и для этого прибегла к тем же национально-религиозным чувствам. Она добилась того, что президент Турции согласился сфотографироваться пьющим напитком с бутылкой кока-кола в руках. Эта фотография была распространена по стране в качестве рекламы. Сопротивление конкурентов было сломлено, рынок завоеван.

Очевидно, капиталистическому способу производства не безразлично, кто по национальности участвует в потреблении. в распределении прибылей, ибо национальность в буржуазном мире есть общепринятое средство отчуждения от прибылей. Здесь националистические чувства обостряются до предела, национализм, как выражение экономических интересов класса, принимает форму официальной политики. Буржуазные правительства, опираясь на правовой статус независимых национальных государств, проводят систему поощрительно-ограничительных мероприятий, с помощью которой национальная буржуазия той или иной страны регулирует внешнеполитический режим ввоза и вывоза товаров, то задерживая ввоз и ускоряя вывоз посредством ограничительных тарифов (что практикует сейчас американский империализм в отношениях с независимыми развивающимися странами), то расширяя ввоз и ограничивая вывоз посредством льготных тарифов (что практикует, например, Израиль в отношениях с США при поставках военных товаров). Эта политика, выходящая за рамки нормальных или чисто экономических взаимоотношений, проводится не только в отношениях между отдельными государствами, но и в отношениях между союзами государств или в отношениях между интернациональными монополиями объединениями. Но так или иначе здесь преследуется и официально выражается узкобуржуазная корыстная цель, которая проводится в отношениях между народами как политика буржуазного национализма. Иной эта политика быть и не может, «...ибо буржуазия каждой страны,—как указывает Ф. Энгельс,—имеет свои особые интересы, а так как эти интересы для нее превыше всего, она не способна подняться выше национальности...»¹

Следовательно, национальная политика буржуазии — это выражение ее экономических интересов на международной арене или в отношениях между нациями. Но поскольку экономические интересы буржуазии обеспечиваются самой структурой социально-экономического строя капитализма, национальный эгоизм, националистическая политика становятся неизбежным и в своей основе объективным продуктом капитализма. Отсюда и национальные предрассудки, выражающие этот эгоизм, обуславливаются объективными причинами.

1 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 2, стр. 590.

Пролетариат, трудящиеся массы капиталистического общества стоят вне экономических интересов буржуазии. Значит, они только и способны провозгласить и реально осуществить действительное интернациональное братство народов, устранить из жизни общества национальные предрассудки. «Чтобы народы могли действительно объединиться,— указывал К. Маркс.— у них должны быть общие интересы. Чтобы их интересы могли быть общими, должны быть уничтожены существующие отношения собственности, ибо существующие отношения собственности обуславливают эксплуатацию одних народов другими; в уничтожении существующих отношений собственности заинтересован только рабочий класс. Только он один и способен это сделать»¹.

Однако классовое положение трудящихся, зависимость их материальной жизни от капитала, незанятость и необеспеченность навязывают им «корыстный» интерес, который, следуя националистическим тенденциям экономических процессов, формируется в чувство национального эгоизма. Это чувство, чуждое социальной природе пролетариата, но отвечающее политическим интересам буржуазии, искусственно культивируется в сознании масс, ибо функционирование национальных предрассудков в пролетарской среде разобщает и противопоставляет их, отвлекает от классовых, революционных задач. «Политика угнетения национальностей,— писал В. И. Ленин,— есть политика разделения наций. Она вместе с тем есть политика систематического развращения народного сознания. На противопоставлении интересов различных наций, на отравлении сознания темных и забытых масс построены все расчеты черносотенцев»². Понятно поэтому, что национальные предрассудки всячески поощряются в буржуазном обществе, искусственно поддерживаются в сознании масс.

Так складываются социальные условия возникновения и функционирования национальных предрассудков или действие важнейшего фактора их социально-психологического механизма.

б) Национальный фактор

Роль этого фактора определяется только тем, что он обеспечивает реальные различия людей, по формальному поводу которых и возникает сама неприязнь. Существенна здесь не

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. III, стр. 371.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 85.

национальная особенность, а национальная принадлежность, именно то, что социально функционирует в форме узаконенного разделения людей по признаку национальности. Однако национальная принадлежность существенна потому, что она исходит из национальных особенностей:

Здесь нет никаких противоречий. Дело в том, что национальный фактор не имеет в механизме предрассудков самостоятельного значения. Это означает, что национальные особенности людей, впрочем, как и расовые особенности, сами по себе в возникновении и проявлении предрассудков никакого или почти никакого участия не принимают. Допустимо сказать, что национальные особенности на первый взгляд могут показаться странными, допустимо, что они могут вызывать любопытство сторон, но нет ответа на вопрос: почему национальные особенности людей должны обязательно вызывать неприязнь между ними? Причина национальной неприязни, как видно, не в национальных особенностях. Ведь существует ряд других предрассудков, не имеющих национальной формы, но выражающих, как и они, неприязнь между большими группами людей. Таковы, например, религиозные распри или сословные предрассудки. Они свидетельствуют о том, что национальные особенности в возникновении и функционировании предрассудков не имеют сколько-нибудь существенного значения.

Национальный фактор предрассудков подчиняется двум другим факторам — социальному и психологическому, являясь только средством их связи и взаимообусловленности. С психологической стороны необходимо различие, но с социальной стороны это различие должно обладать таким значительным качеством, как национальность.

Значение этого качества или национальной формы предрассудков определяется тем, что оно затрагивает важнейшие (материальные) интересы людей. Известно, что национальная общность, как ни одна другая историческая общность, связана с материальными отношениями общества. Она характеризуется той важнейшей особенностью, что юридически, на правах национального суверенитета закрепляет за собой определенную сумму естественных богатств земли, обладает значительными материальными и духовными ценностями, обращает тот или иной капитал — одним словом, владеет той долей мирового общественного продукта и его средств, что называется

национальным достоянием каждого народа, государства. С этим достоянием и связаны материальные интересы людей.

Но в условиях капитализма материальные интересы людей обуславливаются антагонистическим способом производства, в связи с чем вокруг этих интересов и порождается неприязнь как между отдельными людьми, так и между человеческими группами. Что касается наций, то материальные интересы людей, т. е. собственников, удовлетворяются в сфере национальных отношений путем борьбы за передел национальных богатств суверенных народов. Как известно, эта борьба порождает территориальные (локальные) или мировые империалистические войны, которые сопровождаются шовинистической пропагандой воюющих сторон. Говоря о такой пропаганде в России в период первой мировой войны, В. И. Ленин писал: «Расчет националистов откровенен и бесстыден до последней степени. Они говорят пышные слова о «святой борьбе за независимость» народов, а сами хладнокровнейшим образом играют жизнью миллионов, толкая народы на бойню ради прибылей кучки купцов и промышленников... Такую же азартную игру ведут капиталистические государства, игру кровью миллионов, посылаемых то здесь, то там на бойню ради захвата чужих земель и грабежа слабых соседей»¹.

В этом и заключается роль национальных особенностей.

в) Психологический фактор

Из рассмотренных уже пунктов можно сделать принципиальное заключение о том, что основа национальных предрассудков заключается не в самих людях, не в их конкретных восприятиях, как склонны думать те или иные буржуазные социологи, а в социальных отношениях антагонистического общества.

Но как бы глубоко не залегала объективная основа предрассудков, их конкретное проявление всегда субъективно, ибо естественным носителем предрассудков является человек с его характером, интересами, психологией.

Однако решающее значение для возникновения и функционирования национальных предрассудков имеет психология не отдельных индивидов, а групп, объединенных, в частности, общ-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 115—116.

ностью национальных признаков. Поэтому субъективную характеристику предрассудков составляет их социально-этническая психология.

Важнейшим элементом этой психологии является национальный стереотип. Это обладающий относительной самостоятельностью и длительной устойчивостью, искаженный образ национальных особенностей людей.

Важность стереотипа определяется тем, что он обеспечивает собственно психологическое качество предрассудков — предубежденность, без чего их существование невозможно, так как они и есть предубеждение. Роль его заключается в том, что, распространяясь на целые национальные общности, он подготавливает психологические мотивы противопоставления их друг другу.

Различаются два основных свойства стереотипа соответственно двум психологическим тенденциям, складывающимся из противоречивых чувств тщеславия и неприязни. Их противоречивостью обуславливается и национальная противоречивость стереотипа, поскольку тщеславие, как правило, собственно национально, а неприязнь инациональна. Соответственно с этим различаются и виды предрассудков: национальное тщеславие и национальная неприязнь.

Приведем пример национального стереотипа. Известным образцом стереотипного, тщеславно-неприязненного представления о национальных, расовых особенностях является представление о так называемой арийской расе и, в частности, о ее нордическом типе. Этому типу¹ приписывают следующие физические свойства и психические (моральные) качества: высокорослый, белокурый, голубоглазый долихоцефал, обладающий, якобы, непоколебимой твердостью характера, врожденным благородством, невозмутимой трезвостью, точным умом, способностью предвидеть, чувством независимости и обостренной ответственности, настойчивостью и упорством, суровым отношением к себе и другим, природной агрессивностью, врожденным призванием к подчинению себе других, отвращением к пустословию, ненавистью к «аморфной массе» и т. п.

На самом деле такой тип, моральный облик которого, кстати говоря, далеко небезупречен, не существует. Опыт показал, что его нет, что в действительности это только плод пустого воображения и тщеславных иллюзий ариоманов, приспособленный к идеологическим задачам империалисти-

ческой агрессии. Миф об арийском типе лопнул словно мыльный пузырь, как только стали искать живого носителя этого типа. Известно, что по приказанию кайзера Вильгельма II перед первой мировой войной составлялась расовая карта Германии, предназначенная выявить и обозначить наличие арийского контингента в населении страны. Но собранный в результате долгих лет и тщетных поисков материал не получил даже огласки, ибо выяснилось, что на всей территории Германии не нашлось ни одного человека с комплексом вышеописанных свойств и качеств.

Казалось бы, после этого стереотип должен был исчезнуть, однако он продолжал и продолжает существовать, обеспечивая функционирование реакционных национальных и расовых предрассудков. Небылицы о врожденном превосходстве арийца нордического происхождения были приняты в арсенал идеологического оружия фашизма, а теперь они имеют хождение в агрессивных кругах некоторых империалистических государств.

Таким образом, рассмотрение национальных предрассудков со всех сторон показывает, что они являются закономерным продуктом антагонистических общественных отношений капитализма. Те элементы предрассудков, которые создают видимость происхождения их из природы национальных различий или психологии людей вообще, на самом деле сами являются порождением этих отношений. Действительными мотивами предрассудков являются не произвольные чувства людей, а превращающиеся под давлением известных социальных условий в идеологические и этические формы корыстные цели и эгоистические интересы носителей предрассудков, что и отмечает Ф. Энгельс, называя их эгоизмом в крупном масштабе.

5. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДРАССУДКИ КАК ПЕРЕЖИТКИ ПРОШЛОГО В СОЗНАНИИ ЛЮДЕЙ

Выше показано, что вопрос о происхождении национальных предрассудков связан не только с социальными условиями капитализма. Однако существование предрассудков и до капитализма не означает, как это хотелось бы представить

современным проповедникам национализма и расизма, что они будут существовать и после капитализма, т. е. всегда.

С победой социалистической революции экономическая основа и социально-антагонистические корни национальных предрассудков решительно устраняются, и они начинают безвозвратно отмирать. «Победа пролетариата над буржуазией,— указывает К. Маркс,— означает вместе с тем преодоление всех национальных и промышленных конфликтов, которые в настоящее время порождают вражду между народами¹. Национальной грызне и расовой ненависти капитализма социалистическое общество противопоставляет отношения дружбы и братского сотрудничества народов. Народы социалистических стран объединены в монолитный союз в силу самой объективной необходимости социалистического интернационализма. Их объединяет общность социальных интересов, которая не только не предполагает правомерности несправедливых отношений, эксплуатации и дискриминации наций, но, наоборот, утверждает подлинное равенство и братство народов. «Будучи объединены общими идеалами построения социалистического общества и принципами социалистического интернационализма,— записано в Декларации правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами,— страны великого содружества социалистических наций могут строить свои взаимоотношения только на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга. Это не только не исключает, но, напротив того, предполагает тесное братское сотрудничество и взаимопомощь стран социалистического содружества в экономической, политической и культурной областях²».

Совершенно ясно, что в этих условиях не может быть и речи о возникновении национальной неприязни и формировании предрассудков. Однако до определенного периода, хотя и в сильно ослабленном виде, национальные предрассудки продолжают существовать и теперь. В условиях социализма эти

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. IV, стр. 371.

² Под знаменем пролетарского интернационализма. Госполитиздат, М., 1957, стр. 15.

предрассудки, лишённые своих социально-антагонистических источников, функционируют в виде пережитков прошлого в сознании людей. Суть этого положения заключается в относительной самостоятельности сознания, которая в виде пережитков прошлого проявляет свою закономерность отставания от общественного бытия. Этой закономерностью обеспечивается сохранение и передача от поколения к поколению самой натуральной формы пережитков, хотя эта форма уже не соответствует ни своему содержанию, ни психологической тенденции, а существует по устойчивой традиции, сохраняясь в сознании и поведении людей.

Однако сила предрассудков не только в традиции. Было бы противоречием марксизму-ленинизму считать, что они существуют без какой-либо опоры и связи с экономическими и социальными условиями жизни. Сохранение до определённого времени пережитков прошлого в сознании людей в условиях первой, низшей фазы коммунизма неизбежны. Неизбежно, следовательно, и сохранение этнических предубеждений. Поскольку же теперь национальный фактор утрачивает свое бывшее значение, а для функционирования предрассудков необходимо наличие реальных общественных различий людей, то таковыми могут быть соответствующие консервативному воплощению предрассудков этнические различия.

Отсюда вытекает, что характер этнических предубеждений обусловливается не типом национальных отношений, которые в отличие от капиталистических национальных отношений строятся на принципах социалистического интернационализма, а теми этническими процессами, происходящими в жизни народов СССР, которые характеризуются отмиранием консервативных и реакционных обычаев и традиций.

В частности, в условиях Северного Кавказа еще имеет место проявление национального тщеславия и неприязни в отношениях между людьми различных национальностей на почве противопоставления обычаев и традиций одних народов другим, преувеличивания прогрессивной роли некоторых положительных обычаев, ничем не обоснованного присваивания этнического богатства всех народов Северного Кавказа. С другой стороны — на почве огульного охаивания народных обычаев и традиций, непонимания или отрицания их положительной роли, шельмования, как признака неразвитости и «бескультурья» и г. п.

Все это определенным образом очерчивает границы бытового общения, разделяет людей, противопоставляет их, оказывает давление на сознание, влияет на национальные чувства. На этой почве и могут функционировать этнические предрассудки.

Партийные и общественные организации автономных республик и областей Северного Кавказа придают большое значение борьбе с национальными предрассудками, интернациональному воспитанию трудящихся.

* * *

Таким образом, национальные предрассудки, или этнические предрассудки,—это порожденные социально-антагонистическими условиями жизни, экономическими и политическими отношениями капитализма, выражающие классовые интересы эксплуататоров, враждебные социальным интересам трудящихся проявления национальной неприязни. В условиях социализма это — не имеющие социально-антагонистических корней, чуждые и враждебные социалистическому обществу, мешающие коммунистическому строительству пережитки прошлого в сознании людей.

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловие	3
С. М. АРУТЮНЯН. Социально-психологические факторы социалистических национальных отношений	5
1. Место национальной психологии в практике межнациональных отношений	5
2. Природа психического склада социалистических наций	16
3. Преодоление пережитков былой межнациональной неприязни	36
4. Формирование единых черт духовного облика социалистических наций	56
К. И. ЧОМАЕВ. Дореволюционные черты этнической психологии горских народов Северного Кавказа	85
1. Экономические черты этнической психологии горцев	86
2. Социальные черты дореволюционной этнической психологии горцев	110
3. Нравственные черты дореволюционной этнической психологии горцев	126
К. И. ЧОМАЕВ. О природе этнических предубеждений	150
1. К методологии вопроса	150
2. К критике буржуазных теорий предрассудков	153
3. О возникновении национальных предрассудков	159
4. О характере национальных предрассудков	163
5. Национальные предрассудки как пережитки прошлого в сознании людей	172

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Редактор Р. И. Чомаева
Художник Ф. И. Марков
Тех. редактор Г. М. Хомякова
Корректор Н. И. Юрасова

Сдано в набор 4-XII-1970 г.
Подписано в печать 13-XII-1972 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Физ. п. л. 11.
Усл. п. л. 10,23. Уч.-изд. л. 10.
Тираж 400 экз. Заказ № 5702.
ВУ 92447. Цена 70 коп.

Карачаево-Черкесская
областная типография,
г. Черкесск,
Первомайская, 47,